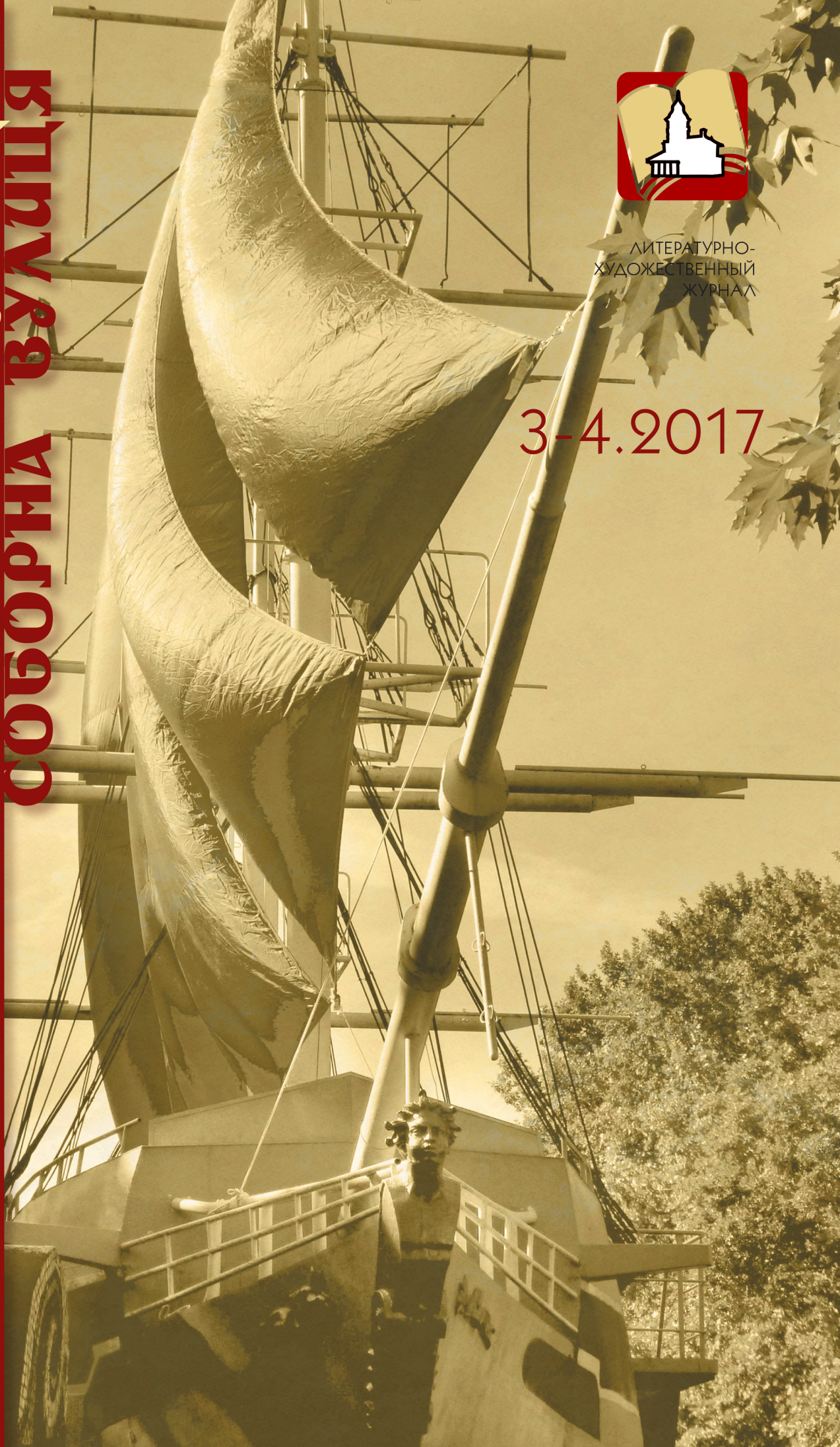
СОБОРНАЯ УЛИЦА

СОБОРНАЯ УЛИЦА



ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

3-4.2017

Валерий Купцов. «Николаевский яхт-клуб». Холст, масло. 80х70 см. 2017 г.

Миколаївський літературно-художній журнал «СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 3-4 (18-19) 2017 р.

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випусковий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
Олена ІВАНЕНКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Тарас КРЕМІНЬ
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Тетяна ТВЕРДА
Тетяна ФАБРИКОВА

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: sobornaya.street@ukr.net

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал

Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г. В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60х841/8
Умовн. друк. арк. 20,93
Замовлення № 2812-1
Тираж 500 прим.

Видано в рамках обласної Програми підтримки вітчизняного книговидання, книгорозповсюдження та популяризації української книги в Миколаївській області на 2017-2020 роки

СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНА ВУЛИЦЯ

Николаевский литературно-художественный журнал

3-4
2017

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Как остаться читателем ... 3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Станислав КОЗЛОВ: Южный Буг – река судоходная ... 4
Владимир ПУЧКОВ: «Мы живём на Занзибаре...» ... 10

ПОЭЗИЯ

Олекса РІЗНИКІВ: В чорний сніг, в білий слід ... 19
Виктор МАМЧЕНКО: Жизни звёздные глаза ... 25
Григорій ЯНОВСЬКИЙ: З солодким присмаком дощу ... 35
Лілія ЗОЛОТОНОША: Це така божевільня – кохання ... 39
Наталка БІЛЕЦЬКА: По білому, як світ ... 51
Алексей ТОРХОВ: Святопусто. *Из седьмой поэтической книги* ... 54
Юлия ШОКОЛ: Незаживающий мотив ... 69
Артем КУЦОЛАБСЬКИЙ: Тільки не згасни ... 74
Світлана ІЩЕНКО: Канадська поезія українською. *Переклади* ... 87

ПРОЗА

Владимир ФЕДОРОВСКИЙ: Внук старого доктора. *Рассказ* ... 30
Алексей ПАЙКИН: Пять дней. Киноманы. *Рассказы* ... 43
Евгений КУЦЕВ: Как оживают пароходы. Спокойной вахты. *Рассказы* ... 59
Ольга БАКК: Брат мой. *Рассказ* ... 64
Таня ГРАЧЁВА: Золотые коронки. *Короткая проза* ... 78
Валентина ГОЛУБЕНКО: Країна жовтої квітки. *Казка* ... 93

ДРАМАТУРГИЯ

Сергей ПИСКУРЁВ: Девочка со спичками. *Пьеса* ... 103

ПУБЛИЦИСТИКА

Лариса ЛЕВЧЕНКО: Містяни вітали Центральну Раду та проголошення незалежності ... 119
Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Под красной звездой ... 127
Сергей ГАВРИЛОВ: Государственная тайна ... 136
Вячеслав ГЕРАЩЕНКО: Зачем нужны кластеры ... 140
Наталія КОСТЕНКО: Любовні і скорботні елегії Дмитра Кременя ... 143

МАСТЕРСКАЯ

Лариса ТВЕРИТИНОВА: Иван Айвазовский. Вид г. Николаева ... 149
Наталья САПАК: Визитка города – художественный металл ... 154
Илона РЕЗНИКОВА: Подобно маяку в пустыне. *Экскурсия по выставке В. Купцова* ... 158
Владимир ПУЧКОВ: Профессия – репортёр. *Фотолетопись И. М. Кальницкого* ... 161

АРХИВ

Борис ЖИТКОВ: Очаковские мастера. *Рассказ* ... 165
Яков БЕЛЬСКИЙ: Эдуард в Николаеве ... 167

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Вадим ШПИЛЬОВИЙ: «Забудь-річка» братів Капранових ... 172
Игорь ТОПОРОВ: «Мозаика» из жизни замечательных людей ... 173
Издательский перекрёсток:
А. Вербец «Мой порог боли». А. Филалеев «Дети войны».
В. Щукин, А. Павлюк «Еврейские земледельческие колонии Херсонской губернии (XIX – нач. XX вв.)».
М. Кондратьев «Сердце, отданное людям». ... 175

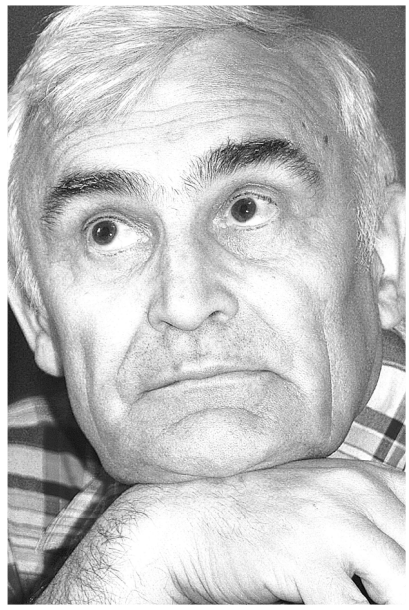
ЭКСЛИБРИС

Татьяна СЕРЕБРЯКОВА: О чём рассказал книжный знак М. В. Эрдели ... 178

ОБЛОЖКА

Оксана ЕВЗИКОВА: «Счастье» с алыми парусами ... 180

КАК ОСТАТЬСЯ ЧИТАТЕЛЕМ



Любопытную сцену пришлось наблюдать в книжном магазине. Одиннадцатилетняя школьница оплачивала в кассе солидный том, мне даже удалось рассмотреть его название – «Дом странных детей». Это была история сиротского дома, переводное сочинение с английского, изданное Харьковским книжным клубом.

– Вот видите, какие преданные у вас читатели, – с улыбкой заметил я кассиру и получил восторженный ответ:

– О, эта девочка пришла уже за вторым томом, ведь книга вышла в трёх томах!

Теперь настала очередь самому взять в руки неизвестное сочинение. Таинственная любовь школьницы к книге открылась сразу, у меня в руках был графический роман, целая трилогия комиксов. Сегодня наши дети выбирают картинку, читают с экрана.

Современные исследователи насчитывают в Украине около 20 млн реальных пользователей Интернет. Сколько среди них регулярно читают, ищут книгу, пропагандируют и продвигают её среди любителей книжных знаний? В любом случае специалисты книжного дела почти единодушно полагают, что Интернет сегодня – единственная площадка для промоушена книги и чтения. Этому служат издательские сайты, продажа книг через Интернет, различные информационные, познавательные проекты авторов книг и интернет-ресурсов совместно с традиционными СМИ.

Тексты, передающие содержание посредством рисунка, визуального ряда, – не новинка украинских издателей. Достаточно назвать книги земляков, братьев Виталия и Дмитрия Капрановых, их «Историю независимости Украины» и знаменитый «Кобзар 2000», выдержавший шесть изданий. Оксана Забужко называет его «мистическим срезом» украинской жизни. Интересен опыт Капрановых и в продвижении своих книжных проектов, они зачастую имеют музыкальное сопровождение, своеобразный саундтрек.

Уместно вспомнить методику коллективного чтения, которую активно пропагандировал учитель Адриан Топоров, автор знаменитого сборника «Крестьяне о писателях». Он уделял много внимания воспитанию читателя, громким читкам, не исключая при этом индивидуальной работы с книгой, чтения в одиночку.

На рубеже двух столетий мы пережили немыслимые ранее атаки на книгу. Да, она не спасёт от катастроф и войн, возможно, значение печатного слова «чрезвычайно преувеличено». Но существует магия книги, она рождается из других, и любая прочитанная книга заставляет прочитать следующую (У. Эко).

Как остаться читателем?

Поскольку общение с книгой занимает много времени, придумайте свою систему чтения, которая даст подобие экономии, компас в книжном море.

Не читайте плохую литературу, обращайте внимание на возраст автора, аннотации. Найдите рецензию на прочитанное, помня при этом, что оценка «понравилось» из сайта не может служить критерием качества художественного творчества.

Подведите итог прочитанного и поделитесь о прожитом дне в дневнике.

Не обращайте внимания на авторские регалии, награды и членство в союзах. Последуйте совету Иосифа Бродского: чтобы развивать хороший вкус в литературе, нужно читать поэзию. Чем больше мы читаем поэзию, тем менее терпимы к многословию.

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

Станислав КОЗЛОВ

ЮЖНЫЙ БУГ – РЕКА СУДОХОДНАЯ

Южный Буг относится к числу больших рек бассейна Чёрного моря. По такому показателю, как водность, он является четвёртой по величине рекой Украины. В то же время это единственная крупная река Украины, бассейн которой полностью расположен на нашей национальной территории. Иными словами, русла как самой реки, так и её притоков не граничат с соседними странами. Южный Буг захватывает территорию Хмельницкой, Винницкой, Кировоградской, Одесской и Николаевской областей, на его берегах расположены такие города, как Хмельницкий, Хмельник, Винница, Первомайск, Южноукраинск, Вознесенск, Николаев. Общая длина реки – 806 километров, в том числе до Бугского лимана – 792 километра. В целом река принимает воды более 70 притоков, 15 из которых мелкие, не имеющие общепринятого названия.

Как умирала река

Южный Буг – река с богатой историей. Греки называли его Гипанис, древние славяне – Бог, тюркоязычные народы – Ак-Су (Белая вода). Общеизвестен тот факт, что в V веке до нашей эры здесь бывал «отец истории» из Древней Греции Геродот, а примерно на столетие раньше где-то на бугских берегах жил великий скифский мудрец Анахарсис.

Издревле Южный Буг был рекой судоходной. Причём очень даже может быть, что представители человеческой цивилизации начали бороздить здешние воды куда раньше, чем другие реки нынешней Украины. И не только Украины.

Об этом говорят результаты археологических раскопок поселения Дикий Сад, расположенного в Николаеве на левом берегу Южного Буга в месте его слияния с Ингулом. К системному изучению поселения археологи приступили лишь в 90-х гг. прошлого века. И выяснилась удивительная вещь – ориентировочное заселение этого городища датируется примерно XIII веком до нашей эры, т.е. периодом крито-микенской, или, как сейчас принято говорить у современных историков, – Эгейской цивилизации.

Получается, что поселение возникло примерно на 800 лет раньше, чем древнегреческая колония Ольвия на правом берегу Бугского лимана, в районе современного села Парутино. Но и это не всё. Результаты раскопок свидетельствуют, что в Диком Саду было не примитивное поселение, а настоящий древний город с храмовым сооружением, крепостной стеной, рвом перед ней и мостом. Система укреплений, обнаруженная здесь, идентична той, что была в легендарной Трое.

По мнению учёных, Дикий Сад был не просто поселением ремесленников, земледельцев и скотоводов, а региональным центром конца II тысячелетия до нашей эры. Он вполне мог являться своеобразной «столицей» территории от Дуная до Днепра и от побережья Чёрного моря до севера современных Николаевской, Одесской и частично Херсонской областей. Найденные же здесь артефакты малоазийского происхождения, скорее всего, попали сюда водным путём. А если так – Дикий Сад был не только значимым поселением, но и единственным из черноморских городов-портов времён Троянской войны.

Шло время, судоходство по Южному Бугу развивалось. В V–IV веках до нашей эры достигла пика своего развития древнегреческая Ольвия – крупный по тем временам город-порт, основанный

выходцами из Милета и поддерживавший торговые связи с метрополией и другими городами-государствами посредством морского судоходства.

Спустя века были и походы русских княжеских дружин на Царьград, и турецкая экспансия, и освоение реки казаками Запорожской Сечи, и, наконец, покорение края российской короной с закладкой верфи в устье Ингула и Южного Буга и основанием города Николаева. И каждый из этих исторических периодов характеризовался судоходством по Южному Бугу той или иной степени интенсивности.

Поначалу Николаев был исключительно «городом при верфи». Но после того как в 1862 году здесь для захода иностранных судов открылся коммерческий порт, а затем была построена железная дорога, стремительно стало развиваться торговое судоходство. Уже к началу прошлого века Николаев превратился в крупный логистический узел, стал третьим портом Российской империи по вывозу экспортных хлебных грузов. Морские суда заходили сюда через Бугско-Днепровско-лиманский канал (БДЛК) протяжённостью 44 мили. Развито было внутреннее грузовое и пассажирское сообщение, в частности, с помощью пароходов РОПиТа (Русского общества пароходства и торговли). Суда ходили из Николаева вверх по Бугу до Вознесенска. Могли бы ходить и дальше, если бы не гранитные пороги. Но и выше на Южном Буге встречались судоходные участки. Речные порты работали преимущественно на экспорт. Их основными грузами являлись зерно, продукция гранитных карьеров, торф.

В «Лоции Чёрного и Азовского морей за 1892 год» указано, что в 1883 году в Николаеве было зафиксировано наибольшее количество речных судов – 623 единицы. Правда, следует пояснить, что одно и то же судно, зашедшее в Николаев, могло иметь две классификации. Так, судно, пришедшее из Одессы, считалось каботажным. Но если через несколько дней после прихода оно направлялось в Вознесенск, то уже считалось речным.

В советские годы судоходство на Южном Буге продолжало динамично развиваться. Глубина БДЛК была увеличена, что позволило проводить в Николаев суда большей грузоподъёмности. Было существенно усовершенствовано навигационно-гидрографическое обеспечение крупнотоннажного судоходства в регионе, в том числе в тёмное время суток, в условиях плохой видимости и ледовой обстановки. Николаевский морской торговый порт наращивал мощности, на южной окраине полумиллионного областного центра был построен третий погрузрайон порта (впоследствии – спецпорт «Октябрьск», а сегодня – государственная стивидорная компания «Ольвия»), появился Днепро-Бугский морской порт, специализирующийся на перевалке гвинейских бокситов для Николаевского глинозёмного завода, Николаевский речной порт, а в центральной части города был построен речной вокзал. Осуществлялись внутренние пассажирские перевозки из города как вверх по реке, так и вниз по Бугскому лиману с выходом в Чёрное море. Для пассажирских перевозок использовались суда на подводных крыльях, благодаря чему можно было попасть в Новую Одессу, Вознесенск, Очаков, а также в города Черноморского побережья за пределами Николаевской области.

Распад Советского Союза резко изменил ситуацию. Рухнули в экономическую пропасть все три огромных судостроительных завода Николаева: на одних производство сократилось, на других – и вовсе замерло. Мощная инфраструктура судостроительных НИИ и КБ, предприятия судового машиностроения – всё это «посыпалось» вслед за замершими верфями.

Распадались прежние хозяйственные связи, а вместе с ними из наших портов ушла значительная часть грузопотоков. Вовсе ненужным оказался мощный рудный комплекс на территории Николаевского морского порта. Морпорт, где к концу 80-х гг. перевалка грузов превышала 9 млн тонн в год, в 1996 г. перевалил всего около 2 млн тонн (для сравнения: в 2016 году этот показатель достиг почти 14 млн тонн).

Из-за сильного сокращения грузооборота нарастали финансовые проблемы, соответственно, прекратилась модернизация старых причалов и строительство новых. А канальный сбор, в те годы получаемый морским портом, шёл на что угодно, но только не на поддержание глубин и навигационно-гидрографическое обеспечение судоходства.

Но и это ещё не все беды, затронувшие нас. К началу 2000-х гг. полностью прекратились речные перевозки по Южному Бугу в пределах Николаевской области выше областного центра. Ситуация сложилась воистину катастрофическая. Речной вокзал закрылся, а т.н. водный «ковш» возле него опустел – там не осталось ни одного пассажирского судна, за исключением небольших частных катеров.

Река умирала в буквальном смысле слова: при заявленной глубине фарватера севернее Николаева в 2,9 м фактически она сократилась до 1,65 м. Южный Буг заиливался, дноуглубительные работы не проводились. По сути дела, он оказался бесхозным и не пригодным для внутреннего судоходства.

«НИБУЛОН», «Ника-тера» и другие

Постепенно ситуация в экономике стала меняться в лучшую сторону. Благодаря мощной транспортной инфраструктуре и уникальному географическому положению Николаев, оставшийся практически без судостроения, сумел выжить. Миссия города с промышленности и судостроения всё больше смещалась в сторону логистики, прежде всего – морской логистики. Появились новые грузопотоки. А главное, став независимой, Украина сумела многократно нарастить экспорт зерновых и масличных культур – не зря же мы обладаем 40% мировых запасов чернозёма! Было создано специализированное лоцманское предприятие – ГП «Дельта-лоцман», возобновилась работа канальной службы, условия навигации улучшились, паспортные глубины БДЛК были восстановлены. В итоге портовая деятельность оживилась. Но непомерные ставки канальных и портовых сборов, непродуманная логистика, устаревшее перевалочное оборудование невысокой производительности и, наконец, неистребимая коррупция объективно мешали развитию судоходства.

И всё-таки, несмотря на проблемы, торговое судоходство развивалось. В Николаеве, словно грибы после дождя, начали расти новые порты и терминалы: «НИБУЛОН», «Ника-тера», «Укрпище-сбыт-сырьё», «Эвери», «Бунге» и другие. Однако речное судоходство по-прежнему оставалось на нуле.

То, что река выше БДЛК продолжала «простаивать», – это был нонсенс, нелепица. Во-первых, перевозки водным транспортом во всём цивилизованном мире экономически самые выгодные в расчёте на тонну груза. Во-вторых, они наносят минимальный экологический ущерб по сравнению с автотранспортом и железной дорогой. В-третьих – и это особенно важно для Украины с её извечной проблемой состояния дорог, – развитое внутреннее судоходство существенно снижает нагрузку на автомагистрали, оно в состоянии снять с украинских дорог десятки и даже сотни тысяч крупнотоннажных грузовиков.

Первым, кто попытался возобновить внутреннее судоходство по Южному Бугу, была компания «Агроэкспорт». Но то ли менеджмент был не на уровне, то ли избранная ею тактика реализации проекта оказалась ошибочной… Словом, вскоре компания разорилась.

Но тут на рынке речных перевозок появился новый мощный и системный игрок – ООО «Сельскохозяйственное предприятие «НИБУЛОН».

Компания «НИБУЛОН» – ровесник независимости Украины. Эта компания, занимающаяся выращиванием, перевозкой, хранением и экспортом зерновых и масличных культур, прошла большой путь и из скромной фирмы со штатом всего в несколько человек к тому времени уже превратилась в предприятие с 6000 сотрудников, вошла в число ведущих украинских предприятий. В Николаеве «НИБУЛОН» построил современный терминал для перевалки на экспорт аграрной продукции.

«Николаев вернул себе славу хлебной гавани Украины, но зерно для экспорта сюда везут по железной дороге и автомобилями. Почему же не воспользоваться выгодным во всех отношениях речным транспортом, тем более что прежде так оно и было?!» – примерно таков был ход мыслей генерального директора ООО СП «НИБУЛОН» Алексея Вадатурского. Как человек, привыкший мыслить масштабно, он решил разработать стратегию возрождения Днепра и Южного Буга как главных внутренних водных артерий Украины. И вскоре началось воплощение этой стратегии в реальную жизнь.

Старт был дан весной 2009 года, когда компания подписала соглашение с верфью ОАО «Вадан Ярдс Океан» на строительство 24-х несамоходных двухтрюмных судов класса «река-море» для перевозки генеральных и насыпных грузов. С их помощью планировалось перевозить зерновые грузы вниз по Днепру и Южному Бугу с доставкой на перегрузочный терминал в Николаеве. А вскоре началось и строительство речных перегрузочных терминалов на Днепре и Южном Буге.

С самого начала это был патриотический проект национального масштаба. Практически весь свой флот «НИБУЛОН» строил по украинским проектам на украинских верфях из украинского металла под надзором украинского Регистра. Остаётся добавить, что суда ходят под украинским флагом и, разумеется, эксплуатируются украинскими экипажами.

Впоследствии компания решила самостоятельно заняться судостроением. С этой целью был приобретён небольшой судоремонтный завод, компактно расположенный на площади в семь гектаров. Завод поначалу находился в запущенном состоянии. Однако времени на раскачку не было. Поэтому судостроительная деятельность на судостроительно-судоремонтном заводе «НИБУЛОН» стартовала параллельно с началом модернизации производства – в 2013 году.

Завод, получивший с приходом «НИБУЛОНа» новое дыхание и ставший судостроительно-судоремонтным, сегодня не узнать. Ремонтируются старые цехи и участки, появляются новые, благоустраивается территория. В мае 2017 года на ССЗ «НИБУЛОН» введен в эксплуатацию цех обработки металла с автоматической линией очистки и грунтовки металлопроката с оборудованием ведущих европейских производителей, аналогов которым в Украине не сыскать. Построен и сборочно-сварочный цех, позволяющий увеличить объёмы судостроительной деятельности. Реконструкция продолжается. Её конечная цель – создание современного высокопроизводительного судостроительного предприятия, которое сможет составить конкуренцию лучшим мировым верфям, занимающимся строительством судов такого же тоннажа. За последние годы здесь для «нибулоновского» флота построено 22 судна – несамоходные суда и буксиры различных проектов, перегружатели, дноуглубительные суда, а в ближайшие годы будет построено ещё 40. Всего же флот «НИБУЛОНа» сегодня насчитывает 60 судов, которые эксплуатируются на Днепре, Южном Буге и в прибрежной зоне Чёрного моря.

В рамках проекта по возрождению внутреннего судоходства компания построила на Южном Буге два речных зерновых терминала – в 2010 году в Новой Одессе и в 2016 году – в районе Вознесенска. К слову, они дают не только рабочие места, отчисления в бюджет и возможность для местных сельхозтоваропроизводителей реализовать свой урожай по конкурентной цене. В обоих случаях строительство сопровождалось ещё и выполнением различных социальных проектов для местных территориальных общин.

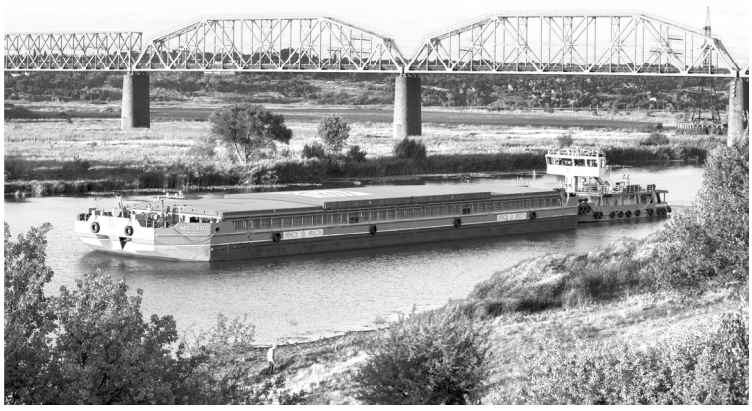
Но было бы странно, если бы компания строила речные терминалы без дноуглубительных работ на Южном Буге. Иначе как же их тогда эксплуатировать?

Вообще-то дноуглубление – функция государственных структур, как, например, в случае с тем же Бугско-Днепровско-лиманским каналом. Государство должно обеспечивать паспортные глубины на внутренних судоходных путях. Однако в случае с Южным Бугом проводить дноуглубление участка от Николаева до Александровки (населённый пункт севернее Вознесенска) общей протяженностью 134 километра государство не торопилось. Да что там не торопилось – не собиралось вовсе! Хотя чиновники прекрасно понимали и необходимость дноуглубления, и ожидаемый экономический эффект.

Поэтому «НИБУЛОН» взвалил на себя прямые функции государства, взявшись провести дноуглубление за свой счёт и с помощью собственных технических средств. Для этого заблаговременно готовилась техническая база, в частности, был закуплен современный земснаряд производства Финляндии «Watermaster Classic IV». При разработке проекта дноуглубления особое внимание уделялось выполнению всех необходимых «бумажных» процедур и экологической составляющей. В итоге за пять лет компания получила 47 всевозможных выводов экспертиз, разрешений и согласований, тогда как сами работы были выполнены примерно за полгода: стартовали в конце 2015 года и завершились летом 2016-го.

Буг подаёт пример Днепру

Среди документов, добывать которые пришлось долго и утомительно, – согласование на проект дноуглубления Министерства экологии и Министерства инфраструктуры Украины, разрешительные документы Госводагентства, Госрыбагентства, Госгеонедр и т.д. и т.п. Все работы были согласованы с сельскими советами и их исполкомами, в каждой сельской общине проведены общественные слушания. Примечательно, что у жителей прибрежных сёл было много сопутствующих предложений: они просили расчистить береговые причалы, лодочные станции, благоустроить зоны отдыха на берегах реки. Компания обязалась всё это сделать. А изъятый донный грунт в рамках рекультивации в одних местах засевали многолетними травами под пастбища, а в других, если это был обычный



речной песок, – использовали для обустройства пляжей.

Оптимальный вариант дноуглубления на участке от Николаева до Новой Одессы – до 2,9 метра, от Новой Одессы до Вознесенска – до 2,65 метра. Но с учётом экологической составляющей проект разбили на две части и начали с так называемого щадящего варианта – дноуглубления до 2,4 метра на участке от Николаева до Новой Одессы и до 2,3 метра – на участке до Вознесенска. Таким образом, объёмы выемки донных грунтов уменьшились сразу в десять раз. А для того, чтобы работать при щадящем дноуглублении, «НИБУЛОН» разработал уникальные проекты несамоходных судов и буксиров с малой осадкой – специально для работы на Южном Буге.

Расчистка русла реки принесла пользу жителям прибрежных сёл, аграриям и инфраструктуре региона в целом. Дноуглубление ведёт к тому, что не будет прежнего прогрева воды, а значит, улучшатся условия для воспроизводства рыбных запасов. И если за предыдущие годы Южный Буг зарос и обмелел, то теперь вода стала куда более чистой. Да и мониторинг лаборатории Южнобугского бассейнового управления показал, что после дноуглубления вода в реке не ухудшилась.

Вот кто действительно пострадал от дноуглубления, так это… браконьеры. Раньше вся река была перегорожена незаконными сетями, а теперь суда, идущие по реке, их срывают. Доходило до того, что на речные буксиры даже пришлось ставить специальные щиты для защиты винто-рулевых колонок от наматывания сетей.

Теперь, после дноуглубления, только «НИБУЛОН» планирует ежегодно перевозить по участку реки от Вознесенска до Николаева 1 млн тонн зерновых грузов. Уже к сегодняшнему дню по возрождённому водному пути компания перевезла свыше 800 тыс. тонн. Также в перспективе, по оценкам экспертов, здесь будут перевозить до 1 млн тонн строительных материалов – песка, щебня, камня из Вознесенского, Братского и других районов области на заводы железобетонных изделий Николаева. В итоге будет перевозиться до 2 млн тонн. А это значит, что с дорог области будет снято десятки тысяч большегрузных машин ежегодно, что существенно снизит давление на дороги и количество вредных веществ, попадающих в атмосферу с выхлопными газами. Для сравнения: до 1991 года по Южному Бугу перевозилось до 1 млн тонн строительных грузов и всего 50 тыс. тонн зерновых. Добавим, что в целом компания перевозит по украинским рекам более 2 млн тонн грузов в год и в ближайшие годы планирует нарастить эту цифру до 4 млн тонн.

На дноуглублении терминал не остановился. Следующий шаг – возобновление пассажирских перевозок. Для этого компания привлекла суда на подводных крыльях (два из них заработали на Южном Буге, одно – на Днепре), которые с лета 2017 года начали осуществлять регулярные рейсы из Николаева до Вознесенска и в противоположном направлении – на Кинбурнскую косу, уже успев перевезти 24 тыс. пассажиров.

Много это или мало? Для сравнения скажем, что за весь 2016 год в Украине водным транспортом было перевезено 446 тыс. пассажиров, а в 1991 году – 28 млн. Так что к масштабам пассажироперевозок 26-летней давности мы вернёмся не скоро. Если вообще когда-либо вернёмся, ведь количество пассажирских судов в Украине за это время сократилось с 2,5 тыс. до 115!

Успешный опыт дноуглубления на Южном Буге будет использован компанией на крупнейшей внутренней водной артерии Украины – на Днепре. Здесь ситуация аналогична. Государство также не спешит заниматься дноуглублением, хотя за последние десятилетия Днепр существенно обмелел и уже четверть века там не выдерживаются паспортные глубины. Однако здесь цена вопроса куда более высока. Если на Южном Буге дноуглубление до Вознесенска в щадящем варианте обошлось компании в сумму свыше 10 млн грн., то на Днепре цена вопроса составляет около 2,5 млн долларов. Согласитесь, цифра совершенно иного порядка.

Несмотря на это, специально для работы на Днепре на ССЗ «НИБУЛОН» был построен высокотехнологичный, инженерно насыщенный земснаряд СДС-15 «Николаевец», способный работать как с обычными донными отложениями, так и со скальными грунтами, разбивая их на глубине до 15 метров. Дноуглубление осуществляется тремя способами: с помощью ковша установленного на нём огромного экскаватора, фрезой либо гидромолотом. Мощный земснаряд способен ежечасно извлекать с речного дна и перекачивать по специальному трубопроводу до 20 тыс. кубометров пульпы (смесь воды с породой) на расстояние до двух километров. А для транспортировки измельчённых им скальных грунтов будут задействованы две шаланды. Разбитый гранит не пропадёт – его можно будет использовать для выполнения берегоукрепительных работ. Судно уже приступило к экспериментальным дноуглубительным работам в районе Днепродзержинского водохранилища. Не исключено, что в будущем СДС-15 будет использоваться и на Южном Буге.

На этом виды компании на Южный Буг как транспортную артерию не заканчиваются. Разработан проект строительства паромной переправы через Южный Буг в районе Матвеевки. Предлагается вместо того, чтобы запускать в Николаев транзитный большегрузный транспорт, следующий в направлении Одессы и обратно, переправлять его несамоходными речными паромами, каждый из которых сможет принять до 40 автомобилей средней массой 40 тонн каждый. Весь бюджет проекта с учётом строительства паромов, буксиров, причалов, дноуглубления, строительства стоянок для грузового транспорта, дорожного покрытия и сопутствующей инфраструктуры составит около 50 млн долларов. Это минимум в 10–15 раз меньше стоимости сооружения на этом месте объездного моста. Также компания вынашивает планы строительства в этом районе ещё одного речного перегрузочного терминала.

Восстановление судоходства на Южном Буге – уникальная возможность для экономического роста региона, для повышения деловой активности, для того, чтобы и у нас, как в США и ряде других стран, реки стали ведущими транспортными артериями страны. Вполне возможно, что вслед за «НИБУЛОНом» и другие компании займутся строительством на Южном Буге речных терминалов, но первопроходцем стал именно он – «НИБУЛОН».

Стратегия возрождения внутреннего судоходства по украинским рекам на примере Южного Буга показала свои очевидные преимущества. Буг подал пример Днепру. Наверняка на этом трудном пути ещё будут и победы, и поражения. Но главное заключается в том, что само движение уже не остановить. Нужно лишь, чтобы государство, наконец, создало честные и прозрачные условия для развития водных перевозок и отечественного судостроения.

Козлов Станислав Вячеславович. *Журналист, зам. главного редактора газеты «Вечерний Николаев». Родился в 1973 году в Николаеве. Окончил с красным дипломом исторический факультет НГПИ. Работал учителем истории в школе Жовтневого района. В те годы приобщился к журналистике. Первый материал был опубликован в «Новой Николаевской газете» (1995). С 1996 – инструктор отдела по связям со СМИ, общественными организациями и объединениями граждан Николаевского горисполкома, с осени 1997 – руководитель отдела. С 1998 работает корреспондентом в газете «Вечерний Николаев». Несколько лет параллельно работал в пресс-службе Черноморского судостроительного завода. Сотрудничал с рядом николаевских изданий, со СМИ Киева и Одессы, публиковался в московских журналах. Удостоен звания «Горожанин года» (2010) в номинации «Средства массовой информации».*

Владимир ПУЧКОВ

«МЫ ЖИВЁМ НА ЗАНЗИБАРЕ...»

Если ваши представления об Африке ограничиваются классическими строками Корнея Чуковского, самое время подумать о путешествии в эти малознакомые края. А именно – на сказочный остров Занзибар, где мне этим летом удалось побывать вместе с группой украинских журналистов. Хоть это и дальний путь (в сумме десять часов полёта из Киева плюс пять часов – пересидка в аэропорту Дубай) и недёшево обходится, но положа руку на сердце скажу: вояж того стоит.

Южный Крест там сияет вдали

В романтической юности, в пору полуночных посиделок с бодрящими напитками и гитарой, в одном из рассказов Александра Грина мы с друзьями наткнулись на стихи про морского волка Джона Манишку:

Не ворчи, океан, не пугай,
нас земля испугала давно,
в тёплый край, в южный рай
приплывём всё равно...

Мы сразу стали их петь, с особым удовольствием ударяя по залихватскому припеву: «Хлопнем, тётка, по стакану, душу сдвинув набекрень!..»

Были в этой доморощенной песне и такие строки, которые до сих пор будоражат память:

Южный Крест там сияет вдали,
с тёплым ветром проснётся компас...
Бог, храня корабли,
да помилует нас!

Вглядываясь в наше звёздное небо – то ли на даче, то ли на Кинбурнской косе, где городская иллюминация не мешает ловить очертания знакомых созвездий, – я иногда с горечью вспоминал, что существует и другое, неведомое нам, «северянам», звёздное небо, в котором живут созвездия Южного полушария. В их числе – и манящий Южный Крест, любимый мореплавателями и поэтами.

Мог ли я представить себе, что однажды появится шанс пересечь экватор, увидеть в иллюминаторе «Боинга» туманные очертания горы Килиманджаро, а затем окунуться в фантастические краски Индийского океана и ступить на белый-белый песок сказочного острова Занзибар!

Занзибар – это небо и океан

«Акуна матата» – значит, нет проблем

«Джамбо!» – первое слово на языке суахили, которое мы услышали, едва выйдя из самолёта. В комплекте с приветственным взмахом руки и широкой белозубой улыбкой это слово в переводе не нуждается. На Занзибаре принято здороваться – как в прежние патриархальные времена в наших сёлах. Встретились взглядами – взмах руки, улыбка: «Джамбо!»

«Хау а ю?» – обязательно спросят вас дальше. И тут вы должны выдать в ответ словесную формулу, которая давно уже стала неким национальным слоганом, вербальным символом Занзибара: «Акуна матата!» («Нет проблем»).

Даже если проблемы есть (а куда от них денешься!), занзибарцы весело и упорно убеждают себя и гостей: «Акуна матата!» И на душе становится легко и празднично.

Наш гид Джонсон Джошуа убеждал нас в том, что в лексиконе занзибарцев вообще отсутствует понятие «плохо». То ли это врождённый оптимизм, то ли присущий островитянам «пофигизм», – но по любому поводу звучит «Акуна матата!». Эти слова – девиз и философия острова. С них начинается и ими заканчивается любой разговор. Эти слова – одновременно и приветствие, и ответ на приветствие, и пожелание всего доброго. «Hakuna Matata!» – эти слова пишут на футболках, платках, парео, сувенирах, сумках. Они – как заклинание: «Всё хорошо!»

Похоже, занзибарцы крепко верят в магическую силу слов. Они осознают, что слово не только отражает действительность, но и формирует, программирует её. Так зачем же настраиваться на негатив? Скажешь «плохо» – вот и накличешь на себя плохое! А скажешь «нет проблем» – все тревоги растают как дым. И жизненные горизонты очистятся – как огромное занзибарское небо, с которого быстро убегают облака, открывая жаркое и щедрое солнце.

Под сенью пальм и модных хижин

Занзибар – это, прежде всего, чудесные пляжи. Они тянутся по побережью, где рыбацкие деревушки чередуются с отелями – на любой вкус и карман. Тут и капитальные четырёхзвёздочные, и лёгкие строения типа «бунгало», стилизованные под туземные хижины, но со всеми удобствами внутри.

Курортный и туристический бизнес начал развиваться сравнительно недавно, десять-пятнадцать лет назад. Убедившись в стабильности и защите бизнеса, на остров пришли опытные инвесторы из Германии, Италии, Великобритании, Арабских Эмиратов и других стран.

Герд Винкель, хозяин четырёхзвёздочного отеля Spice Island, с гордостью демонстрировал нам своё детище, в котором упор сделан на то, чтобы комфортность сочеталась с максимальной близостью к природе и нанесением минимального ущерба окружающей среде. Он, магистр экономики и политических наук, уже много лет живёт «на два дома», проводя по полгода в родной Германии и ставшем ему родным Занзибаре, консультируя местные власти по вопросам туризма.

В отеле Azao с украинскими журналистами неформально и откровенно пообщался генеральный менеджер британец Тони Лесли, рассказав о том, какие возможности открываются в Занзибаре перед иностранными инвесторами, желающими развивать здесь туристическую сферу.

Замечательно гостеприимно встретила нас в Smiles Beach Hotel на самом севере острова главный администратор турчанка Айлин Ердем. К украинским журналистам здесь особый интерес: всё больше туристов из нашей страны стали посещать Занзибар, и здешние бизнесмены заинтересованы в том, чтобы этот поток возрастал. Тем более что на острове можно отдыхать в любое время года.

Есть на свете чудо-остров, только жить на нём непросто

Архипелаг Занзибар притулился к восточному побережью Африки и входит в состав государства Танзания на правах автономии. Главный остров по площади в 15 раз меньше территории нашей области, а народу на нём проживает примерно столько же – более миллиона. С началом турсезона население, естественно, сильно увеличивается, потому что именно туризм сегодня составляет основу – 80% экономики острова. Остальное – выращивание и производство специй: перец и гвоздика, ваниль, корица и кардамон, другие пряности, а также кофе и чай – вот вам и вся экономика.

Местное население живёт в основном в деревнях. За счёт чего? Натуральное хозяйство: рис, фрукты-овощи, огороды, отвоёванные у джунглей, куры и удивительные тропические коровы зебу с горбом на загривке, которые в здешних условиях более выносливы, требуют меньше корма и дают до 10 литров молока в день. Традиционное рыболовство: океан щедр не только на рыбу, но и дарит другие морепродукты – большие и порой очень большие креветки, лобстеры и лангусты, кальмары и осьминоги...

Новая Африка – «масаи» со смартфонами

Всё это позволяет прокормиться, но живых денег не приносит. А вот с наёмной работой на острове туго. Госслужбы на всех не хватает. Поэтому с началом турсезона местное население темпераментно атакует «понаехавших», активно предлагая всяческие поделки: бусы, вырезанные из чёрного эбенового дерева стилизованные африканские фигурки, магнитики, разрисованные в местном стиле «тингатинга» пляжные парео и футболки, другие экзотические сувениры. И, конечно же, разнообразнейшие диковинные ракушки и раковины, которые официально вывозить запрещено, но многие туристы, конечно же, ухитряются упаковать их поглубже в багаж и ублажить чиновника в аэропорту мелкой долларовой купюрой, которая с благодарностью принимается и молниеносно прячется в бездонных карманах.

Говорят, что чиновников здесь называют «тараканами». Они прожорливы и быстро размножаются, кормясь за счёт народа и вымогая мзду. Слава Богу, туристам с ними сталкиваться практически не приходится. Но даже поверхностное знакомство с кусочком Африки дало нам понять: то, что у нас называется коррупцией, – явление универсальное, настоящее бедствие развивающихся стран.

Царство пряностей и работорговли

У Занзибара богатая, сложная и своеобразная история. Темнокожие люди жили здесь испокон веков. Начиная с X века н. э. сюда стали проникать персы из Шираза. Занзибарцы до сих пор именуют себя «ширази», хотя персидские поселенцы были довольно быстро ассимилированы. Именно они принесли на Занзибар ислам. В настоящее время мусульмане составляют до 90% населения, остальные – последователи африканских языческих культов и немногочисленные христиане. В XVI веке остров стал португальской колонией, но в XVII веке арабы стали вытеснять европейских колонизаторов из западной части Индийского океана. Остров надолго стал крупнейшей перевалочной базой по вывозу из Африки пряностей и золота, слоновой кости и ценных пород дерева, а главное – живого товара.

Тысячи африканцев, которых отлавливали в материковых джунглях, переправляли на Занзибар, и уже отсюда они попадали на невольничьи рынки Индии, Персии, арабских стран и даже Китая. С рабами обращались очень жестоко. В отличие от тех, кого продавали в Америку, здешним невольникам, увозимым в страны Азии, не позволялось создавать семьи, мужчин кастрировали. Старые обиды до сих пор живут в памяти занзибарцев: здесь недолюбливают арабов и индусов, хотя во внешности многих жителей Занзибара, при всеобщей темнокожести, явно видно смешение африканских и арабских черт.

В океан – как и тысячу лет назад

Воскресный день в деревне Нунгви

В XIX веке Занзибар стал султанатом. Как гласит всезнающая Википедия, к 1853 году самый могущественный из оманских султанов, Саид ибн Султан, установил контроль над значительными участками африканского побережья и перенёс свою столицу на Занзибар. Остров переживал новый подъём, связанный с возросшим спросом на слоновую кость и рабов. При султане на Занзибаре велось широкое строительство; архитектурные памятники старой столицы Стоун-Тауна внесены ЮНЕСКО в Список всемирного наследия. В 1890 году Занзибар стал британским протекторатом. Англичане запретили работорговлю и привнесли черты европейской цивилизации и научно-технического прогресса. Из наиболее заметного, что от них осталось: английский язык, который, наряду с государственным языком суахили, признан официальным, левостороннее движение на дорогах и громоздкие трёхштырьковые электрические розетки и вилки, к которым требуются специальные адаптеры. В начале 1964 года британское правительство передало Занзибар арабскому султану, но уже через неделю после ухода британцев на острове вспыхнул бунт: чёрное население не захотело больше быть под властью арабов – началась резня! Ненависть к потомкам работорговцев была огромна: в ходе восстания было убито более 10 000 арабов. Ну а как жить дальше? Как остановить вековую этническую вражду?

Вопрос был решён по-занзибарски: «Акуна матата!» – врагов надо переженить! Было объявлено, что любой чернокожий может взять в жёны арабскую девушку. Парней и девушек выстраивали шеренгами лицом друг к другу. Юноша мог бросить в избранницу камешек и... жениться на ней. И хотя на Занзибаре до сих пор остаётся немало свидетельств жестокости работорговцев, многие из которых были арабами, кровная месть на этом закончилась. Ведь в жилах уже выросших детей и внуков течёт арабо-негритянская кровь. Традиция создавать интернациональные семьи жива на острове и сегодня, в этом легко убедиться: достаточно посмотреть на лица и одежды островитян.

Когда рассказали эту историю, я вспомнил старую николаевскую легенду о том, как Николаев стал «городом невест». В новорождённом городе близ заложенной в устье Ингула верфи на первых порах катастрофически не хватало женщин. И тогда местные власти проделали такой же фокус: привезли на площадь перед Адмиралтейством женщин и девушек из ближних селений, построили в две шеренги лицом к лицу истосковавшихся мастеровых и прибывших дам – и дали команду выбирать себе пару. А священники тут же по-быстрому венчали «суженых-ряженых». Не правда ли, похоже?..

После революции руководство Республики Танганьика (так называлась материковая часть нынешней Танзании, которая получила независимость от Британии в 1961 году) и руководство Народной Республики Занзибара объявили о создании Объединённой Республики Танганьики и Занзибара. Вскоре название было сокращено и единая страна стала называться Танзанией.

Говорят, Танзания – одна из наиболее благополучных стран африканского континента. Она очень богата природными ресурсами и быстро развивается. Население – около 50 млн человек (напомню: в Украине на сегодня числится 42,5 млн) и непрерывно растёт. В стране введено обязательное бесплатное 7-летнее образование, с двухразовым питанием за счёт государства. Для бедных семей, в которых в среднем по 7 детей (а бывает и 10–15), это неплохой стимул и поддержка. Учёба всячески поощряется. А вот если семилетний ребёнок вовремя не пошёл в школу, родителям грозит наказание, вплоть до тюрьмы. В семилетке обучение ведётся на суахили. Далее по желанию родителей, за доступную плату, дети могут продолжить учёбу. В средней школе, с 8 по 11 класс, преподавание ведётся на английском – втором официальном языке государства.

Признаюсь: некоторым из нас, украинских журналистов – участников пресс-тура на Занзибар, было немного стыдно. Простые занзибарцы и даже танзанийские школьники владеют английским куда лучше нас, горделиво именующих себя европейской нацией. И тут мне вспомнилась случившаяся в 2003 году стажировка в американском штате Флорида. Руководителем нашей программы был сотрудник местного университета доктор Джесси Лютабингуа. И вот что меня тогда удивило: оказалось, что темнокожий Джесси – не потомственный американец, он приехал в Америку именно из Танзании, защитил здесь диссертацию и остался преподавать.

Словом, не надувайтесь от осознания своей «европейскости», земляки-украинцы! Учите языки – а там, глядишь, и Африку догоним!

Кстати, здесь тоже пытались строить коммунизм

Тут не мешает вспомнить недавнюю историю, которая на какое-то время тесно связала наши страны. Обретя независимость, Танзания, населённая представителями почти 130 этнических групп (попросту говоря, племён), на первых порах попала под влияние СССР, который, как мы помним, активно поддерживал национально-освободительные движения. Молодые революционеры заразились марксистскими идеями. Правда, в их крайне упрощённом и извращённом – левацком, троцкистско-маоистском – варианте.

Сперва был провозглашён курс на строительство нации. По всей стране началась «добровольная кампания» по участию молодёжи, женщин, стариков в строительстве общественных объектов, дорог, мостов. Эта повинность сочеталась с обучением военному делу. В то же время многие из руководителей правящей революционной партии ТАНУ (Танганьикский африканский национальный союз) занялись личным обогащением. В 1966 году вспыхнули протесты студентов, отказывавшихся исполнять трудовые повинности. Власти Танзании подавили эти выступления военной силой.

«Акуна матата!»

В 1967-м руководство ТАНУ объявило о программе строительства в Танзании... коммунизма. Были национализированы банки, промышленные предприятия, внешнеторговые организации, сельхозплантации, в том числе принадлежавшие иностранцам. В деревнях стали создаваться колхозы согласно концепции танзанийского коммунизма – «уджамаа». Эти новшества встретили особенное сопротивление на Занзибаре, дошло до того, что в 1972 году тут был убит главный партийный лидер. В отместку власти Танзании казнили несколько десятков заговорщиков. В середине 1970-х годов состоялась операция «Мадука» по полной национализации всей розничной торговли в стране, но она окончилась провалом.

Однопартийная система правления, существовавшая с 1970-х годов, прекратила своё существование в 1995-м, когда уже и СССР распался, и КПСС приказала долго жить. В Танзании были проведены выборы на многопартийной основе. На этом «коммунизм» исчерпался.

Впрочем, об СССР здесь многие до сих пор вспоминают с симпатией. Советский Союз на первых порах крепко помог молодой стране – особенно в подготовке кадров, создании и вооружении армии. Многие танзанийцы получили образование в бывшей нашей стране, и русский язык здесь не в диковинку.

Об Украине они тоже знают и сочувствуют нашим нынешним бедам. Во-первых, в последние годы сюда приезжает всё больше туристов из нашей страны. Во-вторых, по традиции многие танзанийцы доныне получают образование в украинских и российских вузах. Говорят, что нынешний президент автономии Занзибар окончил Одесский мединститут.

Бич-бойз из «поколения Фейсбук»

– Меня зовут Марко, – весело сообщает встреченный на берегу океана высокий и тощий темнокожий юноша в яркой национальной одежде, с многочисленными бусами, кулончиками и другими висюльками на шее. – А это мой друг, его зовут Фродо...

«Ага, как же, Фродо, – думаю про себя. – Типично африканское имя!.. Мальчики явно начитались Толкиена. Не хватает только магического посоха волшебника Гэндальфа...»

Впрочем, есть и магический посох. У Марко и Фродо в руках длинные, тонкие, но, похоже, очень прочные, жерди и странного вида деревянные колотушки. Поймав мой удивлённый взгляд, Марко протягивает свою отполированную до блеска изогнутую деревяшку, пытаясь «на полном серьёзе» убедить, что в руках воина – это страшное оружие, которым можно запросто убить леопарда.

– Мы с Фродо приехали с материка, живём возле горы Килиманджаро. Мы – настоящие масаи...

Ах вот оно что: мальчишки, как и многие здесь, «косят» под масаев. Забавная смесь африканской экзотики с культовой игрой во «Властелине колец». Масаи сейчас, как говорится, в тренде. Окутанное легендами племя, живущее на севере Танзании и в соседней Кении, не признающее государственных границ и предпочитающее традиционный уклад, славится своими мужественными, сильными и выносливыми мужчинами-воинами. Им приписывают множество фантастических качеств и умений. Мы заметили, что многие на Занзибаре пытаются выдавать себя за масаев, чтобы произвести впечатление на туристов.

Стоун-Таун – древняя столица острова

Пока мы разглядываем диковинные одежды и украшения, Марко легко и непринуждённо, как о само собой разумеющемся, рассказывает, что недавно они с другом на склоне горы Килиманджаро завалили льва с помощью вот этой колотушки – и теперь, по обычаям масаев, их можно считать настоящими воинами. Как доказательство, он демонстрирует висящий на шнурке, рядом со смартфоном, пожелтевший костяной огрызок, утверждая, что это – клык поверженного ими «царя зверей».

Ребятам не просто захотелось пообщаться – как и многие здесь, они пытаются «впарить» приезжим отдыхающим местные сувениры и

заработать свою копеечку. Но Марко и Фродо делают это так весело и ненавязчиво, артистично и изящно, так охотно позируют перед фотокамерой, что рука сама тянется к кошельку – и мы берём у друзей на память какие-то совершенно ненужные нам деревянные мисочки, разукрашенные африканским орнаментом.

В заповеднике Jozani Forest

«Не забывайте, друзья, это Африка!»

– Не забывайте, друзья, это Африка! – смеясь, комментирует встречу с занзибарскими «масаями» наш гид Джонсон, много поведавший группе украинских журналистов о местных нравах и обычаях.

Мы не раз слышали эти слова – и как объяснение, и как оправдание, и как напоминание о том, что мир огромен и многообразен и нельзя со своей привычной меркой подходить к тому, что изумляет тебя на другом континенте.

– Это – Африка! – развёл руками немец-менеджер в одном из отелей, когда мы обратили его внимание на явное нарушение техники безопасности: перебитый кабель, торчащий из земли прямо на дорожке возле места парковки автомобилей. Едва прикопанный, он был протянут к старому-престарому баобабу, украшенному электрогирляндой иллюминации. По словам аккуратного немца, ещё утром кабель был цел и невредим.

«Но здесь же – Африка! Допустим, у вас сел аккумулятор. Что делает европеец? Вызывает ремонтников или, в крайнем случае, «прикуривает» у другого водителя – со всеми предосторожностями, соблюдением мер безопасности и т. д. А что делает африканец? Выдёргивает из земли провод под напряжением 220 вольт, перерубает его, как-то зачищает концы, приставляет к клеммам – др-р-р! всё искрит! – завёлся, поехали!..»

В разгар дня в нашем номере вдруг прекратилась подача воды. Думаем: авария, поломка водопровода, бывает. Вскоре вода появляется.

– Что это было? – спрашиваем у менеджера.

Оказывается, работник из местных вовремя не подкачал воду в водонапорную башню – просто забыл. В Европе такое немыслимо, но… «это же Африка!» – виновато улыбается немец. И этим объясняется всё. Или почти всё.

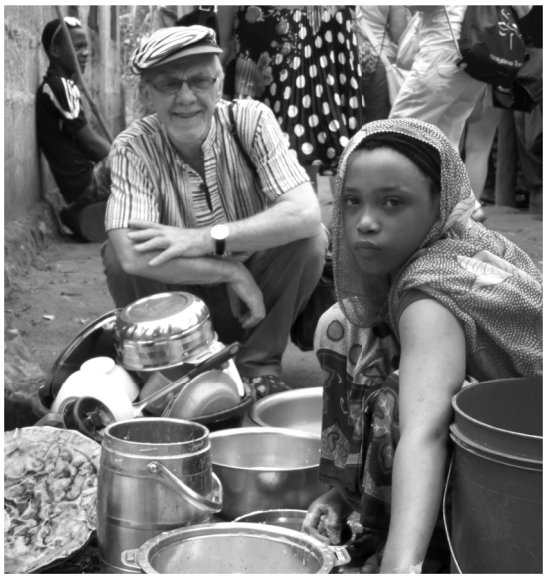
Кроме «Акуна матата» («Нет проблем»), у занзибарцев есть ещё одно излюбленное словосочетание: «Поле-поле». Оно переводится примерно так: «потихоньку, не спеша, мало-помалу» – и сполна характеризует темп местной жизни. Тут никто никуда не спешит – ни официанты и повара в ресторанах, ни уборщицы в отелях, ни пограничники в аэропорту. А куда спешить? «Поле-поле...». И опять-таки – «Акуна матата».

Раньше остров Занзибар был известен как центр мировой работорговли. Как говорится, крутая тусовка для пиратов всего света. Теперь это место отдыха с чистейшими пляжами и лазурным океаном.

Поразительный контраст: роскошные гостиницы вдоль прибрежной зоны – а за заборами грязь и нищета. Маленькие домики, слепленные из покрученного кораллового камня, в большинстве накрытые матами из сухих пальмовых листьев, – это жилища, в которых ютятся многодетные семьи. Мебели – никакой, сидят, обедают и даже спят на голом цементном полу – то ли в домике, то ли под навесом типа верандочки. Но при этом не выглядят несчастными – наверное, тут тоже срабатывает универсальный занзибарский девиз: «Акуна матата!»

– Не забывайте, друзья, это Африка! – грустно комментирует гид.

Надо отдать должное местным властям: сделав ставку на развитие туризма и курортного бизнеса, они всерьёз взялись за сохранение богатейшей природы острова. Части территории придан заповедный статус. На Занзибаре вне закона полиэтиленовые пакеты, в торговле используется только бумажная упаковка, а пустые пластиковые бутылки можно сдавать в приёмные пункты за деньги. Но утилизация мусора, грязь и антисанитария остаются большой проблемой для развивающейся страны. Впрочем, положа руку на сердце, скажите: а разве у нас в Украине это не является проблемой?



Юная красавица

Сколько, по-вашему, должна стоить невеста?

Когда выпадает пауза во время переездов, мы расспрашиваем гида о жизни африканцев. Джонсон – из материковой Танзании, очень неплохо владеет русским, у него отличное чувство юмора – и мы хорошо понимаем друг друга. Парню 42 года, но выглядит значительно моложе. Он католик, окончил университет, отец военный, когда-то учился в СССР, – и наш гид хорошо осведомлён о нашем образе жизни и наших проблемах.

– Почему ты до сих пор холост, Джонсон? – пристают к нему наши «коллежанки».

– Не накопил ещё на выкуп за невесту, – отшучивается гид.

– А сколько надо накопить? – спрашиваем.

– Смотря за какую невесту! – отвечает Джонсон.

И в материковой Танзании, где более половины населения относят себя к христианам, и на Занзибаре, который почти полностью мусульманский, ещё крепка традиция, согласно которой жених обязан платить за невесту «калым», исчисляемый в... коровах. Цена зависит от многого: ума и красоты невесты, уровня её образованности, состоятельности семей. В последние годы ценится именно образование, современная профессия, позволяющая получить хорошую высокооплачиваемую работу. Особо ценят на Занзибаре врачей. За такую невесту и десяти коров не жалко! Разумеется, это не означает, что жених должен пригнать к дому невесты мычащее стадо (хотя где-нибудь в глубинке, в сельской местности и такое возможно). Корова – это условная единица, как говорится, «у.е.».

Впрочем, современное поколение, которое Джонсон называет «поколением Фейсбук», уже не придерживается вековых традиций отцов и дедов. Нравы стали современнее – как и во всём мире.

Есть ещё один нюанс: в поголовно мусульманском Занзибаре можно иметь до четырёх жён. И не только в теории, но и на практике. Правда, необходимо быть достаточно состоятельным человеком, чтобы позволить себе такую роскошь: ведь жён и рождённых ими детей надо достойно содержать. Сопровождавший нас в одной из экскурсий гид, называющий себя на американский манер Майклом, окончивший недавно юридический факультет и готовящий себя к карьере адвоката, застенчиво признался, что у его отца, преуспевающего медика, – четыре жены. А у него, Майкла, – восемь братьев и сестер. Все они дружат, в отличие от их мам, которые, как мы поняли, не очень дружны. Но папа старается делить своё внимание и поддержку по справедливости, поровну.

– Ну, образование, профессия невесты важны, это понятно, – тормошим мы Джонсона. – А любовь, общие интересы, идеалы – с ними как быть? А что африканцы включают в понятие женской красоты?

Немного засмущавшись, Джонсон сообщил, что в Африке по-прежнему главным достоинством женской фигуры считается «большая попа». Хотя сегодня, под влиянием телевидения и навязывания западных стандартов, критерии меняются. Но всё-таки идеалом остаётся женская фигура в виде «восьмёрки». Для наглядности наш гид нарисовал руками в воздухе очертания этой самой «восьмёрки» – и красноречивый жест поняли бы мужчины любого континента и цвета кожи.

* * *

А созвездие Южный Крест, с которого начинались эти заметки, мы нашли на небе в первый же вечер на Занзибаре – помогла всезнающая Википедия. Кстати, несмотря на «поле-поле» и «акуна матата», с интернетом на африканском острове всё в порядке. В каждом отеле к нашим услугам был бесперебойный и бесплатный «вай-фай». И это делало наше путешествие вполне комфортным.

Фото автора

Різників Олекса Сергійович (творчий псевдонім Різниченко). Український письменник, мовознавець, просвітянин, громадський діяч. Народився 24 лютого 1937 р. у Єнакієвому, на Донбасі. В 10-літньому віці з родиною переїхав до Первомайська (Богопіль). Тут закінчив школу, навчався в Одесі. Служив у морфлоті. 1959 року арештований Одеським КДБ, трибуналом засуджений до 18 місяців таборів за антипартійну листівку, поширену 1958 року в Кіровограді та Одесі. Строк відбував у Мордовських таборах. 1968 року закінчив українське відділення філфаку Одеського університету. Працював на різних роботах – від вантажника, страхагента, електрика до журналіста. 1971 року арештований вдруге і засуджений на 5 з половиною років. 1990 року вийшла перша книжка поезій «Озон», того ж року прийнятий до НСПУ. 1995 року переїхав до Одеси. 1997 р. увійшов до керівництва Всеукраїнським «Меморіалом» імені В. Стуса; призначений на громадських засадах головою Одеської міської комісії з питань реабілітації; певний час був головою одеської обласної «Просвіти». У 1996–1998 рр. працював в інспекторсько-методичному центрі Одеського міськвиконкому. З 1998 р. керує літературною студією «Гарт» міського Палацу дитячої та юнацької творчості. На сьогодні має понад два десятки книжок, половина з них – мовознавчі. Лауреат літературних премій: ім. Павла Тичини (1993), ім. К. Паустовського (1998), ім. Тараса Мельничука (2004), ім. Степана Олійника (2011), ім. Бориса Грінченка (2011), ім. Ярослава Дорошенка (2015), ім. Тодося Осьмачки (2016). Нагороджений орденом «За заслуги» 3 і 2 ступеня.

Олекса РІЗНИКІВ

В ЧОРНИЙ СНІГ, В БІЛИЙ СЛІД

ВУЛКАН

Ви кажете – загоїлось, зрослось.
Погаслим називаєте вулканом,
І унизу причаєне село
Затягуєте зашморгом-арканом.
Ви кажете: я сам себе скував,
Ввібравшись в шкаралущу із граніту –
Так паросток зелений пробива
Броню горіха на початку літа.
Ви вірите й не вірите мені,
Моєму сну, спокою і терпінню,
Моєму вже замшілому камінню
І крові, що спеклася у граніт.
Пасіть овець, кохайтесь на мені,
Видовбуйте зразки мойого тіла –
Я зовні сплю! Нутро ж моє в огні,
Калата серце променисто-біле!
Не стережіть, а стережіться вже:
Не встигнете пробачення просити,
Коли в нутрі полосоне ножем
І вибухну скажено на півсвіту!
«І потече сторіками»...

1971 р., весна.
Перед арештом

№ 81

Мені поезія – потреба,
Інстинкт, без котрого не жить.
У риби – море, в птаха – небо,
У мене – волю заберіть:

Сумує птах, рибина – гине…
І лиш поезія – горить!
Поет в думках ширяє вільно
І може «сидячи» творить.

3.03.72.
Камера Одеського КДБ

№ 533

Нема на світі України,
Немає другого Дніпра.
Т. Шевченко

Ім'ям республіки моєї
Мене засуджено тепер
Лиш за любов мою до неї,
До Української СР.

Така іронія глибинна,
Що навіть дна не дістаєш!
Невже любов до України
Антирадянщиною є?

А я – люблю! Нащо таїти
Цей гріх (коли це справді гріх)?
Люблю поля її і квіти,
Ліси і гори, плюскіт рік.

І не лише за миску повну,
Що на столі моїм стоїть,
Люблю також і за духовні
Нетлінні цінності її.

Чи ж є любов моя злочинна?
Так, так! Злочинна є! – товчуть.
Мою любов до України
Антирадянською зовуть!

Брехня нікчемна! Є на світі
Одна Вкраїнська РСР,
Яку не можна не любити!
Яку є злочин – не любити!
Яку люблю –
Хоча б і вмер!

18.06.72. Камера КДБ

* * *

Отак минає день за днем.
А я, мов той чернець печерний,
сушу й гризу свій хліб печений.
Сум сушить і гризе мене.
До чого ж ми догриземося,
моя гризото, відкажи –
чи до низин, чи до вершин,
куди нас дідьки лисі носять.
Отак минає день за днем
і буйна завязь відцвітає.
Вставай, печернику, світає,
твою гризоту загризем…
Так і минає день за днем.
Так і минає...

18 06.72. ОР. Камера, №531

* * *

На моїм гралі дві струни,
бо решту вітром позривало.
І ось в руках держу цурпалок…
Покинуть? Боже борони!

В нім – дві струни. Хіба це мало?
Як пара рук, як пара ніг,
як пара крил міцних, пружних,
котрі природа дарувала!

Ще в небеса полине з них
те, що під серцем сповивалось,
те, що веде мене й п'янить.

Не замовкай, двострунне грало!
Чистіш, ясніше забрини, –
бо ти іще не все програло!

5.08.1972

ГОНИТВА

Оленя гнали цілий день
по снігу, ствердлому в морозі.
олень свої поранив нозі –
лишав мереживо руде.

Що важче дихати було,
що тяжче м'язи надимались,
то поступово смерті зло
добром привабливим ставало.

Тож, як захекано упав,
не хтячи бігти ані жити –
із серцем ножик розмовляв
вже як не вбивця, а збавитель.

27.08.72. Свердловськ.
Пересильна тюрма

* * *

Підземний боже, не молюсь тобі,
не б'ю поклонів і не уклякаю.
Над нами є небесний справжній Біг,
і хоч його імення я не знаю,

люблю його дороги голубі,
рожеве світло з краю і до краю,
день, що панує у його добі,
добро, яким той Біг за зло карає.

Я зла ніколи не любив робить.
Добра ж не роблять. Ним лише сіяють.

І я тепер ось, далебі, не знаю,
що заробив у Бога я собі…

А те, що до підземного звертаюсь,
то це тому, що груші на вербі…

10.07.1973

* * *

Чи неба тло – чи дерево на тлі?
Яка глибінь! Окресленість яка!
Ся невичерпність – і кора крихка,
щось неземне – і виплодень землі.

Бентежний сум і смуток, мов ріка,
і скільки не чалапай – до колін.
Мій світанковий чаре, не малій
і – хоч один у світі – не лукав.

Ані годин, ні пір, ані століть,
ні плину хмар, ні шереху листка,
стоїть застигла свічка на столі
із прапорцем червоним язичка.

…Я обережно, щоб не налякать
і не сполохать, – встану із колін!

2.03.1974

* * *

Євгену Сверстюку

У церкві мовчання дзвіниця німа,
лиш вітер між дзвони гуляє,
він серце залізне торкає, хитає,
але замалий, заслабенький той мах.

У церкві мовчання ікона святая
до себе самої уклякла сама,
а я поміж ними стою обома,
пекучі знемоги, зневіри ковтаю.

У церкві мовчання лютує зима,
могилки рожевих пелюсток змітає,
між них десь для мене, живого, одна є,
та тільки стежини до неї нема.

У церкві мовчання я свічку тримаю,
а церква мене, ніби свічку, трима.

26.05.1975

* * *

Матері

Стала хмара чорна аж біла,
повновода, аж навпаки,
пухне, бухне на всі боки,
розповзлася, аж зовсім збіглась,

ізібгалася. Торочки,
мов калені, зелені стріли
у намоклу землю встромила,
віджовтавивши в колоски.

Стала хмара, згорнула крила
та й униз – на грядки й грудки.
Так летять місяці й роки,
як та хмара униз летіла.

Мама з чорної стала біла,
стала біла, аж навпаки.

11.07.1975

ЗЛЕТИМО???

Навколо не полум'я – тіні!
Не іскри палючі, а тлін!
І це – коли йде воскресіння?!
Державотворіння з руїн?!!

Охлялі, байдужі, мізерні…
Як гнойовики, слимаки…
А спереду ж – терні та стерні
І вістря секір і сокир!

Навколо не люди, а плями!
Навколо не криця, а скло…
Сповзають без тями до ями.
А треба ж – злітати! В сідло!

А треба ж злітати – у небо!!

«Я спробую!» – каже амеба.

…А там, десь на сході Донбасу,
У пеклі, в геєні, в огні
Новітня гартується раса
Крицево-шляхетних синів!

Липень 2017 р. Одеса

* * *

Гей на чорнім снігу білий слід моїх ніг,
на зчорнілім снігу пишні ружі цвітуть,
ніби сльози криваві, може, й я упаду
білим-білим на цей чорно-кликучий сніг.

Гей, такого було у моєму роду!
те ж судилось мені… не минуло мені,
і осадок гіркий, відворотний на дні –
треба пити оту гіркоту-блекоту.

Чорний сніг долежить до трави, до весни,
білий слід моїх ніг пропече чорноту,
і ні в квітні, ні в травні на нім не зійдуть,
не зростуть, не заквітнуть перлини ясні,

що упали й впадуть в білий слід на біду
в чорний сніг, в білий слід, в чорний сніг.

28.10.1975

Виктор МАМЧЕНКО

ЖИЗНИ ЗВЁЗДНЫЕ ГЛАЗА

Мамченко Виктор Андреевич. Родился в 1901 году в Николаеве. Служил на флоте. В 1920-м вместе с другими моряками русской эскадры совершил смертельно опасный переход из Севастополя в Бизерту и несколько лет прожил в Тунисе. Там работал грузчиком, маляром, наёмным работником на ферме. В 1923 году перебрался в Париж. Некоторое время обучался на филологическом факультете Сорбонны, но бедность заставила бросить учёбу. Поэт, журналист. Первый сборник стихов (рукописный) – «Паузники» (1924). В 1925 году по его инициативе был основан «Союз молодых поэтов и писателей» (1925), участник объединения «Круг» (1935–1939). Был близок к кругу Зинаиды Гиппиус. Автор поэтических сборников: «Тяжёлые птицы» (1936), «Звёзды в аду» (1946), «В потоке света» (1949), «Земля и лира» (1951), «Певчий час» (1957), «Воспитание сердца» (1964), «Сон в холодном доме» (1967). Последние годы тяжело болел (после перенесённого в 1967 г. инсульта). Умер 11 декабря 1982 года в г. Шелль под Парижем.

ПАМЯТЬ ЧЕРНОМОРЬЯ

У моря Чёрного я помню Буг:
Он тих и стар у летнего порога,
Но осенью, как отрок-недотрога,
На море грозное кидался вдруг.

Вдали – и мост, в Варваровку, понтонный,
Чуть-чуть по-эллински он музыкой звучал;
По нём стучал натужный топот конный,
А Николаев – Ольвией скучал.

Варваровка! Не скифский ли там стан
Гонял коней для эллинской заставы?
В земле, поглубже, – вот Дианы стан,
В руке – стрела охотничей забавы;

В глазах её и мужество, и робость…
Историей весь берег перекрыт!
Археология, божественная пропасть,
А сад в цвету, весь пчёлами покрыт!

И вот, как в дни «Крещения Руси»,
Раздетые аттические боги
Потоплены в волнах; пощады не проси;
Об лодку мрамором их бьются ноги...

А белые акации цветут
В неистовом и тёплом аромате,
Вот полнолуние, и вот поют
Все соловьи в сиреневой прохладе.

Росисто утро. День настал, пришёл,
Плечом широким Буг коснулся моря,
Гудит буксир, он из породы пчёл,
Идёт, дымит, с волной высокой споря.

СНЕЖНАЯ ОТОРОПЬ

Снежная оторопь степью курганною
Крылья раскинула в дальний полёт;
Солнце февральское розою алою
Вспыхнуло в окнах и будто поёт.

Дева высокая, убранно белая,
Снежною пылью стоит у окна;
Мать всё поёт, у стола что-то делая,
Плачет о деве – как дева бледна...

Что же в окно, среди снежного шёпота,
Снежного чуда и детского сна,
К мальчику тихо из вьюжного пропада
Солнечным тополем бьётся весна!

Дивная песня метелится ветрами,
Жарко взлетает, как искры в огне,
Смотрит в глаза его буднями светлыми,
Инеем звёздным мерцает в окне.

И не уйти от тревоги и радости, –
О, как родная рука горяча!
Мальчику страшно от песни и жалости –
У материнского плачет плеча.

SANCTA SIMPLICITAS

Бывают день и час лесной –
Когда у сердца птицей бьётся,
Высоким воздухом, весной,
Вся жизнь, и вот – не оборвётся.

Когда она легка, ясна,
Как смех колдующей подруги;
Когда её рукой весна
Ведёт магические круги, –

Чтоб солнце тучкой небольшой,
В тумане розовом, недвижно,
Стояло тихо над душой.
Чтоб не было и небу слышно;

Чтоб рук прохладных, дорогих
Судьба не отняла как счастье,
Чтоб не отстало от других
В сиянье детское участье.

СМЕРТЬ ТОПОЛЕЙ

Больные тополи Парижа
На тротуаре – как в бреду,
В угаре, листьями колыша,
Они на родину бредут.

И потрясает дымный грохот
Их тополиную тоску,
В которой слышен речки рокот,
Несущей солнце по песку.

Квартальный ветер неумелый,
Пройдя предутренней волной,
Тревожно пух роняет белый
Над звонко-каменной землёй.

Над крышами поток весенний
Прохладой розовой летит,
Как чудный сон стихотворений,
Ещё не павший на гранит.

ПТИЧИЙ БАЗАР

Что так слабо бьётся сердце
С мёртвой силой на земле –
Вот на проволочной дверце
Та же кровь, что на крыле;
Или воля птичья ниже
Всех прославленных свобод,
Или песнями обижен
Весь берёзовый народ;
Или птице быть пристало
В темноте да на шестке,
Чтоб торжественнее стало
Пенье в клеточной тоске;
Ходят люди среди клеток,
Тычут пальцем всем в глаза;
Водят люди своих деток,
Чтоб глазеть на голоса.

ТУНИС В ЗВЁЗДАХ

Уснувший порт, гитара в темноте
Всё итальянские мотивы вторит;
А Млечный Путь в безмерной высоте,
Срываясь звёздами, над морем спорит –
Что глуше в лёгкой тишине,
Что глубже в полной вышине.

Ночное Тютчева не знать нельзя.
Нельзя не жить Арагвенной печалью –
«На холмах Грузии». И вот, скользя,
Пришла печаль, и шёлковою шалью
Сжимает туго сердце и плечо,
Которому от сердца горячо.

Распяты в небе реи кораблей,
Высоко подняты морские тени;
А юнга всё поёт про журавлей,
Распластанных в волнах морской кипени,
О том, что дева, будто сгоряча,
В любви сгорела тихо, как свеча.

О сколько звёзд над Африкой твоей!
Их может быть на Черноморье столько –
В тиши, в ночи, средь жатвенных полей,
В сверканье росном, где колосья стойко
Так бурно в грозах вынесли свой рост,
Где звёздный всплеск божественен и прост.

Теплом согрет, ещё теченьем дня,
Так щедро пролитым в долинах Керуана,
Вдруг вижу я, как Лермонтов меня
Касается; его мерцает рана
Под звёздами – горячей и земной,
И кто-то в звёздах плачет надо мной.

ПОЭЗИЯ

Ты когда-то для меня
Ясной вечности касалась,
Всеми звёздами звеня.

Но в одежде золотой
Ты печальною казалась –
Вот как солнце над водой.

Неотступная мечта
Чудной Золушкой хлопочет,
Заклинаньем занята –

Чтоб ты радостью была,
И такой – как счастье. Хочет!
Чтоб исполнилось – звала,

И страдая, и любя,
И ревнуя, потому что
Нет прекраснее тебя.

Для тебя и боль и смех
Бьются в сердце неразлучно
И тобою ради всех.

Для тебя – и смерть красна,
Ради глаз твоей свободы
Ночи тёмные без сна.

Без тепла твоих очей
Человек и дни и годы —
Будто мёртвый и ничей.

ПАМЯТИ В. Я. БУНИНОЙ

Два часа ночи,
мне не спится,
приснились птичьи очи
и спица –
которой спицей выжгли очи,
чтоб в клетке пела,
о себе не зная,
и не улетела птица лесная.
Рядом с клеткой –
девочка пела,
красоты редкой,
бледнее мела.

Девочка – как птица – пела,
птица – как человек – молчала,
и не летела,
и не кричала, —
на меня смотрела.
А на дворе – весна.
А я – как во сне без сна.

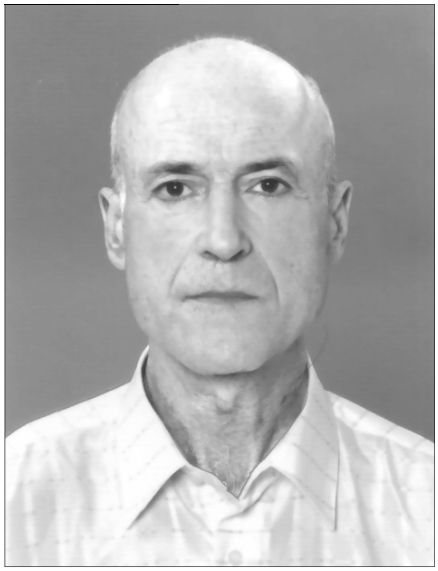
В ТРАУРНОЙ РАМКЕ

За неё, должно быть, силой
Бились солнце и душа,
Время медлило, скользило,
Темнотой в углах шурша.

По снегам и неурочью,
Через горы и леса
Ей сияли днём и ночью
Жизни звёздные глаза.

И её хмельное тело
Белой птицей в тихий свет
Так летело, так летело,
Будто миллионы лет
Будет так лететь со светом,
Не устанет никогда...

Как её, в полёте этом,
Сшибла смертная беда!



Федоровский Владимир Аркадьевич. Родился 2 августа 1949 года в Николаеве. Работал рабочим-судостроителем завода им. 61 Коммунара. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1982). Прошёл полный курс обучения в Киевской школе менеджеров последипломного образования и в Николаевском институте патентоведения и технического творчества. Много лет работал директором по экономике в научно-внедренческом центре. Прозаик и драматург. Свой первый рассказ опубликовал в заводской многотиражке. Его произведения печатались во многих газетах и журналах, репертуарных сборниках московских издательств, транслировались по радио, выпускались в Москве отделом распространения ВААП-информ, обретали сценическое воплощение на театральных подмостках, отмечались премиями на различных конкурсах. Автор одиннадцати книжных изданий прозы и драматургии. Сборник рассказов «Интеллигент из штрафбата» (Николаев, «Илион», 2016) удостоен международной награды – специального диплома «За лучшую книгу о Великой Отечественной войне» Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года 2016».

Владимир ФЕДОРОВСКИЙ

ВНУК СТАРОГО ДОКТОРА

Рассказ

На окраине уютного провинциального городка находился стадион. Массивные ворота для вратарей, выкрашенные в тёмно-зелёный цвет, выкошенная трава, деревянные скамейки для зрителей, расположенные по обеим сторонам футбольного поля, – всё невольно свидетельствовало о том, что стадион не пустовал. Он не был отгорожен забором, и по вечерам здесь любили гулять влюбленные парочки, удобно усевшись на скамейку и любуясь мерцающими звёздами.

Именно сюда в жаркий августовский день, когда солнце стало уже ослепительно белым, а воздух, наполненный запахами степных трав, был сухим и в то же время свежим и живительным, подходили люди с узелками и чемоданами – жители этого небольшого городка. Среди них не было мужчин молодого и среднего возраста, а только женщины с детьми, порой ещё крохотными, подростки, убелённые сединами черноглазые старухи и худые слабосильные старики. Несколько дней назад на всех фонарных столбах были расклеены набранные типографским шрифтом объявления: «Приказываю всем жидам собраться на городском стадионе 5 августа в 12-00. Иметь при себе документы, ценные вещи, постельное бельё, одежду и обувь. Явка строго обязательна. За неповиновение – расстрел. Комендант города гауптштурмфюрер СС Пауль Загнер».

На беговой дорожке, окружающей футбольное поле, стоял столик, за которым сидели двое вооружённых полицаев с повязками на рукавах. Они забирали у прибывших паспорта и регистрировали их в толстом журнале, оживлённо переговариваясь между собой.

– Скажите, любезный, зачем нас собрали здесь? – поинтересовалась у одного из них интеллигентная горбоносая старушка, всю жизнь проработавшая учительницей в местной школе. – Я знаю, что немецкий народ всегда славился своей высокой культурой.

– Любопытная ты очень, старая, – недовольно откликнулся полицай, скручивая толстыми пальцами самокрутку. – Трудиться будете. На благо великой Германии.

Его ответ успокоил старушку, и она отошла от столика, присоединившись к толпе, изрядно утомлённой от жаркого солнца и неопределённости ожидания. Вскоре к стадиону подъехал бронетранспортёр с чёрными крестами на боковых поверхностях, затем – мотоцикл с коляской, оснащённый ручным пулемётом. Выбравшиеся из бронированной машины офицер СС и высокий солдат-эсэсовец, обойдя собравшихся, подошли к столику. Офицер что-то стал говорить толстому рыжему полицаю, а тот, кивая головой, услужливо поддакивал:

– Всё понял, господин унтерштурмфюрер. Сейчас всё скажу, объявлю.

Невысокий круглолицый служивый с маленькими заплывшими глазками вышел из-за стола и, подняв правую руку, чтобы утихомирить толпу, громко заорал:

– А ну всем замолчать! Слушать, что я скажу!

Ропот, громкие разговоры, детский плач – всё сразу же затихло. Толпа замерла, ожидая услышать что-то важное и определяющее в дальнейшей судьбе собравшихся людей.

– Господин офицер сказал, что вы направляетесь на работы по уборке урожая фруктов и овощей, – так же громко продолжал полицай. – А сейчас должны выстроиться в колонну, и вас поведут в лагерь, где будете жить.

Офицер что-то сказал полицаям и сопровождающему его эсэсовцу, затем, презрительно смерив взглядом суетившуюся толпу, подошёл к мотоциклисту и, указывая рукой на собравшихся, несколько минут о чём-то говорил с пулеметчиком, вальяжно восседающим в мотоциклетной коляске. Затем уселся в бронетранспортёр и тот стремительно отъехал, оставляя на беговой дорожке стадиона следы автомобильных шин.

Колонна, выстроенная с помощью матерно ругавшихся полицаев, вышла за пределы стадиона и очень скоро оказалась в степи. С одной стороны людской поток, состоящий из стариков, женщин и детей, сопровождали двое полицаев, которые ранее занимались регистрацией, с другой – рослый солдат-эсэсовец, вооружённый автоматом. Сзади, на расстоянии нескольких сот метров от конца колонны, медленно ехал мотоциклист.

В центре колонны, с правой стороны, шагали двое – высокий благообразный старик в очках и соломенной шляпе, чисто выбритый и опрятно одетый, с маленьким рюкзачком за плечами, и его внук Лёва, пятнадцатилетний подросток, худой и несколько сутулый, с тёмно-карими глазами и чёрной курчавой головой. Старик был в летних светлых брюках и в белых парусиновых туфлях, Лёва – в безрукавке, коротких штанах и сандалиях. То и дело оглядываясь назад, а потом бросая взор на спину впереди шагающего вдоль колонны эсэсовца, мальчик о чём-то напряжённо думал.

– Дедушка, – тихо сказал Лёва, озираясь по сторонам, – они хотят нас расстрелять.

– Почему ты так думаешь, Лёвушка? – спросил старик, дрожащей рукой слегка обняв внука за худенькие плечи.

– За колонной едет мотоцикл с коляской и с пулемётом, – ответил Лёва. – Нас ведут к Волчьей Балке и там всех убьют.

– Успокойся, Лёвушка, – тихо сказал старик и, отвернувшись в сторону, незаметно смахнул катившиеся по щекам слёзы.

«Какое счастье, что Миша и Ханна ушли на фронт в самом начале войны, – почему-то подумал он. – Они военврачи, спасают человеческие жизни. Лишь бы только не угодили в лапы к фашистам. Чтобы их не настигла ужасная участь».

Старик, всю жизнь проработавший детским врачом в сельской клинике, очень гордился тем, что сын и дочь пошли по его стопам. Он всячески поощрял интерес к медицине, возникающий у внука, и рад был, что тот растёт пытливым и любознательным мальчиком, большим любителем книг. «Мы, евреи, – нация книги», – любил повторять старик. В своём классе Лёва был лучшим учеником, отличался добрым, бескорыстным и сострадательным нравом, и старик мечтал о том, что внук тоже когда-нибудь будет лечить людей. Как его тётя, дед и отец. Мать Лёвы, черноволосая красавица Ада, работавшая медсестрой, незадолго до начала войны умерла от врождённого порока сердца, и тоже рано овдовевший старик искренне жалел внука.

– Дедушка, надо что-то делать, – продолжал Лёва. – Если бы просто нас вели на полевые работы или в лагерь, как они говорят, то не нужен был мотоциклист с пулемётчиком. Достаточно несколько конвоиров.

«А ведь Лёвушка прав, – с какой-то горькой безысходностью подумал старик. – Я уже пожил, мне умирать не страшно. А каково умирать детям и молодым женщинам?..»

– Дедушка, что ты молчишь? – донёсся отчаянный голос внука. – Мы не стадо покорных овец. Я не хочу умирать.

«Мы не стадо покорных овец», – мысленно повторил старик слова внука, и ему показалось, что именно эта фраза вдохнула в каждую клеточку его тела силу и энергию, желание противостоять смерти.

– Ты что-то придумал, Лёвушка? – с надеждой спросил он. – Миша всегда говорил о тебе с гордостью: «Мой сынуля – генератор идей».

– Ты мне должен помочь, дедушка, – как-то буднично и спокойно, скрывая волнение, произнёс Лёва. – Расстановка конвоя такова: с правой стороны колонны два полицая с винтовками, с нашей стороны – высокий эсэсовец с автоматом. Сзади колонны два немца на мотоцикле с пулемётом.

– Что мы можем с тобой сделать, Лёвушка? – напрягся старик, чувствуя, как у него сжимаются в кулаки дрожащие пальцы.

Он был очень добрым человеком, искренне любил детей, многие годы удачно и умело лечил их, радовался, когда вырывал тяжело больного ребенка из лап опасной болезни. О таких, как он, говорят – мухи не обидит. Но сейчас что-то в нём изменилось. На его прищуренных глазах исчезли слёзы.

– Я знаю, что нужно делать, дедушка, – продолжал Лёва. – Я притворюсь тяжело больным и сделаю так, чтобы эсэсовец подбежал к нам. Когда он будет рядом, я схвачу его за ноги, и он упадёт на землю. А ты должен его отключить. Чтобы потерял сознание. Можешь зажать ему сонную артерию. Ты врач, дедушка, и знаешь, как это сделать.

– Лишь бы у нас хватило сил, Лёвушка, – тотчас согласился старик. – Эсэсовец здоровый и хорошо вооружён.

– Я это заметил, дедушка, – кивнул Лёва. – У него автомат и две гранаты на поясе. Наверное, он тоже будет стрелять в нас. Вместе с пулемётчиком.

Старик вдруг мысленно представил, как их загонят в глубокий овраг, в Волчью Балку, и станут расстреливать всех подряд – женщин и детей. От этих мыслей ему стало не по себе. Вытирая платком выступившую на лбу испарину, он подумал ещё о том, каким же чудовищным зверьём надо быть, чтобы придумать такое – уничтожать людей лишь за то, что они родились евреями.

– Дедушка, о чём ты думаешь? – вернул его из полузабытья твёрдый голос внука. – Мы скоро подойдём к Волчьей Балке.

– Я готов, Лёвушка! – живо встрепенулся старик. – Действуй!

Лёва вдруг упал и истошно закричал, схватившись за живот. Его окружили женщины, старики и дети, идущие сзади. Старик увидел, что рослый конвоир-эсэсовец бежит к ним. Растолкав людей, конвоир что-то заорал на своём языке.

– Мальчик заболел, – по-немецки сказал старик.

Боковым зрением Лёва увидел в полуметре от себя запылённые немецкие сапоги. Словно змея в прыжке, он бросился эсэсовцу под ноги и, схватившись обеими руками за сапоги, изо всех сил рванул на себя. Не ожидавший нападения, конвоир потерял равновесие и рухнул на землю. Освободив правую руку, Лёва дважды нанёс эсэсовцу сильный удар локтем в пах. Тот взвыл от нестерпимой боли. Старик цепкими пальцами обхватил шею немца. Взбрыкнув ногами, тот потерял сознание, не подавая признаков жизни. Чтобы не смог очнуться, Лёва снял с него автомат и, сдёрнув каску, несколько раз ударил конвойного рукояткой «шмайссера» по голове. Всё произошло в считанные секунды, хотя движение колонны несколько застопорилось и были слышны недовольные крики полицаев: «Эй, что там такое? Не отставать!» Полицаи шли по противоположной стороне колонны и не имели никакого желания перебегать и осматривать толпу, дальновидно полагая, что во избежание каких- либо неприятностей со своим начальством контролировать эсэсовца не следует.

Лёва, передав старику автомат, вооружился ещё и двумя гранатами с длинными деревянными рукоятками.

– Идите вперёд, не задерживайтесь здесь, – тихо и решительно подгонял старик проходивших людей, прикрыв тело лежащего эсэсовца клетчатой скатертью, переданной ему какой-то старушкой.

Он без слов понял единственно верный замысел внука – избавиться от мотоциклистов, несущих с собой смерть для этой колонны мирных людей.

Не сговариваясь, они легли, спрятались в высохшей траве в нескольких метрах от дороги, чтобы не быть удобной мишенью для пулемётчика в мотоциклетной коляске. На тёплой летней земле слышалось стрекотание кузнечиков.

Колонна прошла вперёд, и они остались вдвоём – дедушка и внук, готовые к новой схватке, как и подобает мужчинам.

– Я никогда не стрелял, Лёвушка, – признался старик, держа в руке автомат и чувствуя, как у него пересохло горло. – Я не знаю, как обращаться с этой штукой.

Во время Первой мировой войны евреев неожиданно стали призывать в царскую армию. Старик тоже попал в массовую волну призыва, был определён фельдшером в полевом лазарете. Сам он никогда не брал в руки винтовку, считая себя не вправе убивать людей. На этот раз убивать собирались его.

Лёва держал в руке две немецкие гранаты. Одну из них положил перед собой, другую сжимал побелевшими пальцами правой руки. Сейчас он очень жалел, что в школе не занимался спортом, не любил уроков физкультуры и в классе считался слабаком, не обладая развитой мускулатурой. Поэтому больше всего он боялся, что не сможет добросить гранату. Оставался единственный выход – подпустить движущийся по дороге мотоцикл поближе. Он так и сделал. Выдернул чеку и швырнул гранату, когда немцы были уже совсем близко. От гулкого взрыва мотоцикл перевернулся, оставив на земле распластанные тела двух эсэсовцев. Колонна остановилась и замерла. Послышались радостные женские крики. Полицаи растерянно бегали вдоль колонны и, убедившись, что остались без немецкого подкрепления, не решались вступить в противоборство с двумя вооружёнными повстанцами – худощавым подростком с гранатой в руке и седым стариком, держащим в руке автомат. Один из полицаев, толстый, откормленный, с круглым простодушным лицом, пустился наутёк. Он смешно петлял, как заяц, опасаясь, что начнут стрелять ему вслед. Второй, светловолосый, высокий и худой, со скуластым лицом, подняв руки вверх, пошёл навстречу, но, неожиданно приблизившись к деду и внуку, побежал к перевёрнутому мотоциклу. Ему удалось поставить мотоцикл на колёса, и пока старик и Лёва раздумывали, что предпринять, полицай торопливо завёл ногой мотоцикл и укатил в степь.

– Дедушка, почему ты не стрелял? – укоризненно спросил Лёва. – Надо было пристрелить обоих полицаев. Отдай, пожалуйста, мне автомат.

Он повесил на свою длинную шею «шмайссер» и ловко засунул за пояс гранату.

– Когда мы победим в этой войне, Лёвушка, – задумчиво сказал старик, – всех предателей будут судить…

– Сегодня мы с тобой одержали победу, дедушка, – не без гордости произнёс Лёва. – Пусть теперь знают, что мы люди, умеющие за себя постоять, а не стадо покорных овец.

– Ты прав, Лёвушка, – согласился старик. – Наш терпеливый народ претерпел много страданий и горя, но мы не стадо.

Колонна распалась, к ним бежали испытавшие страх, отчаявшиеся женщины и дети. Лёву и старика обнимали и целовали, не скрывая нахлынувшей радости. Казалось, что люди, недавно ещё поникшие и морально раздавленные, теперь почувствовали живительный глоток свободы.

– Что будем делать дальше, Борис Львович? – спросила у старика тучная пожилая женщина, работавшая вместе с ним в одной поликлинике.

– Бороться, Сара Лазаревна, – решительно ответил старик.

Он прошёл несколько десятков метров в сторону от дороги, поднял с земли винтовку, брошенную толстым полицаем, а когда вернулся назад, то увидел, что Лёва уже снял два автомата с убитых эсэсовцев и отдал их двум молодым женщинам.

– Борис Львович, вас все знают, – не отставала Сара Лазаревна. – Вы такой авторитетный человек. Скажите людям, что нас ждёт и куда будем идти.

После её слов старик вдруг остро почувствовал свою личную причастность к судьбам каждого из этих несчастных приговорённых людей. Он поднял руку с винтовкой и крикнул:

– Я прошу выслушать меня!

Люди, словно по команде, тотчас приутихли. Сотни глаз выжидательно устремились на старика.

– Многие из вас меня знают, – продолжал старик, стараясь произносить каждое слово как можно громче. – Я, Залкинд Борис Львович, очень мирный человек. Много лет я лечил ваших детей. И не только ваших. Я никогда не различал детей по национальности. Для меня это не имело значения. Они были для меня просто больными детьми… Русские, украинцы, белорусы, татары, немцы, евреи, армяне… И даже тогда, когда над ними нависала угроза для жизни, исходящая от тяжёлой болезни, мне удавалось их спасать. Я не требовал за это ничего. Это был мой долг. Но сейчас я готов убивать фашистов. Хотя мне уже семьдесят шесть… И вас всех призываю к этому. Выход у нас только один. Будем идти в леса, пробиваться к партизанам…

Эйфория надежды, нахлынувшая на людей, постепенно стихла. В глазах у многих появились живые проблески уверенности на возвращение к родному очагу.

К старому доктору протиснулся дряхлый дедушка с орлиным носом, худенький, сутулый, но с решительным морщинистым лицом.

– Борис Львович, нам нужно достать оружие, – картавя, произнёс он, дружески обнимая Лёву. – А что мы сейчас имеем? Ты мне можешь это сказать, храбрый и отважный мальчик?

– Три автомата, одна винтовка и одна граната, – не без гордости ответил Лёва.

– Не густо, – покачал головой дедушка. – Но на безрыбье и рак рыба. Те, у кого есть оружие, должны пойти в село, где нет немцев, и разоружить полицаев. Эти предатели – трусливые, как зайцы. К тому же водой и продуктами надо запастись.

Старик кивнул в знак согласия, но неожиданно его внимание привлекли появившиеся на горизонте бронетранспортёр и три мотоцикла с колясками, которые, стремительно приближаясь к ним, мчались по степи с большой скоростью. Старик понял, что полицай, сбежавший на мотоцикле, сообщил о случившемся, и немцы моментально отрядили моторизованную группу.

Лёва тоже увидел приближающуюся опасность и, тревожно взглянув на деда, торопливо передёрнул затвор автомата.

– Всем лечь на землю! – громко крикнул старик, вскинув винтовку. – Все, кто с оружием, ко мне!

Но было уже слишком поздно. Затрещали немецкие пулемёты. Огонь был настолько плотным, что казалось, будто простреливается каждый клочок земли. Старик прицелился, но, не успев сделать ни одного выстрела, рухнул в траву, сражённый пулемётной очередью. Та же участь постигла и его внука. Пуля угодила в самое сердце, Лёва упал на спину. Одна из молодых женщин, кареглазая черноволосая красавица, отбежав в сторону, стала стрелять из «шмайссера», но тут же была изрешечена перекрёстным пулемётным огнём. Вторая вооружённая женщина даже не успела вскинуть автомат. Пули её настигли мгновенно. Пронзительные крики и душераздирающий детский плач сотрясали округу, через считанные минуты слышались лишь одиночные стоны. Спрыгнувший из подъехавшего бронетранспортёра офицер ходил между трупами и, выискивая ещё живых и тяжело раненных людей, стрелял в них из пистолета. Убедившись, что все лежащие на земле мертвы, он дождался, пока разминающие ноги каратели усядутся в бронетранспортёр, и, махнув рукой, дал знак. Бронированная машина и мотоциклы с колясками рванулись с места, оставляя за собой облака пыли. В степи установилась тишина. Густая и выгоревшая от солнца трава была багрово-красной от человеческой крови.

Поодаль от того места, где в разных позах лежали жертвы расправы, находилась накатанная асфальтированная дорога. По ней проезжал чёрный легковой «Хорх». За водителем восседал худощавый полковник вермахта. Утончённые черты лица и пенсне выдавали в нём потомка прусских аристократов. Через стеклянное окошко автомобиля полковник долго вглядывался вдаль и, неожиданно обратившись к водителю, немолодому белобрысому крепышу с ефрейторскими погонами и добродушным лицом, приказал:

– А ну-ка останови машину, Курт. Что это там виднеется в степи? Посмотри в бинокль.

Водитель молча остановил машину, взял лежащий возле него на сиденье бинокль и выбрался из салона, стал внимательно смотреть вдаль. Оторвав от лица окуляры, понуро опустил голову, как будто в чём-то ощущал свою вину, и печально произнёс, не оборачиваясь к своему начальнику:

– Мёртвые люди, господин полковник. Старики, женщины и дети. Думаю, что это евреи…

Полковник горестно покачал головой и сказал:

– Я солдат и не понимаю этого, Курт. Как можно убивать мирных жителей только лишь за то, что они принадлежат к другой расе?! Человек рождается на земле таким, каков он есть, – немцем, русским, поляком, украинцем, евреем… Кто вправе распоряжаться человеческой жизнью? Разве что господь Бог… Говорю это тебе, потому что знаю, не донесёшь на меня в гестапо. Поехали…

Ефрейтор кивнул, удобно уселся за руль, и машина, набирая скорость, плавно покатила по автомобильной дороге.

Григорій ЯНОВСЬКИЙ

З СОЛОДКИМ ПРИСМАКОМ ДОЩУ

Яновський Григорій Іванович. Народився 1952 р. у Миколаєві. За спеціальністю – економіст. Закінчив Київський торговельно-економічний інститут (1974). З того часу до 1991 р. працював у системі державної торгівлі та споживчої кооперації у Києві та Миколаєві на різних посадах: від економіста до начальника обласного управління ринків. З 1991 р. – підприємець. Останні 18 років працює директором миколаївської філії Акціонерного товариства «Українська фінансова група». У 1982 р. деякий час працював кореспондентом обласної молодіжної газети «Ленінське плем'я». Друкував статті в районній та обласній пресі, в газетах «Правда України», «Комсомольская правда». Автор поетичної збірки «Мій всесвіт» (2017).

ВЕРНІСАЖ

Якусь мелодію сумну
осінній вітер грав.
То шарпав дощову струну,
то знову відпускав.
Самотнє дерево дрижить
від холоду листком.
Ліхтар примарливо мигтить.
Намокло все кругом.
На місто, що зморилось, сон
дива свої спустив.
І вже у більшості вікон
повіки затулив.
Осиротілий тротуар,
плямистий від калюж,
як невеличкий гонорар –
отримав тіні душ
двох перехожих, що брели
чи звідкись, чи кудись.
Двох парасольок куполи
над ними возвелись.
Стоїть в куточку мокрий пес.
І видно – що нічий.
А дощ все крапає з небес.
Так на картині цій
художник ніч намалював.
Він вдало це зумів.
Я перед нею все стояв
і того пса жалів.

ДЕЖАВЮ

Хіба не дивно? В місці незнайомім
знайомі риси раптом впізнаєш.
І точно знаєш – тут не був, та все ж
спливають спогади неясні, невагомі.
Що вже було – це і твої сліди
на вулицю оцю колись лягали.
А там, за рогом, люди щось кричали
в передчутті незваної біди.
Отой будинок, весь плющем обвитий,
поріг знайомий раптом пред'явив.
Охриплий півень десь заголосив.
Знайомих запахів набігла ціла свита.
Кремезне дерево густим гіллям
мені чомусь привітно помахало,
немов колись воно мене вже знало.

Я свою шану теж йому віддам.
Старого вальсу вишукані звуки
кружляють у відкритому вікні.
Не знаю, наяву а чи у сні
цей вальс звістив з коханою розлуку.
Десь здалеку почувся скрип коліс,
якісь неясні спогади покликав.
Кидало сонце невловимі блики
і мудро посміхалося землі.
Воно все знає – що було й коли,
в які віки, які складались долі,
в яких місцях на цій земній юдолі
ми вже колись хреста свого несли.
Образ минулого свою знаходить нішу
і проступає крізь туманне скло.
Твоя душа бувала тут раніше.
Уже було це все колись, було.

МОЇ СНИ

Підкравшись тихо, тепла літня ніч
у небо зоряне всі вікна відчинила,
і сяйво зір, що тисячі сторіч
блукало Всесвітом, округу полонило.
Примарні тіні бродять у дворі.
Чаклує ніч, вона при владі знову.
Вже зграйка снів прибилась на поріг.
А цвіркуни виводять колискову.
Нічними птахами мої кружляють сни,
життів минулих відблиски являють,
якоїсь вимагають данини
і то чарують серце, то жахають.
Нащо вони являються мені?
Для «просто так» нічого не буває.
То, може, попередити у сні
мене від кроків хибних хтось бажає?
Чи докори сумління не дають
мені у сні спокійно відпочити?
Неправих вчинків тіні постають
і давлять серце, мов гранітні плити.
Трапляється, з великих таємниць
у снах моїх спадає огорожа.
А потім, лежачи у ліжку горілиць,
картаюсь, що згадати їх не можу.
Напевно, так Господь установив,
і в тому вища є якась потреба.
Чого бажав і що ти вдень робив –
вночі у снах вертається до тебе.

ЗБРОДІЛЕ СОНЦЕ

Ось і осінь строката
зазирнула в мій сад.
Вже приспіло збирати
в тім саду виноград.

З виноградних лозинок
я знімаю тягар,
грон достиглих зернинок –
золотистий янтар.
З винограду старого,
що мій дід посадив,
я вина молодого
цілу бочку зробив.
Відстояло три роки
у підвалі воно,
виноградниї соки
стали добрим вином.
Своїх друзів покличу,
що не бачив давно.
Одному ж бо не личить
куштувати вино.
Вечір згасить віконця.
Я свічки запалю
і зброділого сонця
у бокали наллю.

ЛІТНІЙ ДОЩ

Вагітні хмари літню спеку,
що засушила все внизу,
прогнали геть кудись далеко
і літню принесли грозу.
Важкі краплини впали з неба –
перші предвісники дощу.
Його землі багато треба –
траві, городині, кущу.
І дощ нітрохи не вагався,
собою землю напував.
То, мабуть, Бог потурбувався,
з небес потоки виливав.
Була якась весела злива.
Ніхто ховатись не хотів.
І грім, мов ситий звір, ліниво
із свого лігва гуркотів.
Висіли хмари низько-низько,
дощем пришиті до землі.
Ногам розбутим було слизько,
а ми, мов дітлахи малі,
стрибали й весело сміялись,
ловили краплі на льоту.
А ті крізь вії пробивались,
мов прийняли забаву ту.
Удвох вмостилися під кленом
біля бузкового кущу
і їли яблука зелені
з солодким присмаком дощу.
Стікав з небес останній трунок.
Шепталось листя рогози
про двох закоханих цілунок,
що не помітили грози.

ЩО Ж ТИ ТАК, РОСІЄ?

Лихий сусіда, що ж ти так, Росіє?
На наших землях горя понасіяв.
Криваві сходи густо проросли.
Вже «Смерчі», «Гради», кулеметні траси
Безжально ріжуть небо над Донбасом,
З нічної вилітаючи імли.
В окопах добровольчі батальйони
Тримають серед степу оборону.
Кипить нічного бою круговерть.
Гуде в польоті мін страшна синкопа.
На почорнілім бруствері окопу
Свинцеві літери виводять слово «смерть».
Фугас зірвався прямо на накаті.
Осколок груди розтрощив хлоп'яті.
Окоп накрила сіра каламуть,
Десь зойкнула, відчувши лихо, мати.
Коли його внесуть до медсанбату,
Хірурги лиш руками розведуть.
Співає відхідну посеред ночі
Снарядів хор, і вже погасли очі.
На циферблаті зупинився час.
Занадто вже була важкою рана.
Тепер повернеться додому син коханий,
Поклавши голову на траурний атлас.
Крім тисяч інших, ще одного сина
Оплакуй, нене, рідна Україно.
Його життя – то дар твоїй свободі,
щоб ти цвіла і славилась в віках,
стояла міцно на обох ногах:
Одна на Заході нога, друга – на Сході.

ПРОЩАННЯ

Згасає день. Змінити щось ніхто не в змозі.
Вже сірі сутінки на нашому порозі.
Все одбуло, розпались чари приворотні.
Ми ще удвох, та наші душі вже самотні.
Вогонь кохання спопелів, його немає.
Оселю нашу він тепер не зігріває.
А за вікном радіють ніч, мороз і вітер
і проростають на шибках холодні квіти.
В танку кружляє заметіль, а вітер свище,
і домовик розперезався на горищі.
Дроти гудуть, немов виводять пісню слізну,
коханню нашому вони справляють тризну.
Чому так сталось? Схибив хто? Чиї провини,
що не зрослись одна з другою половини?
Чи винні в тім якісь інтриги закулісні,
що групи крові між собою несумісні?
Що ми з тобою не такі, як нам здавалось,
що наша пісня на півслові обірвалась?
За те, що інших, а не нас тепер вінчають,
прости мене, і я тебе за все прощаю.

Лілія ЗОЛОТОНОША

ЦЕ ТАКА БОЖЕВІЛЬНЯ – КОХАННЯ

* * *

А що Вам сказати? Акації квітнуть.
Промовчати щось, а про щось і забути.
Духмяно і ніжно гойдаються віти,
Ламає їх вітер нестримний, розкутий.

Це треба відчути… Акації квітнуть!
Це місто у червні, мигтять перехрестя.
…Комусь кіоскерка розкладує літо…
Вирує все місто. Образи всі стерто…

* * *

Не випускай мене зі снів –
Навряд чи потім повернуся.
Гуляє теплий вітер в лузі.
Ти б так літати не зумів...
Не відпускай мене одну
У ніч відьмацьку та безкраю.
До того, хто мене кохає,
Чию спокутую вину...
Не відпускай у синю даль,
Де журавлі голосять тужно...
Бо я слабка. Ніяк не мужня.
Або покинь. Якщо не жаль.

ЗІРКА

Горіла зірка, зваблюючи шлях.
Чумацький шлях простягся піді мною.
У нас таки все добре, чи не так?
Чи боротьба? А що за боротьбою?
Світила зірка. Добра та ясна.
Сама шукала сіль! Не я єдина...
Найяскравіша в світі намистина!
Що скуштувала щастя. Несповна...
Дражнила зірка купелями трав,
Шматуючи зіркову прохолоду.
...Як ти пішов, мене собі забрав.
Мою жіночу викравши природу.
Сміялась зірка: та не ти одна!
Он стільки нас таких, як ти, на небі!
Ти – справжня жінка, сумувать не треба,
Бо світ – не зцементована стіна!

Коробко Лілія Анатоліївна. Творчий псевдонім Лілія Золотоноша. Народилася 24.07.1963 р. в смт Єланець Миколаївської області. Юрист, журналіст, кандидат філологічних наук. Закінчила юридичний факультет Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка (1989), Інститут журналістики Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка (2000). Доцент Національного університету ім. Б. Грінченка, доцент Інституту реклами. Автор шести поетичних книг: «Женские сны» (1996), «По закону огненной спирали» (1999), «Соло свічі» (2001), «Тепер або ніколи» (2004), «Хочу до тебе» (2009), «Лише з тобою» (2015). Автор слів до низки відомих пісень. Лауреат республіканських конкурсів естрадної пісні. Лауреат Всеукраїнської літературної премії ім. Олександра Олеся (2014). Член Національної спілки письменників України (2002). Член Міжнародної асоціації письменників.

Гойдалась зірка в дотиках небес,
Мов співчувала: всі ми – в глупій ночі.
...Як ти там, спиш? Не мучу я тебе?
...Упала зірка! –
Це мене ти хочеш...

* * *

Вітер м'яв нерозкрилені верби.
Дощ чіпав розкуйовджені віти.
Як ніхто не вимірював нерви,
Так не віда ніхто, де край світу!

Хоч стелилося сонце під ноги,
Щоб прорвати це коло мовчання,
Ти і я, ми – одна засторога,
Звідки йде і зникає кохання?!

Не заходь у минуле. Рви! Годі…
Мов нитки, із-під шкіри ці нерви…
Покупались у голій безодні…
Далі – двері. І – служба у церкві.

…Чим мене напоїв наостаннє?
Обминувши і розпач, і верби.
Це така божевільня – кохання…
Що візьму й повернуся до тебе!

ТЕЛЕГРАМА

Хоч знищ мене, зітри хоч до дірок:
І світ – продажний, і зірки – реклама!
Який ти добрий, все ж даруєш крок
І шлеш мені ліричні телеграми.

В них все, як треба: є і слоган, й час,
Хоча й не по-сучасному. Зомлієш!
В долоні плещеш: месідж-майстер клас!
А потім руки милом в такт помиєш.

(…Вбий есемеску. Я пробачу все.
Кохання, зраду, люту мить зухвалу.
І кинусь за кермо. Вросту в шосе).
…Не треба есемески. Це замало.

* * *

Літати я вчила тебе від землі.
На те я і мати і кров твоя рідна.
Хоч я й народилась в далекім селі,
Яке зі столиці і близько не видно!

Мовчання між нами, як стовп, от і все.
А кров моя – димом, розбавлена болем.
Немов динаміт – розірве, рознесе!
Ох, донечко, доню, чи – доленько, доле...

* * *

Прийшов з роботи, скинувши пальто,
Ні слова, як там день. Прийшов додому –
І кинувсь до новин, що йдуть з АТО.
Сам нещодавно звідти. Звичка. Втома.

Та вголос ти ні разу не сказав:
«Був на війні! Пекельній та заклятій…»
І не зламавсь, а став неначе сплав,
Хоч нерви й не залізні. Нерви – ґрати.

КІНЕЦЬ ЛІТА

Який хижак змастив отой перон?
З'єднав канати. Може, не даремно?
І гістрям просто так пробили вени,
Прийшла доба застіль і заборон.

Чимсь нехтую, чимсь ні. Згортаю плед.
І часом заговорюю сумління.
Лежать у серпні яблука і дині.
Птахи летять. І п'ється мед.

Все так, чи як. І вічна річ – розмова!
І літо тане. Наче йде крізь сито!
І щастя лащиться, що ми теплом зігріті!
...Летять птахи, мов літа тиха сповідь...

ОБЕРІГ

А ти мені сьогодні не переч.
Я – мов метал. Твоя у цім заслуга.
(Степи оберігають лісосмуги).
А ранків оберіг – вечір'я втеч.

Тремтливе відкриття: що далі, як?
Де ми, де все – одні світи захланні.
А паспорт зберігає наші дані...
І пальцем – в душу: червоніє лак...

Чи я твоя? Звичайно, так і так.
Щодня, щовечора, з самісінького ранку.
Та не дають жінкам гучних відзнак.
Не кожну жінку мають за коханку.

Пробач мені у тім, що я – така.
А втім, і я, і ти – мов краплі схожі.
Коли в твоїй руці моя рука,
Мені здається: все на світі зможеш.

Пробач мені політ в несамохіть,
Бо ти зі мною в радощах і в болі.
...Скрегочуть двері: відчинить, закрить...
Мороз і вітер. Візерунки долі.

* * *

Сліпі багаття в полі – дивина.
Багаття палять на своїм подвір'ї!
Розколюється відчаю стіна.
І день за два проходить в божевіллі.
Що з того... Як з характером і я.
Така вже вдача, сам лихий сварився.
Руками розведеш: «Ти ще моя?»
Твій вітер з моїм іменем носився...
Яке то сонце, щоб роси не пить?
Яка то ніч, щоб зранку все забути?!
Якщо тобі проблиснулась на мить, –
Це наче залпом випити отрути...

Себе я знаю! Ти себе – забудь.
Як я прийшла, сховай надійно спокій.
Я – жінка. Я – кохання. Я і суть.
Я – сенс. Я – мрія. І я доти – доки...

* * *

Та не кажи дарма: весь світ – пітьма.
І вдруге на граблі стаю я знову.
Цей світ – життя, а це така тюрма,
Уб'є, розтрощить. І віддасть любові…

* * *

То що ж, іще раз проженемо усіх!
Поселимось ми в найдикішу оселю!
Немає там стін, лиш гайвороння крик.
…І доторки, мов павутинки зі стелі.

І мов на пероні. Я – вже нічия.
Для чого це все? Серце мокре й холодне.
І на підборах докори стоять.
(Забули про вік чи тримаються моди?)

Пайкин Алексей Владимирович. Родился в 1971 году. По первому образованию – военный, по второму – экономист. Бывший спортсмен, обладатель международного чёрного пояса по каратэ 2-й дан. Чемпион мира по каратэ 2008 года в Италии, многократный призёр международных соревнований по каратэ (Дания, Великобритания, Индия). Почётный президент Николаевской областной федерации каратэ FSKA Украины. Был мобилизован 10.03.2014 г. в звании майора ВСУ на должность старшего офицера артиллерийской гаубичной батареи в 79-ю отдельную воздушно-десантную бригаду в Николаеве. Воевал вдоль границы с РФ: у Амвросиевки и на Саур-Могиле; пограничные пункты пропуска Мариновка, Краснопартизанск, Изварино (первая ротация). Был контужен. Во вторую и третью ротации воевал под Донецким аэропортом, а затем был переброшен под Мариуполь. Указом Президента Украины № 722 / 2015 от 25 декабря 2015 г. награждён орденом «За мужество» III степени. Соавтор книги «Миттєвості війни» и сборника рассказов проекта «Голос войны». Автор книги «Неудобные зарисовки гибридной войны» (2017).

Алексей ПАЙКИН

ПЯТЬ ДНЕЙ

Рассказ

«Который сейчас час?» – подумал про себя Геннадий, включив в темноте подсветку наручных часов. В районе его запястья зажглись символы матричного цвета, обозначающие 04:27 утра.

«Опять двадцать семь! – чертыхнулся про себя владелец часов. – Каждое утро – одно и то же! 04:27. Всегда 04:27. Могу работать будильником. Нужно на фейсбуке у себя вывесить в ленту друзьям: «Бужу желающих в четыре двадцать семь!» – недовольно продолжал размышлять Геннадий. Сна уже не было, как говорят в таких случаях – ни в одном глазу. Скрипнув кроватью, он нащупал рядом на столике открытую пачку сигарет и зажигалку. Шаркая домашними тапками по линолеуму, он сквозь занавеску просочился на балкон. Чирк колёсика о кремень – и в стекле, на фоне ночного города, отразился огонёк, который через секунду преобразился в пульсирующую в такт дыханию красную точку, а застеклённое балконное пространство заполнилось дымом от первой затяжки. Безразличное стекло в свете луны демонстрировало отражение высокой с голым торсом суховатой фигуры в одних трусах и тапках, морщинистого лица, обрамлённого короткой армейской причёской, и блеснувшего на груди серебряного крестика на не различимой во тьме суровой нитке.

«Что там на сегодня? Забрать на почте несколько передач с книгами. Это во-первых. Потом заехать в магазин «Охотник» за ночниками и биноклем. Потом к девчонкам в магазин – за конфетами и печеньками. Бойцы же любят сладенькое. Это было в-третьих, так? А в-четвёртых, в мелкооптовом забрать чай и кофе. Да, ещё в редакцию газеты не забыть бы заехать!» – в голове курильщика постепенно складывался план действий на предстоящий день. Сбоку на пластмассовом комоде он нащупал пепельницу, вырезанную из пустой алюминиевой пивной банки. От затяжки огонёк сигареты слегка обжёг большой и указательный пальцы, за что и был ими же затушен о стенку пепельницы.

В темноте на кухонном столе ножом отрезал скибку ледяного, только из холодильника, арбуза. С наслаждением и сёрбаньем в несколько заходов проглотил мякоть плода. Косточки клацнули по днищу пустого стаканчика из-под йогурта, а кожура зашелестела в мусорном пакете под мойкой.

«А ты что, не знаешь, какого чёрта в «четыре двадцать семь» каждый раз просыпаешься?!» – в голове зашевелились вопросы, как только кончики волос снова коснулись подушки. «Конечно, знаю! Лишь бы только снова не снилось…» – застывали мысли сквозь вязкую дремоту, как вместе с затвердителем стынет эпоксидная смола.

…Шёл непростой для Украины 2014 год. И летом дни уже перевалили на вторую половину года, когда мобилизованный в Вооружённые Силы Украины Геннадий Труба отбыл, к собственной радости, участвовать в АТО на востоке страны.

«Что ж это за военные сборы да без УБД[1]?» – радостно в мечтах вопрошал себя Труба, когда 10 июля того же года батарея, в которой он за четыре месяца службы уверенно утвердился «директором пушки», т.е. командиром гаубичного расчёта, в очередной раз меняла свою дислокацию вдоль государственной границы с РФ.

На этот раз, выехав с утреца с обжитых мест неподалёку пограничного пункта пропуска «Должанский», колонна двинулась в сторону Изварино. По ходу следования для дозаправки, загрузки продовольствием и соединения с основными силами батальонной тактической группы к полудню батарея прибыла на КП N-й механизированной бригады. Но из-за каких-то военно-хозяйственных противоречий и накладок пехота не успевала подъехать к месту для объединения, и командир батареи отдал команду расположиться на ночлег прямо в поле, у границы основного здоровенного лагеря хлебосольной бригады, в котором, кстати, были громадная столовая с кухней, большие армейские палатки и даже кинотеатр.

Всю батарейную колонну разместили отдельно, в готовности к выезду по первой команде. Машинка к машинке, гаубица к гаубице, снаряд к снаряду. Всё в кучку.

Часовых на постах расставили больше для того, чтоб пехота не спёрла чего-нибудь нужного у пушкарей. Вкусный обед после Должанской кашки и местный, загорающий больше месяца, контингент N-ки в тапках и с голым торсом явно способствовали Геннадию Трубе предаваться воздушным мечтаниям о «суровой» боевой действительности АТО. А вечерком в кругу коллег по орудию испил кофейку и лёг спать по соседству с самоходками местных артиллеристов, стоящими на ближайшем пригорке. «Хоть бы к утру не жахнули залпом!» – только и успел подумать перед сном Геннадий…

– Ё* твою мать! Ну вот, б***дь, начали засранцы палить ни свет ни заря! – ещё с закрытыми глазами заорал Труба, силясь перекричать окружающий грохот.

А после того как лицо обдало горячим воздухом, он с трудом разлепил глаза и с удивлением обнаружил, что в сотне метров от него от прямого попадания и сдетонировавшегося боекомплекта подпрыгнул в воздух и разлетелся на куски ЗИЛ-131. Прикрывая лицо рукой от взрыва, Труба краем глаза заметил на циферблате треклятое с этого момента время – 04:27. Мимо пролетела башня самоходки. А место стоянки техники батареи уже обволокли дым, огонь и гарь, из которых проглядывала раскуроченная техника.

Первый залп вражеских «Градов» пришёлся точно по артиллерийским батареям. Второй – по посадке со складом ракетно-артиллерийского вооружения, который был в полукилометре за холмом. Попадание – на оценку «отлично». Ну, что сказать ещё? – разведанная, точная и чётко спланированная операция. Противник профессионально и слаженно сработал повторно, на добивание, миномётами. Но обнаружив готовность к схватке в круговой обороне, видно, оставил затею рукопашной, и постепенно всё стихло. И только время от времени рвущийся БК досаждал хаотичными взрывами и свистом осколков.

Очнувшись от оцепенения, Труба подхватил в руки автомат и личные вещи и что есть силы рванул к ближайшей лесопосадке, по дороге увлекая за собой бойцов своего расчёта и всех встречных попутных. В гуще деревьев пересчитал всех поимённо. Отдышавшись, решили вернуться, чтобы помочь раненым и вывезти боеспособную технику.

– Толя, Серёга, вы за машинами идите. Я нашу гаубицу проверю. Остальные – собираем вещи, помогаем раненым. Встречаемся здесь же через полчаса, – подвёл итог Гена, и все разбрелись по полю, но планы по ходу выполнения изменились.

– Гармату до бою! – заорал Труба спустя какое-то время, и артиллерийский расчёт слаженно и красиво, как на тренировке, поддомкратил в общем-то уцелевшую гаубицу, но с одним пробитым колесом. Гаубица приподнялась, раскорячилась станинами на три стороны и, плавно шипя, осела на грунт, грозно поводя стволом в сторону дальнего холма. – Остальным занять круговую оборону!

– Шо будем дальше делать? – спустя полчаса напряжённого ожидания атаки спросил Трубу налысо бритый молодой наводчик.

– Хрен его знает. Ждём ещё.

[1] Участник боевых действий.

– Ты видел, как старшина погиб?

– Как старшина? Не-а. А ты?

– Я покурить присел на рассвете. В это время старшина к машине шёл за мыльно-рыльными принадлежностями. А тут вдруг вокруг него как будто бы земля забурлила. Раз – и нет старшины. Одна пыль стоит в том месте и левый ботинок с куском ноги.

– Пи***ц!.. Не знаешь, сколько наших из батареи погибло?

– Командира мельком видел. Говорил, что вроде шесть. И есть тяжёлые…

Погибших было много, и сейчас уже точно известно поимённо бойцов всех подразделений. В общей сложности тридцать пять человек, а раненых около сотни. Цифра по раненым колеблется из-за того, что лёгкие контузии тогда ещё не воспринимались как ранение.

На следующий день остатки батареи выдвинулись на КП собственной бригады, увозя с собой в кузове тела погибших товарищей. А незадолго до выезда вертолёт эвакуировал раненых. Процессия эта вряд ли напоминала боевой порядок. Три тягача с гаубицами, ещё пара машин хозяйственного назначения и ГАЗ-66 – машина старшего офицера батареи, которая своим видом ужасала всех встречных и поперечных, даже тех, кто и не подозревал о скорбном грузе в колонне. От некогда симпатичной и функциональной будки осталась обгоревшая рама, и теперь машина напоминала какой-то нелепый кабриолет.

По прибытии в лагерь, без всяких напоминаний и подталкивания, всё, что осталось от батареи живое и работоспособное, прочно окопалось и замаскировалось в свободной лесопосадке. Все копали молча и ожесточённо, прерываясь только на завтрак, обед или ужин.

– Восемь, – угрюмо проронил наводчик Трубе, как только вернулся к окопу с полной баклажкой питьевой воды.

– Что восемь? – удивился Труба.

– Комбату звонили из госпиталя. Уже восемь наших двухсотых. Виталик ночью ушёл.

– Понятно, – уныло проронил Труба. – Давай принимайся за лопату! Вчера эти п*дары обхерачили ремроту через три посадки от нас.

– Я в курсе, – крякнул наводчик, спрыгивая в траншею около гаубицы Д-30 на углу вспаханного ещё весной поля.

– Ещё блиндаж нужно сегодня выкопать у орудия.

– Нахера?! В лесопосадке же есть один, – удивился наводчик.

– Успеешь добежать до него при обстреле? – зло рявкнул Труба.

– Вряд ли. А мы что, ещё и стрелять будем?

– Говорят, что прямо сегодня и начнём. Титан приходил, – отставив лопату, закурил Труба.

– А кто такой Титан?

– Титан? Ну ты даёшь?! Начальник штаба дивизиона. Обещал, кстати, экскаватором помочь. Говорит, главное – это оборудовать огневую позицию! Во как!

– А где ж он, сука, при обстреле был? Умный сильно.

– Радиостанцию вот выдал. Прошитую. После обеда связисты ещё телефон протянут. Наш позывной – «Инструмент».

– Инструмент – Титану, Инструмент – Титану, – зашипела радиостанция на станине гаубицы.

– Началось, бля, – потянулся за рацией Труба. – На приёме.

– К тебе Ковш выехал, встречай…

Ночами в блиндаже было сыро и холодно. Труба всё время ворочался и кутался в спальник. Во сне он в кузове КамАЗа перекладывал трупы товарищей, откладывая в сторону отдельные обгоревшие части тел. Руки к рукам, ноги к ногам. И когда воспоминания во сне своими подробностями становились просто невыносимыми, он вскакивал весь в поту, тяжело дыша. Так спустя несколько дней после очередного ночного кошмара он выпутался из спальника и присел на предпоследней сверху ступеньке блиндажа покурить. Часы бесстрастно показывали – 04:27.

В рассветной серости дежурная радиостанция просипела команду циркулярным позывным для всех: «Внимание! Пароход! Сходы ракет! Всем в укрытие! Нора-нора-нора! Всем в укрытие!»

Геннадий захотел привстать со ступеньки, чтобы крикнуть, но нога предательски соскользнула – и он упал плашмя на земляную лестничку, больно ударившись рукой о корягу, торчащую из стенки блиндажа. Поэтому вскрик его получился смешным и нелепым: «Еее-и-иипть!»

– Нора-нора-нора! – наконец что есть мочи заорал он, подтянувшись на руках к поверхности земли.

Вдалеке послышались частые хлопки сходов ракет, которые тут же сменились разрывами в соседнем леске и на краю поля, как раз там, где зарылось его орудие, но, на счастье, бойцы расчёта ночевали в лесопосадке.

– Херрасе! – пробурчал наводчик, надевая на себя бронежилет и каску.

В блиндаже весь расчёт проснулся и начал скоропалительно облачаться в латы. Разрывы ракет упрямо приближались теперь уже к их лесопосадке.

Сразу после обстрела с поля потянуло непривычно белым дымком с едким и неприятным запахом. Но вылезшие из блиндажа на поверхность военные не придали этому событию должного значения. И только после завтрака и «пинка» по радиостанции от Титана расчёт гуськом за Трубой тронулся в путь – через обгоревшее поле к своей гаубице. Но как-то в округе порохом и не пахло, напротив, в воздухе витал отвратительный душок.

Геннадий на месте первым делом осмотрел гаубицу и крытый погреб с боеприпасами. С виду всё было в порядке. Оглянувшись по сторонам, он не увидел ни одной воронки от разрыва, только весь окоп и гаубица были покрыты непонятным сизо-пепельным налётом. Прицелы от орудия наводчик всегда носил с собой.

– Ладно, Лысый и Серёга, возьмите ветошь и протрите орудие. Особенно затвор. Остальным далеко от блиндажа не отходить, – уверенно скомандовал Труба.

– Мог бы и не напоминать, хрен кто далеко уйдёт, – пробурчал наводчик, направляясь с тряпкой к орудию, к тому месту, где располагался кронштейн под прицелы.

Буквально через несколько мгновений наводчик встревоженно подозвал командира:

– Геныч, иди посмотри! Тут какая-то х***ня непонятная!

Вся металлическая поверхность гаубицы была покрыта серым налётом, который при попытке стереть его тряпкой начинал разгораться и дымиться.

– Что за чертовщина? – весь расчёт собрался у казённика, со страхом удивлённо рассматривая находку наводчика.

– Это фосфор, – предположил кто-то из толпы. – Я в фильме видел. Его хрен чем затушишь. На кожу попадёт – и пи***ц.

– Что значит пи***ц? – рассеянно осведомился Труба.

– Насквозь прожигает тело. Вот что значит.

– Не-э-э-э, я на такое не подписывался, – заныл наводчик.

– Я тоже, – подтвердил Труба. – Валим отсюда, пока снова не прилетело.

Вскоре вся команда заспешила в лесопосадку к своему блиндажу, возле которого на костре водитель уже что-то варганил в котелке. Но не успели артиллеристы снять с себя броники, как оживилась радиостанция.

– Инструмент – Титану, приготовиться к работе, – начальник штаба запросил готовность расчёта.

– Хер ты угадал! – наводчик нервно стянул с себя бронежилет и прилёг у входа в блиндаж на свой спальник.

Естественно, это высказывание в эфир не попало, и лишь потому, что радиостанция была у Трубы.

– Инструмент – Титану, как принял? Приём, – не сдавался Титан.

– На приёме, – решил ответить Геннадий.

– К работе готов?

– Минус.

– В чём дело?

– Инструмент не будет работать.

– Перейди на ТАПик (проводной телефон).

– Я не на позиции.

– А где?

– В п***де, – попытался эмоционально вклиниться в разговор наводчик, но и этот всплеск эмоций не попал в эфир.

– В норе, – спокойно ответил Труба.

– В норе? Какого хера… Инструмент, бегом ко мне! Живо!

Ни угрозами, ни разъяснениями Титан не смог убедить Трубу вернуться к орудию. Пришлось заменить полностью весь состав расчёта и даже выгнать их из блиндажа для того, чтобы переселить в него новый коллектив. А забастовщиков вообще было решено перевести в пехотное подразделение, но обстоятельства, связанные с выходом из окружения в Южном котле, фактически отменили перевод.

В мыслях формально Геннадий Труба считал себя и всех своих подчинённых абсолютно правыми в сложившейся ситуации. И, как ему казалось, он даже в какой-то мере тогда спасал им жизнь. Не о себе же он думал в первую очередь, в конце-то концов. Но вся правда была в том, что до конца срока своей мобилизации он так и не появился на фронте, прячась то в госпитале, то в нарядах в глубоком тылу в составе каких-то батальонов для отказников. А чтобы не попасть на крючок следователей военной прокуратуры, после длительных консультаций с именитым адвокатом, за два месяца до демобилизации он вернулся в родную часть…

«Пи-би-бип, пи-би-бип, пи-би-бип!» – заверещал будильником мобильный телефон. Геннадий поплёлся в ванную комнату бриться. Потом чайник на кухне свистком известил о готовности заварить привычного с войны кофейку, предлагая выпить чашечку оного с сигаретой. После, по пути к выходу, боковым зрением Труба в зеркале прихожей комнаты убедился, что «пикселька» без знаков различия, но с жёлто-синим флажком на рукаве удачно подчёркивает стройность его фигуры, а седина на висках придаёт мужественности. Но мобильный телефон звонком притормозил порыв Геннадия достать из кармана ключи от квартиры и тут же запереть её.

– Доброе утро, Геннадий, – радостным женским голосом поздоровался Самсунг.

– Доброе…

– Это Лариса из «Городского вестника». Звоню спросить о Ваших планах на сегодня.

– А-а-а-а, здравствуйте, Лариса. Сегодня собираю заказ для передачи в АТО. Завтра будем ехать в Авдеевку на Промку.

– Ясно. Как насчёт интервью сегодня?

– Положительно. Но только после обеда.

– Хорошо. Что если у нас в редакции в 4:30?

– …Я буду… в 4:27…

КИНОМАНЫ

Рассказ

«В этом году международный кинофестиваль в очередной раз распахнул свои объятья в гостеприимной Одессе, где в течение 9-ти дней будут наслаждаться премьерами фильмов многие любители и профессионалы киноискусства…» – радио развлекало Алексея в пробке, которая закупорила Ришельевскую, на всём промежутке от Дерибасовской до Греческой. Июльская жара ломилась в открытые окна, затем каплями пота сползала по футболке, стекая вдоль позвоночника. Июль уже успел беспощадно выжечь траву, подсушить листву деревьев, обесцветил тенты палаток на летних площадках и вообще вёл себя из ряда вон агрессивно.

– Ну и какого хера ты там встал?! – уныло прокричал измученный жарой водитель стоящего впереди микроавтобуса.

Уже скопилось около десятка разномастных автомобилей. Они извилистой змейкой друг за другом упёрлись в грузовик, который на мигающих аварийных огнях разгружался прямо на середине проезжей части.

– Ты, бля, тем козлам скажи, шо под знак стали и не дают мне нормально разгрузиться! – злобно огрызался водитель грузовика. – Я за два квартала ящики таскать не буду!

Алексею тоже в глубине души хотелось «напихать полные пазухи» комплиментов виновнику столпотворения машин, но парень просто делал свою работу. Алексею тоже сегодня разгружать... При мыслях о разгрузке он, инстинктивно оглянувшись назад, краем глаза отметил про себя положение и количество коробок с бумагой и блокнотами. Рядом на сиденье лежал запечатанный блок сигарет.

А километрах в трёх по прямой от этой пробки, за глухим и обшарпанным забором грязно-горчичного цвета, притаился военный госпиталь.

В четырёхместной офицерской палате № 7 клиники неотложной хирургии единственным быстроногим оленем был тихий прыщавый юноша лет 20-ти. Он волею судьбы завершал свою солдатскую карьеру срочной службы сложным переломом мизинца на ноге. И в этой палате он оказался совершенно случайно, исключительно из-за нехватки свободных мест в отделении.

Два других обитателя – лейтенант и старлей, практически одногодки, возрастом слегка за тридцать, – были менее прытки в передвижениях после операций. На четвёртую, освободившуюся с утра, койку в палате уже претендовал очередной пациент, смиренно ожидающий оформления в приёмном покое.

Тем временем быстроногий олень внимал безапелляционной просьбе лейтенанта сходить в магазин за сигаретами и минералкой. Сам лейтенант при этом стоял на костылях и натягивал носок себе на ногу с аппаратом Илизарова. Старший лейтенант тихо дремал на кровати у окна, недовольно гримасничая в такт звукам диалога. Воинские звания постояльцев можно было узнать только лишь из истории болезни, так как в клинике был принят суровый дресс-код: халат и тёмно-синяя пижама. Абсолютно без знаков различия.

– Петруха, ты понял задачу? Синяя пачка и бутылка сильногазированной, – назидательно напутствовал ходока носитель спице-стержневого аппарата. – Вот гроши. На сдачу купи себе чего-нибудь.

– Та шо там залишиться? Хіба на сємкі, – уныло проронил Петро и, опираясь на палку, подался к выходу из палаты.

– Возьми шапку! Може, на входе в магазин наколядуешь! Гы-гы-гы. Шучу! – загоготал лейтёха.

– Дуже смішно! Ундо хай старлєй колядує. Йому на візочку більше у шапку накидають. А у мене, до речі, всі пісні виходять веселі, – пробурчал себе под нос посыльный и захлопнул дверь.

– Это оливье выходит весело, а винегрет – красочно! Игорёк, вы с Петрухой вообще офигели. Гогочете, как гиены! Поспать не даёте! Вот доиграетесь. Я ночью к вам залезу под простыню и по очереди накажу, – проснулся старлей.

– Накажешь-накажешь, сладенький. Но потом. Вадик, если шо – я погнал на УВЧ. Уже опаздываю.

– Давай, гони. Может, тебя на коляске подвезти?

– Ага, сейчас! Так я к тебе на коленки и присел!

Палата опустела, и воцарилась тишина. Скрипя панцирной сеткой кровати, Вадим тяжело повернулся на бок. Сощурившись от острой рези в боку, посмотрел на экран своего мобильного телефона. Каждое движение отдавалось в бедре ноющей болью. Во рту ощущался горький привкус металла. Упёршись обеими руками в матрас, он приподнялся и сел на кровати. От физического напряжения на лбу выступил пот, голова закружилась. Он закрыл глаза, сделал несколько вдохов-выдохов и с недовольной гримасой глянул в окно. Но взгляд его остановился не на пёстрой цветочной клумбе или позолоченном куполе церквушки за окном, а на зеркальце на подоконнике.

«Грязный тельник, растрёпанные волосы, лысина на темечке, трёхнедельная небритость – ну копия Ален Делон в молодости!» – грустно подумал Вадим.

Он ещё раз посмотрел на время на экране телефона, влез босыми ногами в резиновые тапочки и потянулся за инвалидной коляской, стоящей в проходе. Телефон из руки выпал на пол и зазвонил.

– Улё! Гарячий цех на дроті, – разогнувшись, тяжело прокряхтел в трубку Вадим.

– Фу ты! Ну тебя, Вадим! Я подумал уже, что ошибся номером, – со звонким эхом ответила трубка. – Чего кряхтишь? В туалете?

– Да ещё б чуть-чуть, Владимирович, и сходил бы. Гы-гы-гы. Под себя. А что это за звук такой у вас?

– Это я на громкой связи, за рулём еду. Вадик, я тут в пробку встрял. Весь центр перекрыт. Готовятся к открытию кинофестиваля. Но всё равно еду к тебе. Подлётное время – 20 минут.

– Хорошо, Владимирович. Я на КПП буду ждать.

– Слушай, не надо возле КПП. Вдруг я надольше встряну. Давай я тебе позвоню, когда подъеду.

– Хорошо, Владимирович. Буду ждать звонка, – закончил разговор старлей.

Он перебросил через плечо полотенце, ловко пересел с кровати на коляску, выехал в коридор и покатил в сторону туалета.

Тем временем фургончик Алексея упрямо, как ледокол в Антарктиде, пробирался сквозь скопление машин. На пути к уже виднеющейся из-за поворота цели глухой затор полностью обездвижил машины, трамваи, троллейбусы. Через несколько минут ожидания вдруг под вой сирен и вспышки синих мигалок колонна из пяти карет скорой помощи каким-то чудом протиснулась сквозь строй и скрылась из виду.

И как только стихли сирены, колёса закрутились, потоки устремились в привычных направлениях. Улица снова ожила, несмотря на зной и духоту.

Правее павильона, в проёме забора, располагался въезд на территорию госпиталя. Охранник в камуфляже курил и грозно поглядывал по сторонами.

– Привет, – нарочито фамильярно поздоровался с ним Алексей. – Что это у вас тут за дискотека с мигалками?

– Та это борт с ранеными пришёл, ребят привезли, – растерялся от такой наглости суровый страж.

– Ясно. Много тяжёлых? – напирал Алексей.

– Вроде восемь.

– Понятно, – проронил Алексей и не спеша прошёл мимо шлагбаума, углубляясь на территорию госпиталя.

Он достал из кармана телефон и набрал нужный номер.

– Улё, – отозвалась трубка мужским голосом.

– Прачечная? – спросил Алексей улыбаясь.

– Никак нет, товарищ капитан! Гарячий цех на дроті, – довольным голосом отвечала трубка. – Вы уже на шлагбауме? Тогда идите прямо и налево по центральной аллее. Я выезжаю навстречу!

– Вадик, я уже иду, не дергайся.

– Владимирович, меня товарищ по палате дотолкает. Да, Петруха? Просто там на углу есть киоск. Возьмём себе по кофейку, – не унималась трубка.

– Добро, – Алексей положил телефон в карман и, пригнувшись под еловой веткой, вошёл по дорожке в тоннель, образованный с одной стороны стеной двухэтажного неврологического отделения, а с другой стороны газоном с дремучими лохматыми елями, раскинувшими во все стороны свои колючие лапы.

В конце пешеходной дорожки он увидел инвалидную коляску, в которой ехал взъерошенный и небритый субъект в десантной тельняшке, приветственно размахивающий над головой деревянной тростью. За спиной у него хромал молодой парень, который толкал перед собой коляску и одновременно уклонялся от палки. Алексей ускорил шаг.

– Ну, здорово, красавец! Опять косишь? – накинулся Алексей на приятеля.

– Так точно, товарищ капитан. Кошу! – улыбнулся Вадим. – Познакомьтесь, Владимирович. Это Петруха из моей палаты, – представил товарища старлей. – Кликуха Канарис.

– Алексей, – протянул и пожал руку капитан. – Чего Канарис?

– Гы-гы-гы, он на полигоне бинокль одному херу из управления разведки подал. С тех пор называют Канарисом, – добродушно посмеиваясь, рассказал Вадим.

– Я краще піду. Віддай палку! – живо ретировался Петруха.

– О, это тебе, – вспомнил Алексей, протягивая Вадиму блок сигарет. – Каву? – предложил он после того, как подкатил коляску к киоску.

– Давайте я заплачу́! – засуетился Вадим.

– Обязательно, но в следующий раз. Два американо, – попросил капитан продавщицу.

Он расплатился, отдал бумажные стаканчики с напитком Вадиму, а сам взялся за ручки позади коляски и покатил по дорожке в направлении ближайших лавочек. Они степенно закурили и, выпуская дым, принялись за кофе.

– Ну, рассказывай, как дела, надолго ли здесь?

– Всё нормально. Две операции сделали, осталась ещё одна. Сустав будут менять на протез. Вот жду.

– А чего небритый? Принести тебе станок?

– Я ж вам говорил, Владимирович, ничего не надо. Всё волонтёры дают. А чего не хватает, так батя мой передаёт.

– Вадик, не п***ди! Что не так?

– Моя жена с малым решила в Германию податься. Нашла себе какого-то Ганса. Должна на неделе приехать с какими-то бумажками. Ну, чтобы я подписал… Владимирович, может, по чуть-чуть? А? Я быстро сгоняю. Тут через дорогу бабка винцо продаёт, колясочникам без очереди. А?

– Не могу, Вадик, я на работе. За рулём.

Неожиданный звонок телефона прервал разговор, и Алексей поднёс телефон к уху.

– Лёха, ты где потерялся? Анжела из магазина на Таирово мне мозг вынесла. Если ты не успеешь до конца дня развезти эту грёбаную бумагу, то…

– Отставить трахать капитана, Петрович. Я всё сделаю, не переживай. Пообедать я хоть могу? – прервал поток упрёков Алексей.

– Можешь, можешь, но если не отвезёшь, то объяснительные будем вместе писать. Да что там объяснительные, премия под угрозой!

– Петрович, понял – принял. Не переживай. Уже мчусь, – спрятал телефон капитан.

– Что, спешите? – явно расстроился Вадим.

– Да, видишь – дёргают! Но ещё есть немного времени, – Алексей посмотрел на циферблат наручных часов.

– Ладно, как у вас дела? – затягиваясь очередной сигаретой, спросил Вадим.

– Нормально. Работаю. Дом – работа, работа – дом. Сейчас у малой каникулы, ходим на море по выходным.

– Владимирович, может, вы на выходные придёте? Без машины. А?

– В субботу мы собрались фестивальные фильмы смотреть на Потёмкинской лестнице. Может, давай я тебя с собой заберу?

– Нет, Владимирович, мне нельзя из госпиталя исчезать надолго. А вы там с женой и ребёнком будете. Нет.

Они помолчали какое-то время, размышляя каждый о своём. Алексей первым не выдержал тишины:

– Слушай, Вадик, помнишь, мы зимой стояли под Авдеевкой? У меня был тогда ещё китайский планшет для стрельбы.

– Помню. Вы тогда в него фильмы накачали. Мы в «мотолыге» ночи напролёт в перерывах между стрельбой кино смотрели, – заулыбался старлей.

– Так вот, мне начальник штаба подарил на дембель этот планшет. Валяется с тех пор где-то дома. Давай я его найду и в субботу приду. Посмотрим тут пару фильмов. Ну, как тогда.

– А как же лестница, кинофестиваль?

– Да боюсь я что-то в последнее время больших скоплений народа… И раз уж решили злоупотреблять – я тогда с собой бутылку коньяка возьму и чего-нибудь загрызть. Не выгонят тебя из госпиталя, а?

– Та не должны...

– Может, чего-нибудь новенького качнуть?

– Не, не надо, Владимирович… Пусть те будут, что тогда... А можно, чтоб с нами Петруха и ещё один парень из моей палаты смотрели?

– Тебе, Вадик, всё можно… Ну, тогда до субботы? – попрощался капитан.

Білецька Наталя Олександрівна. Народилася 24 грудня 1981 року в Миколаєві. Магістр української філології, магістр з міжнародного маркетингу та реклами. Переможниця обласного літературного конкурсу «Золота арфа» (2001). Лауреат Міжнародного літературного конкурсу «Гранослов» (2002), Всеукраїнського літературного конкурсу «Витоки» (2007). Переможниця поетичного конкурсу від літературного сайту «Поетичні майстерні» (2006). Лауреат Всеукраїнської літературної премії «Привітання життя» імені Б.-І. Антонича (2004). Авторка поетичних збірок: «З літопису лиманської зорі» (Київ, 2003), «Друга ріка» (Львів, 2005). Член Національної спілки письменників України (2004). З 2011 року проживає в місті Києві. З 2014 року працює у сфері фармацевтичного маркетингу.

Наталка БІЛЕЦЬКА

ПО БІЛОМУ, ЯК СВІТ

* * *

Риплять твої пророчі пера.
Ти витинаєш: «Ще не вмерла...» –
по білому, як світ.
Нічник кульга, і дощ періщить.
Кому ти пишеш і навіщо
цей дивний заповіт?
Твої миряни-пілігрими
в турне по сіль забули рими.
Над ними, наче спис,
і, як прогноз, висить прозоре
світило. І всю ніч по зорях
рипить Чумацький Віз.
Нащо ж ти пишеш, пане Нестор?
Розбитий комп, віконця хрестик,
кімната – в два на два.
«А що? – він каже, – Мабуть, треба».
Крізь євроґрати ллється небо.
І скрапують слова.

* * *

У тому будинку нечутно снує домовик:
тоді, коли спиш, він тобі підправляє волосся.
Там сни – невагомі, там вірші – первинні, там крик
дитячих очей з фотокартки про все, що збулося.
На тому порозі завжди зустрічатиме кіт
сандалій сліди, що сходили «бутіки» і храми, –
отой, чорно-білий, як твій навіщований світ.
А ще – там сніги на віконницях й зачісці мами.
Нагрій собі чаю із травами пізніх степів.
Присядь коло батька, відчуй, як зникає утома.
Не треба ні масок, що кольору хакі, ні слів.
Ти вдома.

ТАЄМНА ВЕЧЕРЯ

Тоді, коли збуваються слова,
так само передбачено, як зливи,
тоді, як на дахах танцюють сливи,
зірвавшись з віт, і піниться трава
від місячного доторку землі, –
вночі, коли чекаєш на пригоду,
сумний приходить янгол і на склі
малює час – від Заходу до Сходу,
від Півночі до Півдня, й навпаки...

Ти мовчки споглядаєш з ліжка диво,
як він – всього на відстані руки.
І гупають у стелю пізні сливи.

Відбудеться мальоване.
Колись.
А поки що дитинно і відкрито
на повну душу видихни й молись
мальованому первісному світу,
нездійсненим видовиськам дощу,
несправдженим пророцтвам й заповітам...

Ведись гостинно. Принеси борщу.
Присядь до столу – під рамена світу.
Повідай про безжалісні жалі,
про брухт речей, про те, про що б не варто.
І – випийте по чарці. Щоб на склі
всю ніч палали вилиці і ватри.

* * *

Ти пам'ятаєш сніг на синіх лапах
кудлатих сосен і гірлянди снів?..
Цей час – з лісами й війнами на мапах –
такий примхливий, як би ти не хтів!
Між нами завше долі-кілометри.
Між нами відстань – в наші два життя:
одне оте – з народження до смерти,
а інше – від пророка до дитя.
Ми живемо на мапах і вокзалах
країни, що не дім і не готель.
І душі наші, як музейні зали,
де тільки пил віщованих земель.
І ми собі вигадуємо зброю.
І наші вої гинуть за мету.
За світ, який існує і без бою.
За правду цю, й без доказів, святу.
Усе в житті проходить два етапи –
реальності і пам'яті, авжеж.
Ось ти... ти пам'ятаєш сніг на лапах
тих сосен, що над світом снять?
Я – теж.

* * *

Я намагаюсь вигадати осінь,
якої не було на мапах й в кни́жках...
Вона прийде вночі. Промінням босим
торкнеться сну на півдні мого ліжка.
Вона, як сукня, куплена на свято
і досі ще не вдівана у люди.
Вона, як місто глиняне. Як хата,
що їй вросли купальські трави в груди.

А ти питаєш, чом мої гостини
завдовжки в серпень – на твоєму старті.
Ну як нам прокидатись в місті з глини,
якого не знайти на жодній карті?

* * *

Кожного разу, коли відкриваєш, що ти
в парку, в метро, в літаку – ну завжди в позачассі,
світ, як чужий корабель, піднімає борти
вище від тебе, від істин – наскільки це вдасться.
Кожного разу вертаєш додому навскіс:
вулиці пахнуть юрбою і кавою гірко,
крила здіймає в молитві розчахнутий міст,
березень – кволий, як сонний гомункул з пробірки...
В місті, де в небо не хмари пливуть – кораблі,
в світі, де вишні борти – тільки брук при основі, –
дай мені, часе, живої води і землі,
ключ від своїх таємниць і два зерня любові.

* * *

Ні в славі, тим більше – в слові,
не страшно програти час,
як страшно – у тій любові,
котра не пройшла крізь нас
повітрям а чи водою,
травою не проросла
із ран – на долонях бою,
і світлом – де тьма була.
Тож пізня доба чи рання,
на схилі доріг чи дня,
вона – не Едем, а стайня,
і ти в ній не змій – ягня.

Торхов Алексей Валентинович. Человек поэзии, прозаик, публицист. Поэтический псевдоним – «А.В.Тор…». Родился 28.02.1961 г. в селе Олинск Нерчинского района Читинской области (РФ). Окончил юрфак Одесского госуниверситета им. Мечникова (1992). Обладатель Гран-При нескольких всеукраинских фестивалей. Победитель Международного фестиваля «Славянские традиции» (2009). Автор семи поэтических книг и книги прозы «Северны сказы про Максимку бога». Председатель Николаевской областной организации ВТС «Конгресс литераторов Украины». Награждён Международной Отметиной имени Давида Бурлюка (Международная академия зауми, Германия, 2010); литературной премией «Славянские традиции» (2010). Соорганизатор открытого Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния».

Алексей ТОРХОВ

СВЯТОПУСТО

(Из седьмой поэтической книги)

ГОРОД-ИМЯРЕК

блаженны хранящие книги
на полу
не ведающие книжных шкафов
и дословного прочтения
выстраивающие книжные стопки
многоэтажками
улицами
городом
на полу пустой комнаты
бродящие великанами между

от мрачного особняка-целана
к свече маяка-маяковского
и назад мимо
квартала-достоевского
мимо
пустого замка-хименеса
постоялого двора-гоголя
мимо
возвращаясь опять и опять
к сочному молчанию шестиэтажки-кордуна –
неприметному небоскрёбу
среди кричащих хрущёвок сучлита
(в этом месте язык становится птицей
и взлетает даже если молчит
и «хати помовкли вікнами
а серцями щебечуть»)

блаженны прикладывающие
ладони-стетоскопы
к дышащим крышам обложек
касаясь прохладным
по-детски тёплой кожицы
прикрывающей рёбрышки и буковки
прикрывающей застывшие муравейники
слов

блаженны впадающие в поэзию
как в детство
торопливо записывающие на обоях
догадки и откровения

выстраивающие рукописные стены
и черновики-обереги
вокруг непрочитанного города
покрывающие стихами двери
ведущие в детинец

блаженны хранящие книги
на полу
и пишущие стихи на обоях –

они спасутся

обретя возможность
писать по воздуху
и дышать написанным
в собственном городе-имярек

СЕСТРА-ДВОЙНЯШКА

Патерсону

«когда б вы знали из какого сора»
старушка на первом сиденье слева
делится со своей близняшкой –
старушкой на первом сиденье справа
и та поддакивает
«не ведая стыда Анечка вот именно»…

допустим ты водитель
маршрутного такси
номер двадцать три
где-нибудь в провинциальном городе
скажем в Николаеве
неспешно снующего
от центрального рынка
до Большой Коренихи
и фамилия у тебя тоже – Николаев
и ты вынужден выслушивать
день за днём
всё-всё
что бормочет соседу
говорит сама себе
или выкрикивает в салоне
жизнь
за твоей спиной

что остаётся тебе
от очередного суконного дня –
разве что запись
в тайном блокноте:
«близнецы – это на всю жизнь
как и поэзия –
твоя сестра-двойняшка

подрабатывающая с тобой на маршруте
собирая плату за проезд
как пожертвование
и передавая сдачу
как благую весть»

ОСОБАЯ ВНУТРЕННЯЯ РИФМА

Джиму Джармушу

в поисках совпадений
где-то в толще тебя
бьётся
(вот опять слышишь?)
пульсирует
как рыбина подо льдом
особая внутренняя рифма
улавливая оттенки
и отголоски
всхлипывая и пританцовывая
будто мамины пальцы
на плечах девочки
особая внутренняя рифма
как неугомонный енот
тянет свои лапки ко всем
подробностям мира
и проникает даже
сквозь стены
неписаного
и несказанного

многие зовут это –
сердцем

РОЖДЕСТВО: ПРЕДЧУВСТВИЕ

лежать
: на спине
: на полу в пустой комнате
: на измятых крыльях
рассматривать
как со дна колодца
: не истоптанный снег потолка
: не названные созвездия
знать
: внутри тебя
звёзды спелее и ярче
: ребёнок в тебе
теребит их погремушками
над колыбелью
верить
: внутри него
ворочается Имя

СВЯТОПУСТО

люблю пустые квартиры
там уйма места для поэзии
просто открываешь окно
и впускаешь бездомный воздух
этого выпивоху неразбавленных сплетней
сплошь пройдоху и пролетёху

это всё равно что в аквариум
купить воду вместе с рыбками
причём за рыбок не платить вовсе
просто обнаружить их
спустя время
а потом привыкнуть к ним
дать имена и научить
разговаривать
разбить стекло и долить воды
на пол
по щиколотку
пусть плавают по всей квартире

люблю пустые квартиры
стены позируют как топ-модели
в полный рост
оставаясь ненакрашенными школьницами
из твоего класса
не прячась за шкафы и красивые картины
пол раскинулся как поляна
куда вот-вот набегут
наползут наплывут
не протолпишься

а ты всё оттягиваешь этот миг
медлишь
не идёшь в магазины
«всё для дома»
«всё для кухни»
«всё для спальни»
раз за разом возвращаясь
с полпути

тихонько отпираешь дверь
и входишь в свою квартиру
как в магазин
«всё для поэзии»
и осторожно идёшь по цветочной поляне
выросшей на линолеуме
к подоконнику
где по бездомной привычке
уснул воздух
который ты
приютил

ЗЕЛЁНОЕ: ЧЕСТНОЕ ВОРОБЬИНОЕ

зелёное: и воробьи вразлёт
буквами из-под взгляда
бродить по девственной странице
ни прочитать ни коснуться
улетело и оголтело

зелёное – изрядно
: лицо в листьях
: луна в рыбах
: земля в воробьях
: венера в мехах
поэзии
влажный космос и я –
пёстрое пёрышко
из крыла вспорхнувшего времени
к ногам твоим
только имя пульсом
учащённо

июнь перестань
чирикать над головой
дай честное воробьиное
слово –
не поймать если пообещаю
не улететь

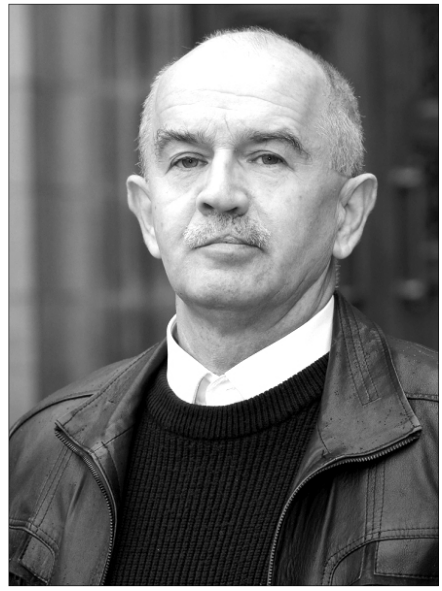
из зелёного

ВЕТЕР

синь
а по ней поспешно
порывистые слова
размашистым шёпотом: ветер
незримый смычок господен
поперёк тела
яко на небеси и на земли
объединяет одинокие струны: нас
в музыку

«Отче
не введи нас в немоту
но избави нас от фальши…»

небесные волны шёпота
шелестящий канон
путеводный смайлик
юного месяца



Куцев Евгений Альбертович. Родился в 1958 году в Николаеве. Окончил Херсонское мореходное училище им. П. Шмидта (1977), судоводитель. Работал матросом, штурманом на судах Черноморского морского пароходства. Окончил исторический факультет Николаевского педагогического института (1988). Сегодня – преподаватель, заместитель директора Николаевской мореходной школы. Публиковался в газетно-журнальной периодике Украины, России. Автор книг для детей: «Сказки новогодней ёлки» (2012), «Сказки про Три-Седьмое царство» (2013), «Сказки волшебные и правдивые» (2016).

Евгений КУЦЕВ

КАК ОЖИВАЮТ ПАРОХОДЫ

Рассказ

Спуск нового судна со стапеля, особенно если это судно крупных размеров, на любом судостроительном заводе событие знаковое и праздничное. Этап корпусных работ завершён, основное оборудование установлено, судно практически полностью обрело свой внешний вид. Звучат поздравления, в борт летит бутылка шампанского, и – сначала нерешительно, а затем всё быстрее и быстрее – новый корабль соскальзывает на воду. День, когда корабль сходит со стапеля, считается его официальным днём рождения.

И вот спустя некоторое время новый теплоход уходит в свой первый рейс, начиная жить самостоятельной взрослой жизнью. Между этими событиями – спуском на воду и выходом в первый рейс – заключён довольно длительный период, недели или месяцы, когда судно стоит на акватории завода у стенки, продолжая достраиваться. Но день рождения отпразднован, поэтому достройка воспринимается как естественная часть общего процесса, особых комментариев не требующая.

Однако не на стапеле, а именно в период достройки и ходовых испытаний родившееся судно становится настоящим мореходом.

Многим знакома строчка из песни «как провожают пароходы». Как работают и чем занимаются судостроители – тоже более-менее понятно и знакомо, а вот как оживают пароходы, объяснить наверняка затруднились бы даже сами корабелы.

Но очевидцы, понимающие это удивительное перевоплощение, всё же имеются.

На каждом большом судостроительном заводе на время ходовых испытаний сошедшего со стапеля «новостроя» формируется так называемая сдаточная команда, состоящая из профессиональных моряков, которая подхватывает рождающееся судно и выводит его впервые в открытое море. Пожалуй, только они, моряки, привыкшие к виду кораблей в их повседневном рабочем состоянии, и способны были бы поведать о рождении парохода, о том, как огромное количество существовавших автономно до недавнего времени устройств, агрегатов, приборов окончательно сливается в единое целое, превращаясь в хорошо знакомый мощный высокотехнологичный стальной организм – современное морское судно.

Первыми из сдаточной команды с заводского причала на борт поднимаются штурман и матрос. В общей сутолоке строительства они почти чужие, своим появлением вызывающие лёгкое недоумение у окружающих. Приход их обычно совпадает с днём начала проверки и обкатки самого большого из всех механизмов – главного двигателя. Заниматься главным двигателем, конечно же, будут механики-дизелисты, но без моряков уже не обойтись: им приступать к несению вахт, сле-

дить за натяжением швартовных концов, контролировать поведение плавучей камеры-насадки, надетой на гребной винт.

Подготовительные работы выполнены, назначено время, проверена готовность, поступает указание на запуск.

Ответственность момента ощущается всеми – и теми, кто на мостике, и мотористами в машинном отделении, и малярами в трюмах, и монтажниками на палубе. На двигатель подаётся топливо, и находящиеся на борту люди на мгновение замирают, чувствуя, как лёгкая вибрация пробегает по переборкам и палубам надстройки – внутри машинного отделения впервые включилось и ритмично застучало сердце теплохода. Первый шаг «оживления» сделан.

Впереди несколько дней проверки. Главному двигателю предстоит длительная безостановочная работа под присмотром его создателей: в различных режимах, на переднем и заднем ходу, вплоть до того момента, пока у технических специалистов не появится уверенность – программа обкатки выполнена, «сердце» обладает и необходимой энергией, и крепким здоровьем и в особой опеке заводчан больше не нуждается.

На открытых палубах и во внутренних переходах надстройки в эти дни – вавилонское столпотворение. Люки трюмов, переходы и площадки загромождены контейнерами, будками, будочками, баллонами, шлангами и переплетением кабелей. Над головой днём и ночью не прекращается движение стрел береговых кранов, то что-то снимающих с палубы, то подающих наверх всё новые и новые ящики и пакеты. Воздух и внутри помещений, и снаружи тоже необычен – он не просто наполнен, он перенасыщен запахом пластика, краски, сварки, шипением вентиляции, треском и жужжанием множества работающих электроинструментов. В водовороте звуков, облепив свободные поверхности наподобие муравьёв, находясь в постоянном движении, десятки, если не сотни людей что-то перетаскивают, красят, винтят, налаживают и соединяют. Процесс «оживления» достигает своего пика. У постороннего наблюдателя картина происходящего вызывает ощущение полного хаоса и сомнение в том, что в обозримом будущем хаос этот способен каким-либо образом упорядочиться.

На самом же деле всеобщая хаотичность – только кажущаяся.

Неподалёку на причале установлен передвижной вагончик – конторка главного строителя. Внутри – не протолкнуться. Там, в окружении своих заместителей, телефонов, компьютеров и громадных, размером с письменный стол, пачек чертежей, священнодействует верховный маг и творец проекта, в чьи руки стекаются все тончайшие ниточки управления и все нервные окончания рождающегося корабля. Ни для главного строителя, ни для его подчинённых никакого хаоса не существует. Бурление, толчея, согласование, решение тысяч мелких вопросов – для них естественное, привычное рабочее состояние. «Это нормально», – кратко уточнили бы они, ни на минуту не отвлекаясь от дел.

Проходит неделя, другая, и загруженность палубы строительным инвентарём заметно уменьшается, ненужное и отработавшее оборудование постепенно перемещается на берег. Начинаются швартовные испытания.

Для судна швартовные испытания – не просто проверка и предъявление строгим представителям Регистра всевозможных устройств. В эти дни теплоход, как живое существо, учится владеть своим телом, совершает небольшие пока ещё движения, закрепляя на будущее необходимые для жизни навыки: открыть и закрыть трюм, спустить на воду и возвратить на место спасательную шлюпку, повернуть перо руля, ухватить и поднять что-то с пирса, крепко зацепиться за причал.

На ходовом мостике завершается наладка навигационного оборудования: электрики и инженеры-электронщики занимаются своим участком «таинства» – они учат теплоход видеть и слышать окружающее пространство, чувствовать и контролировать самого себя. Один за другим, связанные тысячами проводков в единую систему, включаются экраны мониторов, загораются лампочки-индикаторы. В какой-то момент – расплывчатый и едва уловимый – происходит фантастическое преображение: судно начинает думать, понимать своё назначение, разбираться в направлениях горизонта и географических координатах. Оно ещё прикреплено к берегу и в значительной степени зависит от него, но уже наполовину проснулось и вот-вот перешагнёт зыбкую грань между состоянием громадной сварной конструкции и состоянием в качественном плане совершенно новым, состоянием живущего по своим собственным законам океанского лайнера. Когда именно это произойдёт или произошло – с абсолютной точностью указать невозможно, но определённая временная привязка к другому важному в истории судна событию всё же существует.

На борт в сопровождении капитана сдаточной команды прибыл капитан команды приёмной. Дата и время его прибытия на занятость инженеров и рабочих-судостроителей никак не влияют,

поэтому был ли тут капитан ещё вчера или появился только сегодня – для них не существенно. Но первое появление на мостике оживающего теплохода своего, родного капитана можно считать тем самым моментом, с которого новорожденный перестаёт принадлежать заводу и начинает принадлежать морю. Сквозь пелену младенческого сна всё отчётливее проступает и в дыхании ветров летит навстречу будущее – далёкие берега, дни, ночи, облака и бескрайние океанские просторы.

Испытания у заводской стенки закончены. На борту остаются только те немногие заводские специалисты, которые будут участвовать в испытаниях ходовых. Все судоводители и матросы сдаточной команды в сборе, оба капитана – и командующий во время ходовых испытаний, и принимающий – в штурманской рубке. Швартовы отданы, поднят флаг, и впервые теплоход сам движется по водной глади. Осторожно, придерживаемый буксирами, он всё дальше и дальше уходит от места своего рождения. Но перед выходом в море на широком пространстве рейда ему предстоит обязательная остановка: необходимо уделить внимание старейшему из всех навигационных приборов – главному магнитному компасу.

В ряду прочих, испытанных временем и суперсовременных, магнитный компас – своего рода патриарх, имеющий прямую, непосредственную связь с самой планетой. Непременное присутствие его на любом судне – отнюдь не дань традиции. Он может годами дремать на пеленгаторной палубе, укрытый брезентовым чехлом, как одеялом, но в случае необходимости, если не дай Бог что-то пойдёт наперекос, за подсказкой обратятся именно к нему. И что бы ни случилось, в какие бы обстоятельства ни попали моряки – ночь, шторм, туман, вышедшая из строя электроника, – магнитный компас всегда укажет верное направление. Единственное, чего он не любит и что может сбить его с толку, – находящееся рядом железо. Для того и нужна теплоходу-младенцу остановка, чтобы медленно повернуться несколько раз во все стороны и при помощи небольших, но мощных магнитов, установленных в тумбе под главным компасом, перехитрить, компенсировать собственное магнитное поле.

Шаг следующий, решительный и широкий, – выход в открытое море. Тут, и только тут теплоход приобретёт окончательную уверенность в своих силах и способностях. Не только на малом, но и на самом полном ходу он несколько раз пробежится, меняя курсы, резко развернётся, остановится, дав «полный назад», и снова ускорится, перекладывая руль с борта на борт. То, для чего он рождён, что недавно представлялось далёким и туманным будущим, всецело охватит его и станет восхитительным настоящим.

Без оглядки уходя во взрослую жизнь, он не заметит, как отдаляются, уменьшаются в размерах и затягиваются дымкой заводские стапеля, превращаясь в короткую строчку биографии.

Впереди – знакомство с экипажем, которому осваиваться на теплоходе и родниться с ним.

Впереди, в стремительном движении по волнам, – морские дороги, ведущие в самые дальние уголочки земного шара, чайки за кормой и летящая рядом с ними песня: «…не пройдёт и полгода, и я появлюсь, чтобы снова уйти, чтобы снова уйти на полгода».

СПОКОЙНОЙ ВАХТЫ

Рассказ

Судно и экипаж. Мы не существуем друг без друга. Рейсы, переходы, ремонты, погрузки и выгрузки, вахты – ничего бы этого не получилось, не будь мы вместе.

Жизнь теплохода зависит от действий экипажа, а жизнь и безопасность экипажа – от надёжности и ухоженности того судна, на котором мы пребываем. Работа будет ладиться, и вахты не будут в тягость, если мы друг друга поняли, приняли и доверились друг другу. Подходим ли мы тому или иному судну, подходит ли оно нам, – над этим всегда стоит задуматься заранее. В совместимости наших характеров – и душевное равновесие, и залог спокойной результативной работы. Какие у нас сложатся взаимоотношения с самим теплоходом, с товарищами по работе – так нам и жить. Вдобавок помнить о «человеческом факторе» и о том, что в размеренный ход событий иногда вторгается «его величество Случай».

Каждый из нас прекрасно знает собственные достоинства и недостатки, свои плюсы и минусы. Каждый может с высокой степенью достоверности оценить себя и рассказать о своём характере.

Но! Точно так же, как и человек, каждое судно – и это вам подтвердит любой моряк со стажем – имеет только ему присущие особенности и свой неповторимый нрав и характер, неповторимый даже

в том случае, если принадлежит оно к целой серии «sistership», практически ничем не отличающихся друг от друга.

С точки зрения технической, внешний вид, параметры и характер судна определяются прежде всего его назначением и мореходными качествами: остойчивостью, ходкостью, управляемостью и так далее. Но эти качества – основная база, фундамент полного тонкостей и оттенков поведения судна и в море, и у причала, включая элементы послушания, капризности, надёжности и даже везения. Каким образом, благодаря чему или кому обретает оно своё неповторимое лицо, повадки и характер, превращающийся в судьбу, – вопрос, быть может, из области эмоциональной, но вопрос отнюдь не праздный.

Если имеется свободная минутка, с высоты мостика присмотримся к встречным кораблям. Мнение наше, конечно же, будет субъективным, но сейчас нам именно таковое и требуется.

Бискайский залив. День, яркое солнце и мелкие барашки волн по обе стороны теплохода от бортов до самого горизонта. На ходовом мостике, и в особенности на левом его крыле, необычное и незапланированное оживление. Присутствуют капитан, старпом, помощники капитана и два механика, задействованы все имеющиеся в наличии бинокли и оптический пеленгатор. Последний – в роли подзорной трубы.

Причина оживления – великолепный трёхмачтовый парусник, идущий встречным курсом по левому борту.

– Нет, не «Товарищ». Но похож. Названия не видно? Нет?

– Какой «Товарищ»? «Товарищ» в Германии. Уплыл.

Да, хорошо знакомый нам барк «Товарищ», он же «Горх Фок», уплыл навсегда. Судьба его, насыщенная яркими и временами неоднозначными событиями, сложилась так, что он вернулся к своим истокам и к своему первоначальному названию, вернулся на склоне лет к месту своего рождения. Тот парусник, полётом которого по волнам мы в данный момент любуемся, ничуть не хуже и точно так же вызывает восторг и уважение: белоснежный, стремительный, идущий под всеми парусами, олицетворяющий надежду, юношеские мечты и романтику далёких путешествий.

По внутренней же своей сути парусник – воплощение терпеливого и мудрого моряка-наставника. Сам парусник не задумывается ни над этим, ни над тем, что он, помимо прочего, является ещё и предметом глубочайшей симпатии и влюблённости, объединяющей всех моряков планеты. Паруснику не до того. Он и сейчас ежеминутно занят своими вполне конкретными заботами. Это мы, глядя на него со стороны во время непродолжительной встречи, мысленно можем позволить себе лирическое отступление. При этом мы и свою молодость вспомним, и слегка позавидуем нынешним ребятам, которые копошатся на большой высоте, на рее, подбирая один из широких парусов.

– А это что такое? – вопрос задаёт механик, сдвинув пеленгатор левее, почти в направлении траверза.

В поле зрения биноклей попадает тёмный прямоугольник, медленно ползущий по самой кромке горизонта.

– А-а, это автомобилевоз. Ро-рошка.

Тут требуется пояснение, и не только для молодого механика. Что такое «судно типа РО-РО» парень, без сомнения, знает, но признать в объекте, издали похожем на чемодан, современнейший морской перевозчик автомобилей, с первого взгляда удаётся только штурманам – помощникам капитана.

Прямоугольник уверенно движется вперёд и вперёд, строго по прямой линии, с настойчивостью и мощью, подобной инерции бегущего носорога. Это заметно даже на громадном расстоянии. И в море, и у пирса он – не просто плавучая посудина. Он – «сложное инженерно-техническое сооружение», стальной гигант, начинённый электроникой, автоматикой, гидравликой и спутниковыми системами. Он – совершенство производственного дизайна и сплошная функциональность. Без малейшего намёка на лирику.

Но те моряки, которые работают на перевозчике автомобилей, те, кто разгоняет его, направляет или останавливает, при необходимости способны подкорректировать и прыть, и самоуверенность гигантского плавучего чемодана. Гигант сбросит ход, оглянется, вовремя уступит дорогу и «снимет шляпу», коротким достойным поклоном приветствуя хрупкий и почти невесомый по сравнению с ним парусник.

Суда разойдутся, и каждое продолжит свой путь. «Ролкер» поспешит к причалу, напряжённо бубня: «время – деньги, время – деньги, время – деньги…», а парусник, слегка накренившись при попутном ветре, сосредоточится на важнейшем для себя кропотливом занятии – прокладывать дорогу в неведомые дали молодым практикантам-морякам.

Проходит некоторое время, зрители покидают мостик, и в рулевой рубке на вахте остаются только помощник капитана и матрос.

Матрос с биноклем. Наблюдение должно вестись постоянно. Причём, как предписывают правила, всеми имеющимися средствами. Техника – техникой, но мало ли что может появиться на воде прямо по курсу. Бывало. И бывало не раз. Обязанность впередсмотрящего – не просто смотреть по сторонам. Это занятие весьма ответственное. Тем более что наше судно, по сравнению с последующими из этой же серии, слегка, можно сказать, подслеповато. И радиолокатор не самый современный, и площадка грузовой мачты при полной загрузке судна ложится перед глазами ровно на линию горизонта, ограничивая обзор. На судах поздней постройки недостаток подправили, приподняв площадку почти на метр, ну а нам такую особенность родного судна приходится и помнить, и, конечно же, учитывать в работе. За внимание и за понимание особенностей характера родное судно ответит благодарностью.

– Справа двадцать встречное судно на горизонте. Похоже, пассажир.

– Хорошо. Пеленг проконтролируй.

– Пеленг увеличивается. Противоположным курсом идёт.

– Есть такое, чисто проходит, – штурман подтверждает информацию, глядя на экран радара. – Проследи за ним. Чтобы без выкрутасов.

– Понял. Следить за встречным.

Конечно, «умные» спутниковые системы контроля за движением судов выдадут нам и курс, и скорость, и название пассажирского лайнера. Электроника на многое способна. Но электроника ни слова вам не скажет ни о характере лайнера, ни о том, что имел в виду штурман, произнося слово «выкрутасы».

К нам приближается многоэтажный дом – круизный лайнер. Правильнее было бы сказать «многопалубный», но как-то язык не поворачивается. Многоэтажный дом – он и на воде многоэтажный дом. Даже если способен двигаться и не тонуть.

Круизный лайнер – щёголь. Щёголь в высшей степени. В его поведении сквозит легкомысленность, необязательность и апломб. Он может начать внезапно «выписывать кренделя», изменять курс, заметив поблизости живописные острова или стадо китов. Он насквозь пропитан настроением тысяч отдыхающих на нём пассажиров. На наше средних размеров ничем не примечательное судно он через лорнетку бросит скучающий взгляд и отведёт глаза. Мы ему не интересны. Может быть, именно поэтому многим морякам транспортных судов не по душе работа на круизных лайнерах. Но пусть лайнер не обижается и не спешит с ответом. И я уверен – в итоге он поймёт нас правильно. Со своим преданным ему экипажем он не в раздоре.

Идут минуты, проходит ещё час, и пассажирский лайнер – «как денди лондонский одет» – остаётся позади за кормой. День близится к вечеру, а время вахты к концу. Вдалеке к востоку виднеется группа мелких рыболовных судёнышек. Потные, облепленные рыбьей чешуёй подёнщики моря, склонившиеся над океанскими грядками, на сегодня заканчивают свой утомительный труд и вскоре отправятся к берегу.

Судов на горизонте, встречных и попутных, становится всё больше и больше. Под флагами десятков стран, похожие и не похожие друг на друга, с экипажами, говорящими на разных языках, с разных направлений и континентов стекаются они, чтобы соединиться в едином потоке в проливе Ла-Манш. Мы движемся туда же. Ещё немного – и по правому борту на экране радара появятся очертания французского острова Уэссан. Тут мы «зацепимся за берег».

Следующим вахтенным на мостике предстоит нелёгкая работа: ночь, высокая плотность движения и притаившиеся мели Гудвин – известные как «пожиратель кораблей». Времени на отвлечённые размышления у них не будет. Поэтому в конце «нашего часа» мы передадим сменщикам сугубо прагматический настрой, обстановку, курс, точку на карте и традиционное пожелание: «Спокойной вахты».

Назаренко Ольга Олеговна. Поэт, прозаик. Творческий псевдоним – Ольга Бакк. Родилась 28.04.1968 года в г. Артёме Приморского края (Российская Федерация). С 1975 года живёт в Николаеве. Окончила физмат Николаевского пединститута, учитель физики и астрономии (1990). Работала в городской СШ № 13, в настоящее время – на кафедре современных языков Национального университета кораблестроения. Имеет персональные страницы на интернет-сайтах: «Стихи.ру», «Проза.ру», «Таспол», «Самиздат», проект «Серебряный вечер». Неоднократный участник и победитель сетературных конкурсов фантастического рассказа. Публиковалась в журналах «Рок-Оракул», «Реальность фантастики» и др. Участник сборников рассказов: «Право на пиво» (АСТ, 2005), «Миколаївське небо» («Зелений пес», 2006). Член ВТС «Конгресс литераторов Украины» (2010).

Ольга БАКК

БРАТ МОЙ

Рассказ

Ночь опустилась в долину. Льды на двуглавой вершине Чёрного Тахая ещё ослепительно сияли на солнце, а долина уже скрылась во тьме. Чёрной рекой темнота поднималась всё выше и выше, пока не затопила ледники. Вот тогда и загорелась над правой вершиной Кровавая звезда.

Шаман сказал: «Время пришло».

Джучи – сын моего отца. Брат от другой матери. Из всех моих единокровных братьев его я любил меньше всего. Никто не знал, откуда появилась его мать. Однажды отец привёл её в дом и назвал пятой женой. Она была маленькая, робкая, с волосами цвета снега, мало говорила и редко поднимала глаза. Отец называл её Ордсун – синеглазка.

Джучи пошёл в род матери – был мал ростом, тонок в кости, молчалив. Он избегал остальных братьев, старался не общаться со мной. Ордсун ушла по чёрным тропам в долины предков, когда Джучи исполнилось тринадцать зим. Отец сказал: «Ёгдун, ты отвечаешь за Джучи». Отцу не перечат.

Я учил младшего брата ходить по горным тропам, чуять следы зверей, избегать ночных теней и слушать ветер. Брат смотрел на меня прозрачно-голубыми, как ледниковое озеро, глазами, и я чувствовал, что мои слова проходят сквозь него, а знания не задерживаются в его голове. Мать обучила его грамоте. Джучи предпочитал сидеть у озера с книгой, вместо того, чтобы идти с братьями на охоту. Но отец сказал: «Не тронь. Пусть сидит». Отец жалел его. Привозил ему из далёких городов книги, а однажды привёз книгу с чистыми листами.

В ту ночь отец собрал всех моих братьев около костра. Шаман Хутухту долго разговаривал с Предками, Небом, Горами. Потом сказал отцу: «Говори. Они разрешают».

Отец сказал: «Мир вокруг нас не прост. То, что вы видите, – совсем не то, что есть на самом деле. Горы – держат небо. Земля – держит горы. Над всем этим, под всем и внутри всего – живут боги. Боги костров – дарят нам тепло, боги зверей – дают нам пищу, боги долин – разрешают нам жить на их земле. Это нужно помнить. За это нужно платить. Боги требуют дань. Они зажгли Кровавую звезду».

Мы молчали. Костёр взметнулся до чёрных небес, выстрелив сноп искр, их унёс внезапно налетевший ветер.

Отец сказал: «Семь раз по семь зим назад семь сыновей из семи долин ушли к Кровавой звезде. Вернулся один – мой отец, ваш дед. Он принёс благословение богов и стал Дэнгиром семи долин. Теперь пришёл ваш черёд. Пойдут самые достойные сыновья. По одному от каждой долины».

Мы молчали, и только Джучи глубоко вздохнул. Костёр последний раз взметнулся и в один миг погас, как умер. Мы с братьями сидели в темноте, глядя на угли цвета кровавой звезды. Все знали, кто в нашем роду самый достойный. Я – первый сын от первой жены. Ёгдун из рода Угэдэков. И я не подведу.

На пятый день Кровавой звезды мы вышли из города. Семь сыновей из шести долин. Род Нарузов не смог дать сына, у них были одни дочери. Дэнгир сказал: «Пойдёт Джучи. Он из Нарузов». Дэнгир семи долин всегда прав.

Кроме припасов и воды, каждому вручили особый груз – дань богам. Юсугид из рода Джанисов нёс шёлк, белый, как снег, и лёгкий, как пух. У Баргута из рода Шунабидов в заплечном мешке лежало золото, по крупицам собранное по берегам горных рек. Хейду из Найгыров нёс бурдюк с чёрной кровью земли. Гоюнаю из рода Ашанов поручили белый мёд, который был слаще мечты и дороже золота. Кистан, гордость рода Джамшатов, отвечал за бурдюк с самым лучшим вином на нашей земле – алым, как кровь, терпким, как обида, и крепким, как мужская дружба. Мне Дэнгир доверил слёзы гор – драгоценные камни, ослепительно сияющие на солнце и горящие во тьме неугасимым пламенем. У Джучи из рода Угэдэков и наследника Нарузов на шее висела фляга с чернилами, а в заплечном мешке лежал кинжал деда.

«Не ступайте по краю. Не слушайте духов. Не ходите на танцующие огни!» – сказал шаман.

«Вы должны дойти до вершины и донести наши дары!» – сказал всем Дэнгир.

«Береги брата...» – сказал на прощанье отец.

Слово отца – закон.

Я любил горы. Умел находить нужные тропы, договаривался с духами снегов, слушать голоса камней и шёпот ручьев. За это горы любили меня. Горы, раскинувшиеся вокруг наших долин.

День за днём мы взбирались всё выше. Я перестал слышать камни, ручьи говорили на непонятном мне языке. Духи ущелий выли по ночам. Каждый вечер на привале Джучи доставал перо, снимал с шеи флягу с чернилами и писал в своей книге.

– Что ты пишешь? – спросил я на третьем привале.

– Записываю всё, что случилось с нами, – ответил брат.

– Зачем?

– Люди должны знать, как это было.

«Ты надеешься, что кто-то из нас вернёт её в долину?» – подумал я, а вслух сказал:

– Мы вернёмся, и ты сам расскажешь.

Младший брат посмотрел на меня так, что я впервые увидел в нём сына нашего отца, и сказал:

– А если будет некому рассказать?

Я понял – младший брат мне не верит.

На седьмой день горы обрушили на нас метель. Ветер ревел, заглушая голоса, рвал одежду, выдувая остатки тепла. Снег бил в лицо, как плеть, жалил, как дикие осы, забивался в глаза, в нос, рот, не давая вздохнуть. В окружающей белой мгле я скорее почувствовал пещеру, чем увидел чёрный провал. Мы ввалились в неё, как стая снежных медведей, распугав ледяных лисиц, метнувшихся во все стороны.

Мы упали на пол и долго не могли отдышаться, согреться, прийти в себя. Духи снегов выли и бесновались за порогом. Темноту пещеры лишь немного рассеивал отсвет пурги. Поэтому я не сразу заметил, что кого-то не хватает.

«Джучи? Баргут? Хейду? Гоюнай? Кистан? Юсугид?»

– Юсугид!

– Не кричи, – сказал младший брат, подходя и кладя руку мне на плечо. – Он не услышит тебя.

Мы стояли и смотрели на белую стену, закрывавшую выход из пещеры. Духи выли всё тише и тише. Снег из жалящей плети превратился в мягкий белый пух. Огромные хлопья мягко кружились, залетали в пещеру и ложились на камни белоснежным шёлковым ковром.

«Боги приняли дань...» – понял я.

Холод. Он шёл вместе с нами. Дед говорил: «Ты не замёрзнешь, если впустишь холод в сердце. Станешь с ним одним целым...»

Он знал, о чём говорил. Дед дважды прошёл этот путь: к вершине и обратно. Но как впустить холод в себя? Всё тело мелко дрожит. Зубы стучат. У меня болят челюсти, так сильно я их стискиваю, чтобы унять стук. Я оглядываюсь на Джучи. Он бредёт след в след, нос спрятан в воротнике. Но даже сквозь меховую накидку я вижу, как его трясёт от холода. Я крепче стискиваю зубы.

– Как ты, брат?

Джучи едва поднимает на меня глаза, тут же опускает их и неразборчиво бурчит. Но я успеваю увидеть его слёзы.

– Держись! – говорю я брату. – Скоро привал. Разведём костер, согреемся, поедим.

Джучи идёт всё медленнее, и я замедляю шаги, чтобы идти вровень с ним, поддержать его, если упадёт.

Рухнувшая впереди скала обдаёт нас золотистой крошкой. Мы, застыв на краю обрыва, поражённо смотрим, как падают в пропасть огромные камни, потом шуршат мелкие, следом срываются пласты снега с соседних склонов. Постепенно осыпь останавливается.

«Баргут...»

Мгновение назад он обогнал нас и провалился в ущелье вместе со скалой.

Мы долго стоим, не в силах уйти, и смотрим, смотрим вниз. Резкий ветер выбивает слёзы, но даже сквозь них я вижу, как на дне ущелья блестит золото.

«Боги приняли дань...»

На привале мы молча греемся у костра, сидя так близко к огню, что одежда начинает дымиться. Обжигаясь, жадно едим мясо. Нам, уставшим, еле передвигающим ноги, Боги гор, довольные полученным подарком, послали жирного козла. Он просто пришёл и лёг у моих ног, подставив шею под нож. Я, не глядя ему в глаза, смиренно попросил у него прощения. Я понимал, что значит отдать жизнь по воле Богов. Надеюсь, дух этого козла скачет по чёрным тропам долин предков, радуясь вечной свободе. Когда мы встретимся там, я ещё раз попрошу у него прошения.

Хейду, Гоюнай, Кистан спят. Джучи упрямо пишет в книге. Где только силы взял? Отогрев флягу с чернилами у костра, он скрипит пером, сидя ко мне спиной. Но я намного выше брата и поэтому, глянув ему через плечо, вижу, как на корявые строки падают капли, расплываясь чёрными кляксами.

За границей вечных снегов на десятый день нас накрыло бураном. Пещера, в которой мы спрятались, оказалась логовом снежного медведя.

Белый мёд. Гоюнай.

«Боги приняли...»

Кистана забрала горная река, и её воды окрасило вино, красное, как кровь, и горькое, как печаль.

Алая кровь Хейду смешалась с чёрной кровью земли, когда мы ступили на ледник, и он ушёл у нас из-под ног, расколовшись на тысячи льдин. Мы с Джучи остались на огромной глыбе, а Хейду размололо ледяными жерновами.

«...дань...»

Уже давно мы шли вдвоём. Потеряли счёт привалам. Джучи бледнел, делаясь тоньше день ото дня. Его глаза стали прозрачнее родниковой воды. Временами мне казалось, что рядом бредёт не брат, а ойгун – ледяной призрак. Его волосы и раньше были намного светлее моих, а теперь сравнялись по цвету с вечными снегами, искрясь на солнце подобно льду.

– Ты слышишь их? – спросил однажды брат.

Мы сидели в пещере у костра. В котелке таял снег, на горячих камнях сушились мокрые лепёшки. Еды оставалось мало. Дичи на такой высоте почти не было. Джучи писал в книге, но вдруг поднял голову и спросил:

– Ты слышишь?..

Я оглянулся. Прислушался. Никого. Ничего. Духи пещер, духи земли, духи костра – давно перестали со мной говорить. Лишь снаружи воет ветер.

– Кого?

– Ты слепой, если не видишь! Ты глухой, если не слышишь! – закричал Джучи. – Юсугид! Кистан! Баргут! Хейду! Гоюнай! Вот же они! Рядом! Вот здесь! Они говорят со мной!

Я не поверил брату. Даже шаманы не видят ушедших. Я подумал, что Боги гор сжалились над братом и отобрали разум.

Он вскочил. Белее снега, дышащий инеем, он стоял посреди пещеры, шатаясь из стороны в сторону, как молодое дерево на краю пропасти. Огонь отражался в его глазах, будто в воде.

– Либо ты шаман, брат мой, и говоришь с духами ушедших по чёрным тропам предков, либо ты просто устал, – ответил я брату.

– Ты не веришь мне! – закричал мой брат и упал рыдая.

Я поднял его. Обнял. Крепко прижал к себе. Впервые в жизни.

– Не плачь, брат мой! Я с тобой. И мы дойдём до Кровавой звезды. Вдвоём. И вернёмся домой. Вдвоём. И расскажем о великих героях семи долин. Нет. Мы не расскажем. Мы прочитаем всем твою книгу! – шептал я брату, гладя его по голове.

Я видел – так делала его мать. Давным-давно.

– Обещаешь? – спросил Джучи, затихая у меня на груди.

– Я обещал отцу заботиться о тебе. Значит, я приведу тебя обратно.

Брату не врут.

Кровавая звезда становилась всё больше, озаряя ночную тьму и наполняя горы алыми огнями. Они плясали на скалах, скользили по стенам ущелий, отражались в воде горных рек. Мне стало казаться, что это и не звезда вовсе, а огромный костёр, который Боги развели на правой вершине Чёрного Тахая.

Горы выли и стонали по ночам, шептали на непонятном мне языке. Звали танцующими огнями.

«Не ходите на танцующие огни», – сказал шаман. И мы шли мимо них.

Ледяные девы манили в пропасти. Их холодные губы обещали неведомые ласки. Я не верил им. Джучи не видел их, не слышал. Мы обходили пропасти, карабкаясь по тонким карнизам, перебирались по каменным мостам через ущелья и шли, шли...

«Юсугид сказал мне, что ледяным девам верить нельзя», – прочитал я в тетради брата, когда Джучи спал около костра.

Мой брат видел дев. Слышал.

Мой брат теряет разум, живым уходя чёрными тропами предков.

В одну из ночей, когда мы спали, горы пустились в пляс. Свод пещеры обрушился на нас. Я даже не успел проснуться, просто провалился в глубокую черноту.

Когда я открыл глаза, вершины позолотило солнце. Я лежал на меховой накидке брата, расстеленной на снегу. Рядом сидел Джучи.

Я сказал:

– Ты спас меня!

Брат долго молчал, потом ответил:

– Это не я...

Я приподнялся и бессильно упал. Тело болело, горело как в огне, казалось, что сломана каждая кость.

– Говори.

– Ты не поверишь, – сказал брат. – Нас спасли Баргут и Гоюнай.

– Их больше нет в этом мире!

– Я знал, что ты не поверишь, – спокойно ответил Джучи. – Но правда не становится ложью, если в неё не верят.

Так говорил наш отец.

Джучи потерял рукавицы, я отдал ему свои. Мои руки опухли, растрескались. Когда мы карабкались вверх, на камнях оставались кровавые следы. Брат, увидев это, отрезал от своей накидки две длинные меховые полосы и молча перевязал мне ладони.

Дышать становилось тяжелее, часто кружилась голова. Шла носом кровь. Мы были близки к вершинам. Болели израненные ноги, словно их грызли ледяные лисицы, с каждым шагом вонзая зубы

всё глубже. Я всё чаще шёл по следам брата, прокладывавшего путь в вечных снегах.

Он перестал плакать на привалах. Его скулы заострились, глаза запали в глазницы, словно прячась от холода. Ресницы стали белыми, как иней на траве. Губы вытянулись в тонкую упрямую линию. Он даже снимал шапку, будто ему было жарко в этом лютом холоде, и его волосы развевались на ветру, переплетаясь со снегом так, что не было видно, где кончаются волосы и начинается вьюга.

Каменный мост рассыпался под ногами, когда до конца оставалось два шага. Я лишь успел изо всех сил пихнуть брата в спину, выталкивая вперёд, а сам рухнул в пропасть. В то последнее мгновение я понял, что неся слёзы гор, я был...

«...дань...»

«Брат мой...» – прошептал Джучи.

Он поднял голову к небу. Я видел – по его щекам катятся слёзы, застывая ледяными дорожками. С этой стороны мира его глаза казались чёрными, как вершины гор. Потом он отвернулся от пропасти и пошёл дальше.

Мы стояли и смотрели ему вслед. Шестеро.

«Ты дойдёшь, брат мой!

Я протяну тебе руку, когда ты упадёшь и не сможешь больше встать.

Кистан остановит реки.

Юсугид успокоит снега.

Баргут переведёт через ущелья и будет держать каменные мосты.

Гоюнай не пустит к тебе зверей.

Хейду успокоит ледники.

Мы, новые Дэнгиры Чёрного Тахая, поможем дойти нашему брату до Кровавой звезды – костра, который разожгли прежние, уходя в Небеса.

Ты замкнёшь цепь жизни, дойдя до вершины и, возвращаясь назад, с каждым шагом начнёшь ковать новую.

Ты вернёшься.

Прочтёшь людям книгу.

И станешь равным среди нас – Дэнгиром семи долин...»

«Горы держат небо, земля держит горы, а над всем этим, под всем и внутри всего – живые души. Мир держат Дэнгиры.

Они не боги – они наши братья. И мы равны им, и они равны нам. Мы должны помнить. Мы должны знать их имена:

Юсугид Джанис – Дэнгир снегов и буранов.

Баргут Шунабид – Дэнгир ущелий и камней.

Гоюнай Ашан – Дэнгир пещер и зверей.

Кистан Джамшат – Дэнгир горных рек.

Хейду Найгыр – Дэнгир горных льдов.

Ёсугид Угэдэк – Дэнгир горных вершин.

Джучи Угэдэк Наруз – Дэнгир семи долин.

Придёт время, и над вершинами Чёрного Тахая снова загорится Кровавая звезда. И семь сыновей семи долин отправятся навстречу судьбе, чтобы снова замкнуть цепь жизни...»

Книга гор и долин

«Не страшно отдать свою жизнь. Страшно возвращаться одному...»

Джучи Угэдэк

«Я люблю тебя, младший брат...»

Юлия Шокол. Родилась 25 августа 1997 года в Николаеве. Студентка 4-го курса ЧНУ им. Петра Могилы, факультет иностранной филологии. Публикации: альманах «Провинция у моря» (2015); журналы «Соборная улица» (Николаев) и «Южное сияние» (Одесса). Творчество представлено на сайтах: «Стихи.Ру», «Самиздат». Финалист поэтического фестиваля «Провинция у моря» (Одесса – Ильичёвск, 2015). Лауреат «Чемпионата Балтии по русской поэзии» (2016). Лауреат V международного поэтического конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского (2017).

Юлия ШОКОЛ

НЕЗАЖИВАЮЩИЙ МОТИВ

КАМЕНЬ

смотришь в небо и видишь – небо.
небо смотрит – и не вздохнуть,
будто старец бросает невод
в неизведанную глубь.

ничего нет непоправимей,
чем свобода, и вот уже
я твоё называю имя,
как одну из своих вещей,

как бездушное, неживое.
я сама только эхо от
тишины, что идёт за воем,
если кто-нибудь вдруг умрёт.

вот живешь себе, вертикален,
умещаясь в горизонталь.
небо-небо, я камень-камень.
не жалей меня.
просто жаль.

НАИЗНАНКУ

подуй на время как на ранку
а вдруг возьмёт и заживёт?
стоишь под солнцем наизнанку
живёшь в себе наоборот

зачем-то здесь произрастаешь
воображаешь облака
то молодой то снова старый
и всё ж бессмысленный пока

солёным воздухом напоен
ты тишину берёшь на понт
эвксинский
скажут
бог с тобою
а после смотрят
правда – бог

БЫЛ ЛИ МЯЧИК

о потерянном не плачут,
потерявшись, не ревут.
я не помню, был ли мячик,
я не знаю, был ли мальчик,
или только быть ему?

кто мне скажет, я была ли,
если всё ещё чека
паутинная цела, и
невесомо жизнь летает,
одуванчиковая?

тёплым длинным дын-дын-дынным
по рукам и до локтей
протечёт и станет дымом –
всеединым, неделимым,
горьким дымом по тебе.

СЛУЧИЛСЯ СНЕГ

случился снег.
все лучшее случается
легко и просто, будто на лету.
стоишь в начале снега, и молчание
болит, как воспалённое манту.

что рассказать об этой белой-с-нежности,
какой язык о ней изобрести?
пыльца, мука... вот видишь, я по-прежнему
не знаю, что вписать в её листы.

могу стоять, кружением пронизана –
не точка в окончании строки,
но запятая, перепутав низ и верх,
где снег – лишь продолжение руки.

ОДИССЕЯ

не о тебе, не вскользь, не говорю,
но о тебе навеки существую,
положишь ли на веки мне зарю,
вольёшь ли в уши музыку живую.

и смех от смерти отличать не смея,
смещаю тело вдоль календаря,
где время – лишь минутное сомнение
в бессмертии.

иначе говоря,
в самом себе, и в том продолговатом,
качающемся ритме парусов,
идущих до итаки, сквозь итаку,
от тишины до самых первых слов.

* * *

вот вырывается дыхание
искристым, светло-золотым,
ещё не знающим заранее,
что вскоре будет заарканено
чужим, который – не сокамерник,
но растворен в нас, как латынь
растворена в иных наречиях,
не быль, не боль, не парафраз,
аллюзия – туман над речкою,
вода, лишенная конечностей...
и поиграть в гляделки с вечностью
не хватит глаз.

RESURRECTION

кто видел, кто запомнил – не трава ли –
как дождь тебя насквозь проговорил.
что от тебя в тебе же оставалось,
какой незаживающий мотив?

всё потому, что музыка и рана
имеют свойство ныть по вечерам.
и если жизнь тебя не отыграла,
то вроде бы и нечего терять.

но вот молчится и болит всё реже,
в земную суть врастаешь наперёд.
а дождь летит – и по живому режет.
и кровь идёт,
и жизнь в тебе идёт.

* * *

переросший и жизнь, и другое,
я стою и не чую земли.
эта песня поётся не горлом,
а всем телом.
послушай,
замри...

воркованием перепелиным
эта нежность в меня истекла.
«что в тебе, говорящая глина,
от его оставалось тепла?

ты ли знаешь, стократно воскресший,
как дыхание в лёгких поёт?»
я лишь знаю цветенье черешни,
да пусть светится имя её.

ГОЛОСА

остаёмся зимовать и черешневеть,
и растить в себе маленькую несмерть
из прошедшего, смолистого, виноватого.
страшно жизнь прожить,
а страшно ли
умирать её?

голоса их тонкокостные обниму
каждым корнем, убаюкивая во тьму.
был еврей, коммунист, махновец... а человек
стал потом, разломив по-братски недолгий век.

каждой косточкой они плачутся, говорят:
«да шрапнелью в живот... меня зацепил снаряд...
как земля забивалась в обезвоженный рот...
а соседка баяла – митюшку заберёт...»

до чего же горька древесная плоть моя,
знаю только я да, быть может, сын плотника.
до чего же кислы плоды мои, знает лишь
мать сыра земля.
ими жажды не утолишь.

но пока светит солнце, я буду в себе беречь
невозможную память
и мёртвых
живую речь.

* * *

кем ты будешь после смерти, дерево?
проводник меж светом и землёй.
если связь со временем потеряна –
и вот-вот нас памятью зальёт,
будто сверху не гагарин прячется,
а сосед со ржавою трубой.
всё оплакано уже, оплачено
кем-то, кто случается тобой
этим утром /ты потом отдашь его,
как и всё, и всех – по номеркам/
только речь внутри – прямоходящая
с кистепёрой запятой.
пока,
дерево, сыгравшее не в ящик, но
во скворечник, чем плоха игра?
боже мой, смотри, я настоящая –
в завтра говорящее вчера.

ОЙКУМЕННОЕ

вот бабушка и маленькая я,
и мир вокруг кружится
насекомо,
гудит, звенит.
цветочная кайма
обшила, как рушник, дорожку к
дому,

где свет от лампы густ и
медовит,
и я плыву в нём, раздувая жабры.
и кто б меня спросил,
что я за вид,
набор геном, смешная
крокозябра,

на языке
держащая весь мир.
впервые называя эту данность,
я ощущаю,
как во мне звенит
огромная слепая
благодарность.

* * *

так мандельштамен воздух, так
дорога
по-пастернаковски переплелась –
скрещенье судеб на руке у бога,
и неисповедима эта связь
подстрочника и подлинника, слова
с изнанкой звука, терпкой и живой,
где жизнь всегда растёт на грани
слома,
как семечка, попавшая в живот,
пуская корни в детство, через
детство
в сожжённый сад, который пали/сад,
где после изумительного действа
всю плоть, как антураж, придётся
сдать.
где тишина растёт без гмо, но
во всем, где ева яблочную суть
почуяла, где нас ещё изгонят
и этим, может быть, спасут.

Куцолабський Артем Вікторович. Народився 6 вересня 1983 року в місті Павлодар (республіка Казахстан). Із 1985 року (з перервами) мешкає у Миколаєві. Закінчив Одеський національний університет ім. Мечникова. Працює журналістом. Кілька років належав до об'єднання «Літера Н». Учасник фестивалю «Спаський трамвай», конкурсу відеопоезії «CYCLOP». Автор поетичної книги «Еволюція» (2016). Пише російською та українською мовами.

Артем КУЦОЛАБСЬКИЙ

ТІЛЬКИ НЕ ЗГАСНИ

* * *

Цю ніч ти проведеш у Данії.
А тут вітри гуляли б у твоєму волоссі.
Колись воно було довгим,
як нескінченний авангардистський фільм
з безліччю нюансів,
вивчити які забракло б цілого життя.
Я сьогодні приходив на твою могилу,
аби покласти квіти і вижити,
але вона знову виявилась, що пуста.
Тепер я знаю, що твій привид
блукає маленькими датськими селами,
робить чекпойнти, публікує фото у соцмережах,
щасливо всміхається,
розчиняючись у зовсім близькому північному сяйві,
гублячись у хвилях підступної пам'яті,
залишаючи сліди, яких неможливо уникнути
у цьому, здавалося б, великому світі.

(27/09/2016)

* * *

не втрачай рівноваги, забудь про утому.
ти не знаєш, чому спогади завжди сильніші за правду.
і зійдемось на тому, що ти звір невиправний,
ідеальний, безгрішний. відпускаєш всі човни,
підриваєш состави, ти наче номер один,
на який кожен поставив б. ти повний місяць
покори, валюта небесного царства.
я з тобою хотів би вмирать, поки ми не воскреснем,
малювати тебе невидимим маслом,
бути першим, кого ти зустрінеш на марсі.
тільки не згасни, чудесна, не згасни.

(31/12/2016)

* * *

коли знáйдеться час і згадаєш свободу
йти і летіти, любити і гріти,
щоби вогнем від долонь перемогти анаконду
ночей і речей, що спроможні лиш вбити,
так і роби. і не слухай порожніх.
не озирайся, не кайся – забудь про нещастя.
співай пісню до ночі цю вовчу
кожній жінці, яка схопить за шию
й опиниться в пастці.
в кожній реальності. у кожній казці.

(31/01/2017)

* * *

не наважувався писати тобі
довгі роки черг, сновидінь, перепусток.
дощенту спалив вогнетривкі крихти-спогади.
зрозумів, що забути все –
це не забути нічого.
на глибині перших днів ще лишається світло.
я не наближусь до нього,
не робитиму й спроби –
і врятую його, подовжу, примножу.
місто огорне мене –
вродливе, потворне, кохане.
вдень і вночі – неповторне, однакове.
життя без змін, не звикну ніяк
до монотонності хаосу
існування без твоїх очей тайного
материка, айсберга.
ніяк не побачу і не збагну,
чому у рівнянні має бути одна тільки відповідь,
коли їх безкінечність засліплює?
чому я маю заснути назавжди,
коли треба одну лише ніч цю протриматись?

(12/05/2017)

* * *

вона довго не дихала.
очі заплющені, серце зупинене.
наче ще тут, але більше – вже там.
пустеля мрій її тихая
лежить попід місяцем
виснажена
та й каже вітрам,
щоб забиралися,
бо не бути вже снам.
…не бути вже снам.

«так смерті здавалась я,
і всього всесвіту черепахам
й китам», –

вимовила… і поплила
по світам.

(18/07/2017)

* * *

там тихе світло той огортає острів.
помилки зроблені, їх вистачить на день,
або кілька годин.
і пролунає постріл,
який не влучить.

життя триватиме, а смерть – піде.
і вляжеться у ніг
людини, яка зосталась вірною,
не дивлячись на дивний перебіг
подій
і ту іронію,
яка здавалася надмірною
торік.

(19/08/2017)

* * *

Таке дивне сполучення,
яке трапляється раз у житті.
Дощ лив,
змиваючи обличчя і клятви,
і всі були змучені,
але все ж чекали
на дальні вогні,
що здавались вже міфом,
як потойбічний світ,
у вітру витті.
Чекання потребувало віри,
завбільшки за похмурий вокзал,
що завмер наче передовий загін,
якому завтра на схід.
Наша планета не зупинялась
ані на мить.
А може, зупинялась,
а нам розказати про те ніхто не зумів:
як став лід,
як принц-осінь
в її серце лезо встромив.

(03/09/2017)

* * *

місто, як сплячий звір невідомого виду,
лежить перед тобою і дихає просто.
ти не знаєш, чи любиш його,
чи вб'єш із інстинкту
звичайного захисту.
нічого не ясно і досі:
чому в нього такі неземні небеса
і хвора душа, що як хвіст
за ним волочиться всюди.
і ніхто не переможе його –
разом з ним усі сплять,
або галюцинують
в його неповторно
повільному
темпі.

(25/09/2017)

* * *

твій вираз обличчя –
незабутній,
повторний,
у країні, де смуток
завжди більший,
змістовний.
твоя ласка
і чемність –
наче марення знову.
не зумів зупинити
розпочату розмову.
твій урок, твоя школа.
у польоті хвилини.
є у цьому щось
справді комічне:
коли час уже сплинув,
я завжди налаштован
на тотальне і вічне.

(15/10/2017)

* * *

Перечекай цю повінь, пустоту.
Незримий плід твоїх вагань
В траву впаде, в просту
Хвилину тихих днів, що мчать
Шалено швидко, наче пил стають,
Ідуть повільно, наче сплять,
Приховуючи любов і лють.

Усе єдине і одне – і все це ти.
Незрима повінь – власне, перетин,
В якому ти збуваєшся, стаєш
Собою справжнім назавжди.

Перечекай.
І руш.
Перечекай.
Не йди.

(09/05/2017)

Грачёва Татьяна Юрьевна. Прозаик, журналист. Родилась 21 ноября 1985 года в г. Верхоянске, Якутия (Российская Федерация). Мастер спорта по художественной гимнастике. Окончила Николаевский межрегиональный университет «Украина». Автор прозаических книг: «Школа туманов» (Киев, 2007), «Ероль на каникулах» (Киев, 2010). Член ВТС «Конгресс литераторов Украины».

Таня ГРАЧЁВА

ЗОЛОТЫЕ КОРОНКИ

Короткая проза

Ужасно знакомое лицо

Могилу своей жены Миша посещал исключительно в день их знакомства – 9 июня. Он надевал самую чистую свою рубашку, складывал чуб гармошкой, вырывал из носа самые длинные волоски, гладил штаны, заходил по дороге за сладостями и отправлялся на кладбище завидным таким женихом. Только на этот раз жена Миши – Антонина – встретила его ласковой потусторонней улыбкой, прорывающейся совсем не из надгробного портрета.

Антонина сидела за поминальным столиком в молодом своём платье и щёлкала семечки, щурясь от язвительного летнего солнца.

– Я думала, ты уже и не придёшь, – сказала она, когда Миша, подогнув коленки, подошёл поближе.

– Антонина? Это что, ты?

– А что, я так сильно изменилась? – поправляя на груди яркий красный шарф, спросила жена.

– Нет, ты точно такая же, как была в нашу последнюю встречу, – ответил Миша и, не имея больше сил качаться на полусогнутых, шлёпнулся на лавочку.

Антонина довольно улыбнулась. Видно было, слова мужа даже после смерти казались ей словами авторитетными. Она достала из сумочки ещё одну жменю семечек, высыпала её на облущенный стол и подвинула к Мише.

– Они немного в земле, но ты обдувай, обдувай, – посоветовала Антонина.

Миша, чтоб не показаться брезгливым жене, постарался не выказать смущение и деликатно принялся отделять шелуху от бубочек с помощью больших и указательных пальцев.

– А ты как, Антонина, навсегда к нам или на время? Я чего спрашиваю, просто... как тебе это сказать… короче говоря, когда я вещи твои относил Катерине, соседке с пятой квартиры, ну ты знаешь, так принято, чтоб вещи покойника раздавались, так она при мне прямо разделась вся, надела твоё платье, то, с оборкой, польское, и говорит: «Смотри, Миша, как на меня шито, кра-со-та! Кра-со-та!» И действительно, я смотрю на неё, а у неё фигура точь-в-точь как у тебя, аж как-то страшно. Ну, в общем, мы теперь вместе живём. Хотя ты, наверное, знаешь… – неловко пробормотал Миша.

– Та хер с той Катериной, я тебя умоляю. Ты что думаешь, я там, на том свете, в парандже хожу? Я вообще не по этому поводу сейчас, – развеяла переживания Миши Антонина. Она нагнулась к ногам и, задрав подол юбки, обнажила на пухлой ляжке маленькую татуировку в виде лица. Причём лица какого-то очень знакомого актёра. – Миш, ты помнишь, кто это? И когда это я такое вообще набивала?

Миша внимательно посмотрел на татуировку, потом поднял глаза в небо и начал вспоминать. Это было действительно очень знакомое лицо. Возможно, из сериала, возможно, из блокбастера, только мысли Миши до того были перемешаны, что он никак не мог настроить программу, отвечающую за режим памяти.

– Очень знакомое лицо… Но я не могу вспомнить, кто это. Странно как-то, я никогда её у тебя не видел.

– А ты лучше скажи мне, когда ты при жизни меня последний раз без гамаш видел? Отож! – весело заметила Антонина, подмигнув чёрным глазом, утопающим в ярко-синих тенях погребального макияжа.

Миша неловко улыбнулся и легонько перевёл взгляд на надгробную плиту Антонины, на которой вместо портрета жены временно было приклеено маленькое пыльное зеркальце.

– Там-пам-пам… Пам-пам-пам, – напевал Миша, не зная, о чём говорить дальше.

– Ну ладно, раз ты не помнишь, я тогда пошла обратно. Просто мы с девочками вчера сидели, всю ночь не могли вспомнить, что это за актёр. Я думала, может, ты помнишь… Я у татуировщика тоже бы спросила, но не помню, у кого я это лицо набивала. Наверное, по пьяни… Так что – давай! Не хворай, Миш. И, кстати, чего ты мои те золотые коронки хранишь? Пойди сдай и купи Катерине своей новый диван. Как-то неудобно, что вы спите на том, на котором я того-этого. Ну, давай, целуй меня по традиции, да я пойду уже.

Миша встал из-за стола, подошёл к жене, аккуратно поцеловал её в холодный лоб и, чтоб не смущать её уход своим присутствием, молча повернулся и направился к выходу. Погода стояла такая жаркая, что сладости в его пакете растаяли, образовав удивительную, необъяснимую субстанцию, которую даже как-то неудобно было показывать живым людям.

А лично я всегда говорю своим девочкам: прежде чем делать татуировку, – убедись, что ты трезвая.

Богиня

Всё-таки у нас на юге земля исключительная. Есть в ней что-то наукой не уточняемое, что-то до ужаса аппетитное. Хоть бери и посыпай ею праздничный пирог да успевай записывать истории, случившиеся на её просторах.

О том, что Вера Борисовна Тырло на самом деле потомственная древнегреческая богиня, она узнала, когда, выкапывая молодую картошку на своём участке, наткнулась лопатой на странную штуковину, всем своим видом напоминающую головной убор, который некогда носили древние греки. Сперва она подумала, что это деталь от плафона или ещё чего, но как только приложила находку к голове, её огород затрясся, чёрные тучи затопили небо и страшная золотая молния заметалась, словно сорвавшаяся с цепи сука. Вера Борисовна хотела спрятаться под абрикосами, но начался такой сильный ветер, что она никак не могла сойти с места. И когда ветер сорвал с неё весь дачный костюм, оставив на талии лишь резинку от трусов, в небе послышался громкий могучий голос:

– Здравствуй, Верочка, дорогуша!

– Привет, – испуганно ответила Вера Борисовна, рассматривая густое небо.

– Ты догадываешься, кто я такой? – спросил громогласный.

– Чудовище из Аленького цветочка? – поджавши плечи к ушам, чтоб спасти клипсы, спросила Вера Борисовна.

– Верочка, дорогая, красавицы в твоём роду перевелись уже восемьдесят поколений назад.

– Тогда я сдаюсь, – растерялась Вера Борисовна.

– Богиня никогда не сдаётся, Вера. Привыкай к этому и не позорь давние семейные традиции! Приведи себя в форму, обнови гардероб, в общем, подсуетись и начни уже наконец-то действовать! Увидимся в следующем тысячелетии, – сказал голос, и тучи начали разлетаться в разные стороны, освобождая синее, как новое ведро Веры Борисовны, небо.

– Богиня? Ну-ка, подождите, вы же не сказали, богиня какого такого направления, какой такой специфики? Любви или урожая? А может, вообще – красоты? – заволновалась Вера Борисовна, бегая от бурячков к капусте.

– Да это не так уже и важно. Сейчас даже у нас никто не работает по специальности, все, кто расторопней, все переходят на IT, – пояснил голос и тотчас же сник.

С тех пор жизнь Веры Борисовны очень переменилась. Быть богиней оказалось ей очень даже приятно и во многом удобно. Например, нужно ей к кассиру, а в банке очередь. Вера Борисовна свою корону надевает – и гордо напролом к окошку. Коли пытается её кто остановить, Вера Борисовна поворачивается и отвечает: ты что, козёл, не видишь, что я богиня? Или спрашивает у неё председатель жилкопа, почему это она за побелку столбов не рассчиталась. А она ему: побойся олимпийского проклятья, примат!

Только очень жаль, что в Веру Борисовну никто так и не поверил, никто ей не молился, не говоря уже про жертвоприношения. А так как Вера Борисовна была не из тех богинь, которые добрые дела просто так делают, чудес в её районе так никто и не видал.

К чему я вообще рассказала эту историю? К тому, что в наших людей нужно верить чаще, и тогда они действительно будут показывать результаты! А не критиковать их за то, что Олимп провозгласил их не такими, как все.

Последний вечер весны

– Геннадий Андреевич, а зачем это вы надели на себя такое красивое платье? – смущённо спросила Галина, наткнувшись на Геннадия Андреевича на лестничной клетке.

– Стало быть, если бы я надел некрасивое платье, вы удивились бы меньше?

– Нет, не меньше… Просто это так неожиданно. Живёшь с человеком в одном подъезде 40 лет, считаешь его обыкновенным себе инженеришкой, а потом вдруг встречаешь его в таком красивом красном платье… – пояснила Галина и, чтоб не смущать соседа, принялась ковыряться ключом в замочной скважине.

– Честно говоря, я и сам не думал, что мне так пойдёт это платье. Я вообще, чтоб вы понимали, платья никогда не носил раньше, а вчера шёл по рынку и вдруг вижу – висит, трепещет… Вот, думаю, была бы у меня красивая жена или любовница, я бы обязательно это платье купил. Стою, смотрю на него – а потом не выдержал!.. Скажите, почему свободный человек, пятьдесят лет проработавший на государство, не может позволить себе хоть раз в жизни красивое красное платье?

– Да вы не оправдывайтесь, Геннадий Андреевич, мало ли какие у кого прибамбасы, – продолжала стараться не смущать соседа Галина.

– Это вы верно заметили, Галина. Главное – этих прибамбасов не стесняться. Вот раз мы с вами уже вышли на такой разговор, расскажите, а какие прибамбасы есть у вас?

– У меня?.. У меня, например, есть дома шляпа, такая интересная шляпа с вихрем. Мне кажется, она очень бы вам подошла. Мне её подруга из Риги привезла, но вы же видите, какое у меня неинтеллигентное лицо. В этой шляпе я словно корова в седле. Хотите, я вам её подарю?

– Хочу, – заулыбался Геннадий Андреевич. – Только сперва ответьте мне: какие же такие прибамбасы имеются конкретно у вас? Я же вижу, вы что-то спрятали там у себя в душе.

– Ну, уж если вы ставите вопрос таким ребром, то я, конечно, отвечу. Геннадий Андреевич, я – потомственная номерная ведьма, мне не 55 лет, а целых 455, – резко ответила Галина, повернувшись лицом к соседу, и он увидел, как в её огромных зелёных глазах вспыхнули маленькие золотые свечки.

– Хм, конечно, это, нужно признать, неожиданно… Стало быть, вы и фокусы разные умеете делать? – не совсем доверчиво спросил Геннадий Андреевич.

– Ну, не совсем фокусы, так, по мелочам.

В груди у Геннадия Андреевича что-то заюлило. Конечно, он понимал, что паранормальные явления существуют, но чтоб в одном с ним подъезде… Это, ему казалось, перебор.

– Может, прогуляемся? В этом году просто потрясающий последний весенний вечер, – предложил он, протянув Галине руку.

– Даже не знаю… Ну, ладно, уговорили, – быстро согласилась Галина, смущённо глядя на кончик своего хвоста, который, не видя больше причин прятаться, выполз подышать волнительными ароматами уходящей весны.

На улице было уже совсем темно, и длинное красное платье Геннадия Андреевича больше не смотрелось так пошло и броско. Под старой породистой вишней никак не могли научиться целоваться два подростка, а юные комары, летая под фонарём, не находили себе места, чувствуя собственную

неуместность в этот замечательный вечер. Геннадий Андреевич и Галина молча шли, поддерживая друг друга за локоточки. Галина немного боялась, что не выключила утюг в коридоре, а Геннадий – что нечаянно оступится и наступит на её серый хвост. Между ними таинственно зарождались магические соседские чувства, обретая которые, можно не бояться одинокой старости в холодном панельном доме.

Вот как бывает, когда один человек безвозмездно доверяется другому. И я бы на вашем месте в завтрашний последний вечер весны тоже не сидела бы на диване, вошкаясь в телефоне. Уверена, у вас обязательно есть кто-то, у кого имеется хвост или красивое красное платье.

Бундюрчик

На рассвете Алла Васильевна сдала в круглосуточный ломбард все свои золотые коронки, чтоб рассчитаться по долгам, надела всё самое лучшее, написала прощальную записку, процитировав в ней последнее стихотворение Сергея Есенина, накрасила губы красной помадой и, задрав подбородок к невидимым поутру звёздам, перешагнула через перила, кокетливо приподняв юбку.

Птицы, деревья, серые многоэтажки, синее небо, бессмысленные объявления на заборах – всё это быстро завертелось у неё перед глазами, смешалось в одну массу, после чего, жужжа, словно муха, промелькнула и вся прожитая жизнь. Тело Аллы Васильевны враз сделалась лёгкое, как звон колокольчика, и не задав особого дискомфорта мудрой чёрной земле, бессмысленно шлёпнулось вниз.

Алла Васильевна услышала истерический крик чайки, затем почувствовала лёгкий электрический разряд в нижнем отделении туловища и совершенно неожиданно для самой себя открыла оба любопытных глаза.

– Ваше имя, пожалуйста? – спросил склонившийся над ней мужчина в яркой белой одежде и шляпе, очень напоминающей дуршлаг. Вместо глаз у мужчины были конфеты.

– Алла Васильевна я, – представилась она, переходя в положение сидя.

– Причина?

– Маленькая пенсия, блокировка «Одноклассников» и полное отсутствие перспектив, – пояснила Алла Васильевна, осматриваясь на новом месте.

Мужчина не торопясь записал все данные в блокнот и удалился.

«Ишь оно как», – пробормотала Алла Васильевна, разглядывая берег океана, который уже успел облизать ей подошвы, и огромный песчаный пляж, совершенно не уступающий безграничностью океану. Над ней плавно пролетали огромные жирные чайки, и солнечные лучи припекали макушку. На пляже было так тихо, как бывает только в детских книжных иллюстрациях, запоминающихся на всю жизнь. И Алла Васильевна почувствовала, что никакого времени на самом деле нет.

– Алла Васильевна, теперь вам нужно решить, кем вам тут числиться, сосредоточьтесь, пожалуйста, – снова склонился над ней мужчина в дуршлаге. – Из свободных мест: рапана, небольшая гладкая галька, красивое и длинное перо чайки, пустая бутылка, в которую можно положить письмо, и, конечно же, бундюрчик.

– А что такое, я извиняюсь, этот ваш «бундюрчик»? – с недоумением спросила Алла Васильевна.

– Оу, это что-то вроде сюрприза. Никто не знает, что такое бундюрчик, пока не станет им самим. Это такой себе не то чтобы суперриск, но далеко не всем он по зубам, дорогая, – пояснил мужчина.

Алла Васильевна задумалась. Быть пустой бутылкой, раковиной, галькой или пером – казалось, как-то не совсем то, что ей подходит. «Вот соглашусь на гальку – и буду всю вечность ломать голову, что же было такого спрятано в слове «бундюрчик»… Мучиться, страдать от неизвестности. Нет уж, не для того я с балкона сигала, чтоб остаток вечности провести в терзаниях», – заключила Алла Васильевна, резко повернулась к ожидающему ответ и изрекла:

– Пожалуй, я выбираю бундюрчик! Да, я так решила! Даже не думайте меня отговаривать.

– Хорошо, – с улыбкой ответил мужчина в дуршлаге, вытащил из кармана маленький молоточек и аккуратно ударил им по носу Аллы Васильевны.

Та удивлённо округлила глаза, подняла руки вверх и пластично превратилась в бундюрчик.

Вам, конечно, очень интересно знать, что такое бундюрчик. Но вы же понимаете: пока сам не станешь бундюрчиком, – никогда не узнаешь, что это такое. Но я не думаю, что там что-то особенное...

Немного про НЛО

В городе, в котором я жила раньше, никто не верил в летающие тарелки, потому они являлись жителям в виде всякой ерунды…

В то, что его жену подменили инопланетяне, Семён окончательно поверил лишь тогда, когда вечером в пятницу она протянула ему 250 гривен со словами: «Дорогой, сходи с друзьями на пиво, чего дома сидеть в такую погоду?»

Семён, убедившись, что в предложении жены нет никакого подвоха, никакой насмешки, резко выхватил деньги и в ту же секунду выбежал на улицу, где свежий аромат летней пятничной свободы щекотал развешанные сушиться простыни, белые и чистые, как лист бумаги, с которого он и собирался начать этот вечер. Кафе-магазин «Партизанка», названное так в честь внутренней политики заведения, главным козырем которого являлась полнейшая конфиденциальность клиента, желающего вывести душу на новый уровень и домой вернуться исключительно на бровях, и высветление его личности в глазах жены, жаждущей деталей. Именно в этом кафе Семён и решил заземлиться.

Официантка любезно организовала летнюю площадку: вытащила из подсобки пластиковый стол, три стула и изящную вазочку с почти настоящими цветами, всё это аккуратно расставила возле магазина и скрылась подготавливать заказ. Вскоре к Семёну присоединился друг, и пятничный вечер наконец-то включил свой мотор.

– Может, она у тебя смертельно больная? Я слышал, перед смертью многие добрее становятся, – предложил друг свой вариант нелогичного поведения семёновой жены.

– Да нет… Здоровая она у меня, румяная такая, а в глазах словно электрические разряды снуют туда-сюда, – пояснил Семён, обновляя пластиковые стаканчики. – А ещё в среду такой момент был: просыпаюсь я ночью из-за лёгкой такой вибрации, поворачиваю к ней голову, а она вся светится, как фосфорная. Я наутро у неё спрашиваю: «Чего это ты ночью так светилась, как дура?» А она мне отвечает: «Та то я рыбы вечером наелась, не бери в голову».

– Странно это всё, – заключил напарник, задумчиво прищурив покраснелый бычий глаз.

– А в понедельник утром я ей говорю: «Так обидно, ходил к Алексеичу, к прорабу нашему покойному, на поминки, и деньги же сдавал как все, не меньше сдавал, хоть он мне и должен был двадцатку, – а голубцов на меня не хватило. Так голубцов хочется, аж сердце замирает». Так она мне, представляешь, вечером целую кастрюлю их накрутила.

– Иди ты! – ещё больше удивился собеседник.

– И такие вкусные они у неё получились, прямо как никогда!.. А в четверг я её попросил лампочку в подъезде поменять. А сам стал за дверь и подсматриваю. Так она старую перегоревшую лампочку выкрутила, плюнула на неё – и обратно вкрутила. А та и рада светиться, против всех законов физики, – продолжал рассказывать Семён.

Друг, слушая все эти удивительные истории, уже совершенно иссяк на аргументы и просто молча кивал головой, когда Семён подвигал к нему новую порцию. А когда на улице уже зажгли фонари и официантка принялась расталкивать тех спящих клиентов, которые не ставили перед собою цель отдохнуть в комфорте на летней площадке, Семён, расплатившись за вечер, встал и пошёл домой. Это был первый раз, когда он не стал сворачивать в другую сторону, бить друга по морде и требовать от официантки грязненьких услуг, что даже немного её оскорбило. Он твёрдо шагал домой, разгоняя драконьим своим дыханием стаи мошкары, отгоняя от ушей зов каруселей, так часто вечерами сбивающих его с верного пути.

Жена ждала его, улыбаясь, в коридоре, в котором удивительно вкусно пахло заждавшимся ужином. Она нежно сняла с него ботинки и мокрые штанишки, обняла, поцеловала в лоб и повела на кухню ужинать.

«Ну, и хер с тем, что она подменённая, – думал он, заглатывая вареники с капустой, заедая «сельдью под шубой». – В жене что важно? В жене важна загадка. А я ж не математик там какой-то, чтоб её разгадывать. Да и нужно ли вообще разгадывать бабьи секреты, когда на них держится этот вот семейный уют?»

Той ночью один малоизвестный блогер выставил на своём канале видео с неизвестным объектом, зависшим над домом, где жил Семён. Объект этот был очень похож на кастрюлю и светился странным зелёным светом. Он немного повертелся над крышей и испарился, не оставив после себя и следа. Правда, на это видео никто не обратил внимания. Людей, живших в том городе, давно не интересовали НЛО. Их интересовали исключительно пивные ларьки. Потому ребята из Космической Администрации украшали ими все достопримечательные места.

Жизнь после «Одноклассников»

Во двор к Дине Васильевне наконец-то пробралось подлинное цветастое лето. В укромных уголках подсохли лужи и даже канализация, периодически затекающая во двор, зажурчала с таким звоном, как только умеет журчать волнительный лесной ручей под заботливым взглядом бурого медведя. Дина Васильевна, надев летний халат, придав волосам свежий фиолетовый тон, сидела на солнечной скамейке и обдумывала всякие мелочи, ибо крупные вещи давно уже не вмещались в её захламленной голове.

– Дина, признайся хоть теперь, Олег Табаков – это ты? – встрепенула задумавшуюся Дину Васильевну Клавдия Ивановна и, не поздоровавшись, присела рядом.

– Что ты ко мне пристала? – отодвинувшись в сторону, недовольно возразила Дина Васильевна.

– Я просто хочу знать, это ты Табаков? Теперь, когда «Одноклассников» прихлопнули, мне кажется, нет смысла скрывать, – продолжала настаивать Клавдия Ивановна.

– Ты действительно хочешь это знать?

– Да. Очень.

– Ну, хорошо: да, Табаков – это я, – призналась Дина Васильева.

И чтоб не слышать всё то нытьё, которое закипало в душевном казанке у Клавдии Ивановны, она резко встала и направилась в свой подъезд.

Подбородок Клавдии Ивановны задрожал, и круглая, словно шанежка, слеза, покатилась по её мощной щеке. Конечно, она хорошо понимала, что Олег Павлович Табаков может быть ненастоящим, но то, какие славные комплименты он ей отвешивал, какие милые писал слова, какие прекрасные давал обещания, возбуждали неистовую веру в реальность всей этой ситуации. А ведь Олег Павлович не просто слал ей картинки с букетами роз и смешными котятами, он слал ей свои фотографии. Фотографии своих путешествий, фотографии своей молодости. А порой даже ссылки на киноленты, в которых он снимался. Как тут было не расщедриться верой, не предаться иллюзиям?..

Клавдия Ивановна закрыла лицо крупными своими ладонями и как-то по-девчачьи расплакалась. Последний раз она выпускала из себя подобные пары 27 лет назад, просматривая конец сериала «Рабыня Изаура», тот самый момент, когда дон Леонсио скоропостижно застрелился, – ибо весь сериал она была тайно в него влюблена.

– И какая же я была дура, когда рассказывала Олегу Павловичу все эти свои переживания… Когда отсылала фотографии без обработки, а он хвалил их и просил прислать ещё, ещё. И все эти наши с ним ночные переписки, где мы мечтали однажды встретиться в Ялте, прогуляться в ботаническом саду… Всё это были разговоры с Диной, – проговаривала под нос Клавдия Ивановна, дрожа от огорчения.

– Ну, ладно уже тебе, – вернувшись обратно на скамейку перекусившей, начала Дина Васильевна. – Ведь нам же было хорошо вместе?

– Что ты такое говоришь?! – всхлипывая, возмутилась обиженная Клавдия Ивановна.

– А то, что мы никогда с тобой так душевно не пообщались бы, как во время всей этой интрижки. Ведь я же права? – улыбнулась Дина Васильевна.

– В чём-то ты права, Дина, в чём-то ты права, – приходя в себя, заметила обманутая женщина.

– Слушай лучше, что я придумала: те семьсот гривен, что ты мне, вернее, Табакову-мне, высылала на ремонт «Волги», я тебе за два месяца верну, чтоб между нами финансовых вопросов не было, и когда верну, мы с тобой вместе отдыхать поедем на Косу. У меня там есть одни подвязки.

– На какую такую косу?

– На Кинбурнскую, это хоть и не Крым, но тоже ничего. Тем более мы так мечтали… Поживём в палатках, домашнего винца попьём. Я буду носить кепку и спортивки, может, даже курить буду, а ты будешь, если захочешь, называть меня Олег Павлович, в нашем возрасте уже ничего не зазорно. Как тебе?

– Мне нравится… – размазывая слёзы по лицу, согласилась Клавдия Ивановна, и Дина Васильевна, ощутив, что обида растворяется, довольно улыбнулась.

И зачем, спрашивается, нам вообще выделываться, придумывать образы, притворяться теми, кем мы не есть, когда настоящая человеческая жизнь находится вовсе не за монитором экрана, а за обыкновенным окном? Кстати, тем вечером через открытое окно в квартиру Клавдии Ивановны залетела шаровая молния, но она её даже не заметила, потому как старательно подшивала к своему пляжному халату кокетливые кружева.

Как репортёры фейки делают

Билет на Евровидение Алла Фёдоровна Вырвибровь, высокая моложавая дама с яркими болгарскими корнями, выиграла очень элегантным способом, купив пять пар трусов для участия в лотерее от местной трикотажной фабрики «Сюзанна люкс». Попасть на это грандиозное событие она знойно мечтала уже давно, как только её соседка Тамара прошла в отборочный тур шоу экстрасенсов, хотя на самом деле даже погоду, глядя на градусник, не умела предсказать.

Алла Фёдоровна не выспалась на бигудях, надела новое бельё, которое хранила для похода в больницу, добротный костюм, который шила для церемонии выхода на пенсию, перепрятала золотые коронки в более надёжное место и, не информируя подруг в «Одноклассниках», чтоб те не сглазили, отправилась на концерт.

Перетерпев томительное железнодорожное путешествие, во время которого Алле Фёдоровне суждено было отравиться купленным на перроне беляшом, пережив зверюшкин страх перед эскалатором в метро, она героически добралась до места назначения. И не успела она показать билетик на входе, как охранник, не глядя на документ, улыбнулся и подозрительно дружелюбно пропустил её в помещение, расшаркиваясь: «Проходите, проходите, пожалуйста. Хорошего вам вечера».

«Вот это сервис», – подумала Алла Фёдоровна, и на душе у неё запели искристые майские жуки.

– Разрешите с вами сфотографироваться? – внезапно обратился маленький пёстрый мужчинка в фойе.

– Конечно, конечно, – с радостью согласилась Алла Фёдоровна, чувствуя, как его борзая рука нежно хватает её за талию.

Когда фото было осуществлено и пришло время им расклеиваться, к Алле Фёдоровне подбежали ещё две девушки с точно таким же предложением. Потом ещё два парня, маленькая девочка с большим носом, влюблённая пара темнокожих парней и какой-то мужчина, не раз мелькавший у Аллы Фёдоровны в телевизоре. «А ведь костюм мой действительно хорошо блестит в этом освещении, – поясняла она себе внезапную популярность. – Да и фасон, это ведь не просто там рыночный крой, это же из «Бурды-мода», – гордилась она, кокетливо поправляя пышную чернявую шевелюру.

Концерт пролетел так быстро, как только умеют пролетать самые счастливые моменты в жизни. Алла Фёдоровна весело махала флажком, пускала по залу волну, слезу, воздушные змеи-поцелуи и глотала валидол в особо слезливые моменты. Всё увиденное настолько взорвало её душу, что дорога домой показалась совсем незаметной и какой-то даже атмосферной. Алла Фёдоровна лежала на второй полке вагона, скомкав не вмещающиеся колосящиеся ноги, и неустанно просматривала календарики, купленные в фойе концертного зала. Домой она вернулась, можно сказать, совсем другим человеком. Человеком, в душе которого побывало наконец-то что-то великое, что-то такое, что могло бы удачно смотреться на фото рядом с огромным китом.

И, возможно, она бы ещё долго валялась на диване в послеэкстазовом состоянии, пролистывая в голове все краски мероприятия, если бы к ней в квартиру напористо не ворвалась та самая соседка Тамара.

– Алла, боже, ты только посмотри на это! – сказала Тамара, протягивая газету.

– Тамар, а что там? – безразлично спросила Алла Фёдоровна.

– Да ты только посмотри, там ты! Ты! Это же просто что-то с чем-то!..

Алла Фёдоровна внимательно заглянула в газету и увидела большое нечёткое фото, где она в своём шикарном костюме позирует в обнимку с неизвестными ей поклонниками, а над фото заголовок: «Филипп Киркоров на Евровидении удивил всех своим новым ярким имиджем».

От верблюда

– Лёня, а давай, наверное, я тебя поцелую осторожно, – шёпотом предложила Виолетта, подсовываясь к мужу под одеялом.

– Ты что, выпила? – поинтересовался Лёня. – Мы уже лет 20 как не целовались.

– Та нет, просто так жрать захотелось, а ничего такого нет перекусить, вот я и думаю разрядить голод романтикой. Оно же исключительно, исключительно помогает. Вот я, помню, в молодости по весне… Как только влюблюсь, тут же аппетит пропадает, а в голове один этот секс да прогулки до рассвета.

– То ж у тебя раньше было весеннее обострение гастрита, а теперь у тебя язва, так что романтика тут, Виолетточка, уже совсем бессильна, – пояснил ситуацию Лёня.

Он молча спустил худые ноги на холодный линолеум, набросил на плечи жонкин халат и направился на кухню.

Несмотря на длительный и, честно говоря, достаточно убогий супружеский союз, Лёня оставался в нём единицей порядочной и даже заботливой. Потому он не повернулся на другой бок, чтоб досмотреть свой серо-белый сон, а поплёлся на кухню – выстрогать жене бутерброд, чтоб та успокоилась и наконец-то уснула.

– Святые угодники! – закричал он так громко, как обычно кричат в кино персонажи, увидевшие грабителя.

– Что там? – испуганно запищала Виолетта, как обычно пищат в кино женщины лет на 30 младше.

– Иди сюда, у меня нет слов!

Уловив в голосе мужа не такие уж и напуганные нотки, Виолетта взула старые голодные тапки и поплелась на кухню. Там, на обеденном столе, искрясь и выпариваясь, был разложен удивительно нарядный ужин: дичь с перламутровыми перьями, золотой виноград, икра в серебряных блюдцах, щука с нефритовыми глазами, невиданного оттенка сыр, профитроли и графины с вином.

– Откуда это всё? – удивилась Виолетта.

Лёня молча смотрел на стол, неуклюже подогнув коленки.

– Как думаешь, может, это какой-то совместный сон? – спросил тихо Лёня.

– Даже если и сон, я считаю, мы в нём главные герои. Потому давай я сейчас втиснусь в то бордовое платье, что мать Нинки после её смерти мне отдала в память, и мы хоть раз в жизни красиво с тобой поужинаем.

Лёня хотел было что-то возразить, но Виолетта уже шуршала в шкафу недоеденными молью нарядами. У Лёни давно уже не было здорового аппетита, больше того, последние годы он окончательно потерял пытливость к наслаждениям, и даже старые научные журналы казались ему ненужными и неинтересными. Он молча сел на табурет, потуже затянул на груди халат Виолетты, неаккуратно налил в стакан красного вина и задул на столе свечи, чтоб удачней рассмотреть профиль верблюда, который, убедившись, что супруги действительно приняли его угощения по назначению, медленно начинал растворяться в весеннем воздухе.

Вот часто же люди говорят: «Откуда? От верблюда!» И совершенно не понимают, что к тому самому верблюду это далеко не всегда имеет какое-то отношение.

Разворот назад

Ровно в четыре утра, когда Валентина Фёдоровна обычно с вожделением просматривала самые эротические свои сны, в её дверь нервно постучали.

– Валя, открой, это я, – послышался за дверью голос Нонны Степановны.

– Нонна, что, развернули тебя? – огорчилась Валентина Фёдоровна, глядя на подругу, наивно втиснувшуюся в тридцатипятилетнее выпускное платье и прихлопнутую сверху широкой белой шляпой с фиолетовой лентой.

– Да-с, – подтвердила Нонна Степановна и, достав из чемодана бутылку водки, протянула её хозяйке.

– Нонна, так это же ты брала на презент!

– Таможенник не взял, Валя, там вообще никто ничего не берёт. Такие вот дела.

– Может, плохо давала?

– Нет, Валя, что-что, а давать я умею. Просто уже не те времена. Понимаешь? Теперь всё иначе. Всё.

Валентина Фёдоровна, раскрывши рот, смотрела на Нонну Степановну. Кому, как не ей, было знать, как долго подруга готовилась к поездке за бугор. Сколько сил и денег выбросила она на все эти хлопотания. Сколько раз переступала через себя, сколько раз спотыкалась, даже падала лицом в грязь. А всё для того, чтоб сфотографироваться на фоне той проклятой Эйфелевой башни да пощекотать ступни пленительными травами Прованса.

Валентина Фёдоровна знала и умела красиво и душевно соболезновать, но что говорить в этом случае, она совершенно не знала. Потому просто смотрела на подругу, как смотрят опоздавшие на улетающий самолет.

– Нонна, может, давай пойдем, прогуляемся. Как раз никого нет, никто тебя ничего спрашивать не будет. Чего дома сидеть, а? Смотри, как ты хорошо сегодня выглядишь, – предложила Валентина Фёдоровна.

Нонна Степановна молча кивнула головой, и через несколько минут они уже шли по пустынному скверу, рассматривая, как в углу неба собирается новый день. В правой руке Нонны Степановны болталась проболтавшаяся бутылка, а левой рукой она аккуратно держалась за край юбки, тем самым поддерживая в себе ту самую женственность, которую она так планировала раскрепостить в Париже.

– Нонна, хочешь я тебе покажу что-то очень обидное, – внезапно спросила Валентина Фёдоровна, глядя на подругу серьёзно.

– Ты думаешь, меня это подбодрит? – поинтересовалась Нонна Степановна.

– Ещё как, – уверила Валентина Фёдоровна, схватила ноннину левую руку и аккуратно положила её себе чуть ниже копчика. – Чувствуешь это? – спросила она.

– Боже, Валя, что это? – удивилась Нонна, нащупывая непонятный объект под юбкой.

– Это хвост. Хвостик. Знаешь, бывает такая аномалия, когда люди рождаются с хвостиками? Так вот, я из того самого списка, Нонна. Даже в баню не могу себе позволить сходить.

– Бррр! – оторвала руку от нащупанного Нонна Степановна и спрятала её за спину.

– Вот видишь, Нонна, в жизни разное бывает, и то, что тебя в Париж не пустили, это такие мелочи… Через неделю уже и забудешь. Подумаешь, Эйфелева башня! Что, ты её в кино мало видела? Купи себе футболку с её фотографией и успокойся, – поддержала подругу Валентина Фёдоровна и, угостившись, отхлебнула из горла.

Солнце, прорвавшееся через все инспекции на небо, уже раздавало направо и налево витамин D, а первые маршрутки тряслись по дорожным ухабинам, не давая уснуть зажатым внутри людям. Нонна Степановна больше не говорила об огорчениях и несбывшейся мечте. Она пересказывала подруге комедию с Луи де Фюнесом, качественно не упуская даже самых мелких деталей, а сама себе думала: как же, чёрт побери, хорошо и спокойно становится на душе, когда рядом с тобой находится человек, на порядок несчастней тебя!

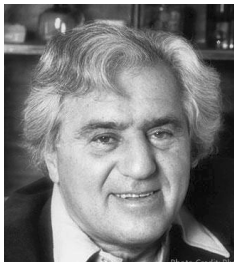
Світлана ІЩЕНКО

КАНАДСЬКА ПОЕЗІЯ УКРАЇНСЬКОЮ

Переклади

Irving Layton / Ірвінг Лейтон

(1912–2006)



Ірвінг Лейтон був поетом, чий грізний голос домінував канадську поезію у 1960-х і 1970-х роках; його знакові вірші володіють силою, що, для багатьох відчувається, робила його вийнятково великим поетом, якого Канада надала світу. Лейтон народився в Румунії, але був привезений батьками до Монреалю, коли йому був усього один рік від народження; окремо від десяти років, проведених у Торонто, він все своє життя прожив у Монреалі. Він отримав Governor General's Award for Poetry (Державна Премія Канади в Поезії) у 1959 році за збірку *A Red Carpet for the Sun* (*«Червоний Килим Для Сонця»*). Лейтон писав дуже плідно і видав понад 40 книг поезій за своє життя. Серед багатьох з них відомі: *Love the Conqueror Worm* (*«Люби Завойовника-Черв'яка»,* 1953), *In the Midst of My Fever* (*«У Середині Моєї Гарячки»,* 1954), *The Cold Green Element* (*«Холодний Зелений Елемент»,* 1955), *A Laughter in the Mind* (*«Сміх у Розумі»,* 1958), *The Swinging Flesh* (*«Плоть, Що Хитається»,* 1961), *For my Brother Jesus* (*«Для Мого Брата – Ісуса»,* 1976), *A Wild Peculiar Joy: Selected Poems, 1945–82* (*«Дика Своєрідна Радість: Вибрані Поезії 1945–82»,* 1982).

Іщенко Світлана Вікторівна. Народилась 30 липня 1969 року в Миколаєві. Закінчила Миколаївське державне училище культури (1988), Миколаївську філію Київського держуніверситету культури і мистецтв (1998). 1988–2001 рр. – актриса Миколаївського українського театру драми та музичної комедії. У 2001 році емігрувала до Канади, живе у Північному Ванкувері провінції Британська Колумбія. Пише українською та англійською мовами. Автор поетичних збірок: «Хорали неба і землі» (Київ, 1995), «Сі-дієз» (Миколаїв, 1998), «In the Mornings I Find a Crane's Feathers in My Damp Braids» (Leaf Press, Канада, 2005), «Танок Дани дощовий» (Ванкувер, 2006). Член Асоціації українських письменників (1997) та Національної спілки письменників України (1998).

ДЛЯ 7515–03296

Твої очі – темні і трагічні, мов історія,
коли ти вдивляєшся у село – як на поштовій картці – вдалечині;
ти – відзначена випускниця з Аушвицю
і невиліковної порочності людства,
і твоя тендітна рука з татуірованими цифрами
сміливо показує твої повноваження світу.

Кожного разу, моя мила, коли я бачу твою оголену чарівність
на цьому безлюдному пляжі,
моє серце розривається на частини
любов'ю і ненавистю, вдячністю і гидотою,
благоговінням і лютістю, допоки мій шалений розум
носиться, як той комаха поміж гарячого каміння,
і я стаю глухим до всього,
окрім ковтків неприборканих хвиль.

І хоча я знаю, що усі невинно-померлі
віднайдуть своє воскресіння в нас і в кожній люблячій парі –
втілюючи недатований жах табору смерті,
лексикон людського лиходійства, зроблений очевидним –
я кидаю прокльони беззупинно в солодке пусте повітря
і відчуваю, що моя ненависть до людства зростає так безмежно, як море.

МЕТЕЛИК НА КАМЕНІ

Великі жовті крила з чорною бахромою
були нерухомі.

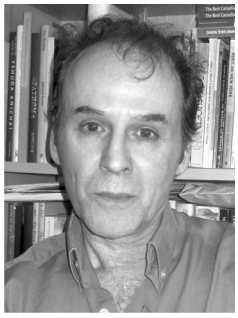
Кажуть, душа померлої людини
присяде точнісінько так на застигле обличчя.

Але я гадаю: камінь породив його –
цей метелик є благодаттю каменя,
його найнаполегливим і таємним бажанням
бути обнародуваною живою річчю.

Забув, що були два зруйновані дикобрази,
яких я бачив помираючими у похмурому лісі.
Біль – нереальна; смерть – іллюзія:
«По всій землі там немає смерті», –
я чув, як мій голос кричав;
і я поклав свою руку на метелика
і відчув, як камінь рухається попід моєю рукою.

Russell Thornton / Рассел Торнтон

(1959)



Рассел Торнтон – поет, чия поетична збірка *The Hundred Lives («Сотня життів»,* 2014*)* була висунута у числі фіналістів до 2015 року Griffin Poetry Prize (Премія Гриффіна в Поезії) – одна з найвищих у світі міжнародних поетичних премій. Він народився у Північному Ванкувері провінції Британська Колумбія, де він зараз і живе. Його книга *Birds, Metals, Stones & Rain («Птахи, Метали, Каміння і Дощ»,* 2013*)* була висунута у числі фіналістів до Canada's Governor General's Award for Poetry (Державна Премія Канади в Поезії) у 2013 році. У його літературному доробку книги поезій: *The Fifth Window («П'яте вікно»,* 2000*)*, *A Tunisian Notebook («Туніська Записна Книжка»,* 2002*)*, *House Built of Rain («Дім, Побудований з Дощу»,* 2003*)*, *The Human Shore («Людський Берег»,* 2006*).*

ЗБИРАЮЧИ ОЖИНУ З МОЄЮ ДОНЬКОЮ

Ми знаходимо разом довгу стіну зарослів ожини
і повертаємося півдюжини днів у серпні

туди, де ожина поза ожиною
для мене – покласти у тару, що я приношу, а для неї – покласти собі у рота.

«Чи це добре зривати червоні ягоди? А це – бджілка?! Так?!»
«Ні, це не бджілка, це – оса», – я кажу їй. Бджоли, оси – не бійся.

Моя трирічна доня збирає і збирає ягоди, поки не змориться,
і питає мене, чи вже час йти додому. Моя тара повна.

Незчисленні ожини лишились – для горобців, єнотів, білок,
для повітря, в якому ягода догниває.

«Чи ожини будуть тут знову?»
«Так, вони будуть тут знову», – я кажу. Вони щезнуть і з'являться –

вони прибудуть, вони підуть, вони повернуться
крізь їх місця у зарослях,

вони будуть подорожувати від цього куща ожини до цього куща ожини.
Це – кущ скорботи. Це – кущ радощів.

«Чи ми можемо повернутися сюди знову?»
«Так, ми повернемось», – я відповідаю. По-своєму, я молюся, щоб ми повернулися.

Ми повернемось, як люди з записками молитвенних бажань,
і ми наповнимо знову наші долоні ожиною.

Вони заплямують твої вуста, язик, підборіддя і щоку своїм соком,
вони пояснять тобі тебе, немов вино, яке ти будеш пити одного дня.

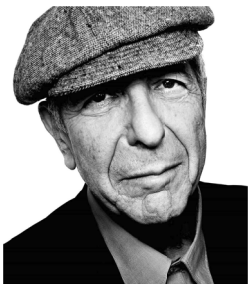
Немає значення, про що ми просимо, які слова використовуємо, – ягоди ожини
будуть тут, немов молитви, що зростають в порожніх місцях, немов ожинові молитви.

ГРАЮЧИ З КАМІННЯМ

Коли я несу її додому кожного вечора
з гойдалки дитячого парку, вона благає мене
дозволити їй пройтися по клумбі гладкого каміння
перед фасадом нашого квартирного будинку.
Вона хоче знайти окремі камінці
і покласти їх у свою широку кишеню, потім поставити
ці ж камінці уздовж ряду великих валунів.
Я бажав би, щоб ми залишились такими, які ми є зараз
посередині квітучого і текучого золотого
погляду пізніх променів сонця. І раптом
я уявляю день, коли вона стара.
Начебто я був її дитиною, а вона скоро перейде
у небуття, я починаю уболівати за нею,
маленькою мамою, моєю донею. Несучи
свою вівчарську торбинку, наповнену камінцями,
по одному для кожної овечки в її стаді, зарання
вона рахує їх для ночі
і заганяє овець у кам'яну кошару,
зарання вона просить, щоб вони всі
зберігалися у великій, невидимій, вівчарській торбинці.
Сльози, які вона приходить виплакувати за тих, кого любить,
сльози, що інші, хто любить її, виплакують за неї,
загубляться і пропадуть – тому вона встановлює каміння
один до одного на плоскому валуні, каміння – сльози,
які вона збирала, коли вони котилися з сонця.

Leonard Cohen / Леонард Коуен

(1934–2016)



Леонард Коуен був поетом, новелістом, композитором і виконавцем своїх пісень, чим завоював широке коло міжнародної популярності в усьому світі. Він народився в Монреалі провінції Квебек і, пізніше, жив багато років у Лос-Анджелесі, США. Коуен отримав Governor General's Award for Poetry (Державна Премія Канади в Поезії) у 1966 за його *Selected Poems:* 1956–1966 (*«Вибрані Поезії: 1956–1966»*). У його творчий доробок входять книги поезій: *Let Us Compare Mythologies («Дозволь Нам Порівняти Міфології»,* 1956*), The Spice-Box of Earth («Скриня Пряностей Землі»,* 1961*), Book of Mercy («Книга Прощення»,* 1984*), Stranger Music: Selected Poems and Songs («Незнайомка-Музика: Вибрані Поезії і Пісні»,* 1993*), Book of Longing («Книга Бажання»,* 2006*).*

СЮЗАННА

Сюзанна спускається з тобою
до свого місця біля ріки –
ти можеш чути човни, що проходять мимо,
ти можеш провести ніч поруч з нею.
І ти знаєш, що вона напівбожевільна,
але тому ти і хочеш бути там,
вона годує тебе чаєм і апельсинами,
які прибувають сюди з далекого Китаю.
І, тільки-но, коли ти готовий признатися,
що в тобі не існує любові подарувати їй,
вона бере тебе на хвилі свого ритму
і дозволяє ріці відповісти,
що ти завжди був її коханим.

Тобі хочеться подорожувати з нею,
тобі хочеться подорожувати всліпу,
і ти знаєш, що вона може довіряти тобі,
бо ти торкнув її досконале тіло своїм розумом.

Ісус був рибалкою,
коли він гуляв по поверхні вод,
і довгий час проводив, спостерігаючи
зі своєї дерев'яної вежі,
і, коли він зрозумів,
що тільки утопленники можуть бачити його,
він сказав: «усі люди нехай тоді будуть рибалками,
допоки море звільнить їх»,
але він сам був зламаний
ще задовго до того, як небо відкрилося,
покинутий – майже людина –
він потонув під твоєю мудрістю, мов камінь.

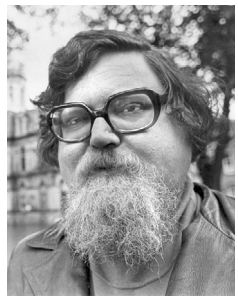
Тобі хочеться подорожувати з ним,
тобі хочеться подорожувати всліпу,
і ти гадаєш, можливо, ти довірятимеш йому,
бо він торкнув твоє досконале тіло
своїм розумом.

Зараз Сюзанна бере тебе за руку
і веде до ріки,
вона одягнена у лахміття і пір'я
з прилавків магазину «Армії Порятунку».
І сонце ллється, як мед,
на нашу даму з причалу.
А вона показує тобі, куди дивитися
поміж сміття і квітів:
там – герої у водоростях,
там – діти на світанку,
вони виглядають звідти, шукаючи любов,
і вони будуть виглядати так вічно,
поки Сюзанна тримає своє дзеркало.

Ти хочеш подорожувати з нею,
ти хочеш подорожувати всліпу,
і ти знаєш, що можеш довіряти їй,
бо вона торкнула твоє досконале тіло
своїм розумом.

Alden Nowlan / Алден Ноулен

(1933–1983)



Алден Ноулен був поетом, новелістом і драматургом. Він народився у сільській місцевості провінції Нова Шотландія (Nova Scotia) і більшість свого життя прожив у Фредеріктоні провінції Нью Брансвік (Fredericton, New Brunswick). Ноулен здобув Governor General's Award (Державна Премія Канади) у 1967 році за книгу поезій *Bread, Wine, and Salt* (*«Хліб, Вино і Сіль»).* Його голос є одним з найшанованіших у канадській поезії. Серед його збірок поезій: *The Things Which Are* (*«Речі, Які Існують»,* 1962), *The Mysterious Naked Man* (*«Таємничий Оголений Чоловік»,* 1969), *Between Tears and Laughter («Між Сльозами і Сміхом»,* 1971), *I'm a Stranger Here Myself* (*«Я Сам Чужинець Тут»,* 1974), *I Might Not Tell Everybody This* (*«Я Можливо Не Розкажу Кожному Про Це»,* 1982).

КАНАДСЬКА ЛЮБОВНА ПІСНЯ

Твоє тіло – невеличке слово з багатьма значеннями.
Любов. Якби. Так. Але. Смерть.
Впевнений, я кохатиму тебе недовго,
Можливо – на скільки вистачить дихання.

Грудень – тринадцять місяців довжиною,
Липень – всього день післяобідні, і тому
Коханці повинні перехитрити вовну,
Навчитися, як проштирхнути хутро.

До моєї коханої у постіль, зігріти її,
Я принесу обгорнене і розігріте каміння.
Те, що приємно тілу,
Іноді – тортури для кісток.

Gwendolyn MacEwen / Гвендолин Мак'юен

(1941–1987)

Гвендолин Маргарет Мак'юен була поетесою, новелістом, драматургом, перекладачем, дитячою письменницею і мемуаристом, яка видала понад 20 книг за своє життя. Вона широко подорожувала по Греції і Середній Азії. Народилась і померла у Торонто провінції Онтаріо. Для багатьох вона є однією з найкращих канадських поетів. Мак'юен була удостоєна Governor General's Award for Poetry (Державна Премія Канади в Поезії) у 1969 році за її збірник *The Shadow Maker («Той, Хто Робить Тіні»).* Вона отримала другу Governor General's Award (Державну Премію Канади) посмертно у 1987 році за *Afterworlds* (*«Післясмертні Світи»*). Серед її книг відомі збірки поезій: *A Breakfast for Barbarians* (*«Сніданок Для Варварів»,* 1966), *Magic Animals: Selected Poems Old and New* (*«Магічні Тварини: Старі і Нові Вибрані Поезії»,* 1974), *The Fire Eaters* («Ті, Хто Їсть Вогонь», 1982), and *The T. E. Lawrence Poems* (*«Поезії Т. Е. Лоуренса»,* 1982).

ТЕМНІ СОСНИ ПІД ВОДОЮ

Ця земля, подібно свічаду, повертає тебе усередину,
І ти стаєш лісом у потайному озері:
Темні сосни твого розуму сягають униз,
Ти мрієш у зелені свого часу,
Твоя пам'ять – ряд потопаючих сосен.

Мандрівниче, ти кажеш собі, що це зовсім не те, за чим ти прийшов,
Хоча тут добре і зелено.
Ти намірювався рухатися з великим розмахом,
Ти планував тяжку благодать, вистраждану мрію.

Але темні сосни твого розуму занурюються глибше,
І ти тонеш, тонеш, сплячий,
В елементарному світі:
Там щось є унизу, і ти бажаєш, щоб це було повідано.

ЦЯ РІЧ – НЕСАМОВИТА

Моє внутрішнє «Я», я хочу, щоб ти зараз було
несамовите і без мого минулого,
бо ми вже так довго репетирували наш церемоніальний балет,
і я боюся мого спокою супроти твого вишуканого гніву.

Я не боюся, що можу збожеволіти,
але навпаки – що не зможу, і що тіні мого здорового глузду
зачорнять твоє горіння; дій одного разу,
і тобі не треба буде діяти знову –
мені не треба ніяких церемоній, рубці – це не біль.

Ця річ – несамовита, ніщо не передвіщає її,
вона не має ніякого значення до або після:
солодкі рани, які горять, ніби зорі, –
тавро моєї особистої святості,
ця річ з'являється і замишляє нові зодіаки на тілі.

Голубенко (Кудина) Валентина Григорівна. Народилася 13.12.1960 р. в Миколаєві. Після закінчення середньої школи № 9 працювала підмінним вихователем дитячого садка. Паралельно навчалась на художніх курсах з професії художник-оформлювач. Після закінчення працювала на суднобудівному заводі ім. 61 Комунара (1982–1994). Потім займалася вихованням своїх дітей та господарювала. З появою онуків захопилась літературою, почала писати казки.

Валентина ГОЛУБЕНКО

КРАЇНА ЖОВТОЇ КВІТКИ

Казка

На літні канікули Мишко приїхав до бабусі у село. Там є і ставок, де можна поплавати та наловити риби, і ліс, де повнопоснісінько грибів та ягід, а ще поле величезне, як море, і вкрите соняшниками та кукурудзою. А ще там мешкав його товариш Бублик. Бублик – це пес. Коли Мишко був ще малим, тато приніс до бабусі Бублика. Він був маленьким щеням. Де б Мишко не був: у лісі, на ставку – він завжди брав із собою Бублика. Вони міцно потоваришували. От і зараз не встиг Мишко вийти на стежку, яка вела до бабусиної хати, як Бублик стрімко вибіг йому назустріч. Він весело гавкав, стрибав і кружляв навколо свого друга. Минув день, як Мишко відпочивав у бабусі Анастасії в селі. Все було добре та гарно: ставок теплий і тихий, в очереті співають пташки. Мишко сів на березі з вудкою, але дивився кудись у небо, де пропливали пухкі, мов вата, хмарки. Бублик лежав біля нього, і здавалось, що він спав. Ніщо не передвіщало біди. Було настільки хороше, що Мишко спочатку навіть не зрозумів, що сталося. Повітря раптом стало якимсь холодним, мов восени, хоча не було ні вітру, ні хмар. Бублик умить схопився на лапи і почав лаяти на протилежний берег ставка.

– Бублику, що з тобою? Що сталося? Кого ти там побачив?

Мишко намагався заспокоїти свого друга. Але собака не звертав на хлопчика уваги, і замість того, щоб вгамуватися, раптом стрибнув у воду та поплив на другий берег. Швидко перепливши ставок, пес зник в очереті.

– Бублику, повернись! До мене, до мене!

У чагарниках почувся надривний лай пса. Хлопець, навіть не роздягнувшись, плигнув у воду і поплив за своїм другом. Вибравшись на берег, він почав пробиратися через очерет. За очеретом чагарники та молода поросль заважали хлопцеві швидко пробиратись уперед. Кущі терну колючками дряпали ноги та руки. Серце у хлопця шалено билось і рвалося з грудей. Він вибіг на невелику галявину і побачив свого пса. Бублик вчепився в дрантя якоїсь немолодої, дуже негарної жінки. Вона намагалась вирвати з пащі пса своє рване лахміття. Замість того, щоб репетувати, жінка теж гарчала не гірше за собаку. Побачивши хлопця, вона смикнула свою спідницю так сильно, що шмат відірвався і залишився в зубах Бублика. Жінка зло глянула на Михася, зашипіла, загарчала і швидко зникла в порослі. Від усього побаченого Мишко здивувався, він ніколи не бачив, щоб Бублик так поводився. Це був дуже добрий собака і ворогів не мав навіть у лісі. А щоб на людину напасти, такого не було. Мишко підбіг до пса:

– Бублику, що ти гризеш? Таке страшне ганчір'я. Фу, кинь, кинь. Пішли додому. Бачиш, як тут холодно? Немов у льоху. Бублик, кинь цю гидоту. Підемо навкруги берегом, бо я дуже втомився, поки біг за тобою.

Пес ніби розумів слова хлопчика. Він кинув ганчірку і, гордо піднявши хвіст та голову, пішов поряд з другом. Спочатку все було ніби добре: праворуч берег з очеретом, ліворуч чагарники та ліс. Але згодом ліс ставав усе густішим та темнішим, а ставок кудись зовсім зник. І замість ставка з'явилося болото. Від нього дуже тхнуло.

– Ні, напевне, потрібно повертатись, – промовив Михась. – Ми тут ніяк не пройдемо. Доведеться плисти, хоч ми дуже втомлені, та ще і подряпини печуть. Навіщо тобі потрібна була ця страшна тітка? Чого ти на неї напав? І взагалі, звідки вона взялася? І хто вона така? Чого в лісі живе?

Пес біг поряд, і здається, зовсім не втомився. Йти назад довелось ще довше та тяжче.

– Ось, мабуть, це місце, – мовив Мишко. – А може, і не це. Дивись, Бублику, ніби все так, як і було. Але щось змінилося. Очерет, гілки, трава – все якесь сухе та жовте. І стало чомусь ще холодніше. Ще й сонце сідає. Ми вже давно повинні бути вдома. Бабуся сваритиме мене.

Поки Мишко роздивлявся навкруги, Бублик знову знайшов відірвану ганчірку від спідниці страшної жінки. Він намагався схопити це шмаття, але завищав та відскочив від нього. Навколо цього дрантя, як після багаття, все почорніло. Пес загарчав. Шерсть на ньому стала дибки. Михайлику, стомленому та змерзлому, стало моторошно від цього видовища. Він хотів підійти до пса, але той загарчав, виставив ікла і позадкував до чагарників. Раптом пес повернувся і хутко чкурнув поміж гіллям, де зникла страшна жінка.

– Бублику! Та що ти робиш? – закричав на собаку Михась. – Повернись, повернись, будь ласочко…

Але пес його не слухав і швидко зник з очей. Мишко кинувся з місця та побіг слідом. Закриваючи обличчя руками від гілок, що боляче хльостали його, він ледве бачив вузьку непомітну стежку. Він все біг і біг, але собаки ніде не було. Зовсім вибиваючись із сил, він запнувся за коріння і, боляче вдарившись, впав у якусь яму біля стежки.

Вже зовсім стемніло, коли Мишко опритомнів та відкрив очі. Усе тіло в нього було вкрите синцями та подряпинами і дуже боліло. Майже навпомацки хлопчик із зусиллям вибрався з ями.

– Бублику, Бублику, Бублику! – жалісно покликав собаку. Було тихо. Хлопчик сів на коріння якогось старого дерева і тихенько заплакав: – Де ти, Бублику? Куди ти побіг, нерозумна собако? Бабуся вже турбується і шукає нас. Може, вже мамі і татові дзвонила. Де тебе шукати, друже? Може, тут вовків багато, накинуться та роздеруть на клапті.

І тут почувся якийсь смішний дитячий голос. Мишко з переляку схопився на ноги:

– Хто тут?

Почувся шелест сухого листя – і з-під коріння вилізло маленьке створіння, схоже на хвору дитину з великими вологими темними очима.

– Це я, Жунько.

– Який Жунько? – ледве видихнув від жаху Мишко.

– Ну, такий, звичайний. Звуть мене так.

Мишко ніяк не міг прийти до тями. Трохи вгамувавши переляк та хвилювання, він уважніше подивився на незвичайне створіння. Воно було маленьке, не більше півметра. Голова в нього була майже лиса, і на самісінькій маківці починалося волосся. Волосся було схоже на голки у їжака. І все тіло, крім маленьких рук та ніг, було вкрите таким волоссям.

– А ти хто, дитино? – звернувся до нього Михась.

– Ні, я вже великий і дуже сильний. От бачиш, яку я собі хатку збудував? А ти усівся на дах. Ще і рюмсаєш.

– Ти людина? – знов запитав Мишко.

– Ні, мабуть…

– А хто?

Жунько почухав потилицю та ніяково розвів маленькими ручками.

– Я і сам не знаю. Всі звуть мене Жуньком – і все. Мені моє ім'я подобається. А ти хто такий?

– Я хлопчик. Мене Михайлом звуть. Я тут, я-я...

Мишко знову сів на коріння, закрив долонями обличчя і гірко заплакав.

– Ну, ти чого? Що це ти робиш? – вирячивши і без того великі очі, здивовано запитав Жунько.

– Я плачу.

– А навіщо ти плачеш?

– Не навіщо, а чому… – сьорбнувши носом, сказав Мишко.

– І чому? – перепитав Жунько.

– Бо я заблукав, змерз і забився... А найстрашніше те, що мій друг, мій пес пропав. Він побіг кудись сюди, – Мишко махнув рукою у темряву. – І зник. А я біг, біг за ним і все одне не наздогнав. А все це сталося через страшну тітку в лахміттях. Вона теж сюди пішла. І пес слідом. А я впав. Та ще і темно.

Мишко заридав ще голосніше. Він так плакав, що не бачив, як Жунько аж побілів і волосся у нього на голові піднялося, немов голки на кактусі.

– Тихіше,– зашепотів Жунько. – Мовчи. Не можна так голосно говорити. Це ж Велика Пані Мора. У неї скрізь вуха. Ти б ішов собі кудись подалі. А краще залізь у свою нірку і сиди тихенько. А твій, цей, як його? Пес сам винен. Не треба бігати де попало.

– А він ніколи і не бігав. Це тільки тепер. Це вперше, – продовжував ридати Мишко.

– Тихіше, я ж тебе прошу: іди додому.

Мишко трохи затих:

– Я без свого Бублика не піду. І взагалі, зараз так темно, що я навіть не бачу, куди йти.

– Ти якийсь дивний, хлопчик Мишко, – здивовано глянув на нього Жунько. – Нічого в нас не темно. У нас завжди так.

– Як так? Невже тут сонце не світить?

– Яке таке сонце? Що ти таке вигадуєш?

Мишко стер долонями з обличчя брудні струмочки сліз.

– Це якийсь страшний сон. Спочатку ця страшна тітка, а потім це все дивне… Куди я потрапив?

Жунько знову весь укрився голочками.

– Тихіше, будь ласка, – з молитвою в очах Жунько дивився на Мишка. – Не треба так голосити, якщо не хочеш потрапити до рук Великої Пані Мори. Тато казав, що сльозами справі не допоможеш. Треба все зрозуміти. І тоді все буде добре.

Мишко подивився на Жунька дуже прискіпливо:

– Ану швидко розповідай, де я і що тут коїться?!

– Добре. Тільки не репетуй, – озвався Жунько. – Ходімо до мене в дім.

– Куди? В цю дірку?

– Сам ти дірка, – образливо пробуркотів Жунько. – А може, і дірка, але моя. І я її сам зробив, – гордовито проказав він. – Лізь, лізь швидше…

– Куди тут лізти? Я нічого не бачу. Темно.

Мишко обережно заліз під коріння. Прохід був вузький, але хлопчик став на коліна і проліз у невелику печеру. Слідом за ним увійшов і Жунько. Печера виявилася просторою і теплою. І навіть світло там було. Якась комаха сиділа у банці і світила дивним блідим світлом.

– Проходь, сідай, – ласкаво запросив Жунько. – Ось бачиш? Я тут живу. Це мій дім. Я б тебе чимось пригостив, але в мене нічого нема. В нас завжди було гарно: квіточки, ягідки, корінчики. Та згодом усе зникло. Велика Пані Мора не любить усе це.

– А хто така Пані Мора?

Жунькові й без того великі очі стали ще більшими.

– Як? Ти не знаєш, хто така Велика Пані Мора? Звідки ти з'явився тут? Усі знають Велику Пані Мору. І всі її бояться. А хто намагався її не боятись, той зникав. І ніколи ніхто вже його не бачив. Велика Пані Мора повсюди. Велика Пані Мора знає все. Велика Пані Мора може все.

Жунько тремтів усім тілом. Здавалося, що одне ім'я цієї істоти приводило його у панічний жах.

– Головне, не попадатись Великій Пані Морі на очі. Треба десь сховатись і сидіти тихенько, не волати, як ти. Пішов би ти собі додому. Усе було б тихо. В мене раніше була гарна хатка: біленька, гарненька, з квіточками, з червоненьким дахом. Але Великій Пані Морі це дуже не подобалось. І хтось розчавив мій будиночок. Добре, що мене вдома не було.

– Я би пішов додому, але треба знайти мого друга. Я без нього не піду, – сумно вимовив Мишко.

– Твій друг дурний. Кинь його. Він сам винен. Не варто було сюди лізти. Не шукай його, бо, може, він уже неживий. І, мабуть, його вже нема.

– Ні, ні, ні… Це неможливо. Бублик дуже хороший, добрий. Та хто вона така, ця Пані Мора? – закричав Михась.

– Тихо, тихо, не волай. Раптом хтось почує. І ти вдруге не сказав – Велика! Це недобре, це дуже недобре.

Але Мишко не слухав його. Він мотався по печері з одного боку в інший, зачіпаючись за якісь предмети.

– Зупинись, будь ласка. Ну, не псуй моє майно. Стоп! Досить! – спробував зупинити його Жунько. – Чого ти хочеш? Що ти можеш зробити? Ні-чо-го! В тебе нема кігтів, нема іклів. Ти вмієш тільки голосно волати. І все. Ти сам нічого не вмієш. І нічого тут не знаєш.

Мишко зупинився:

– Так. Це вірно. Я сам не можу тут нічого зробити. Бо я тут нічого не знаю. Але ти, Жунечко, тут все знаєш. Ти допоможеш мені знайти мого Бублика?

– Що-о-о? Я?.. Ні. Я не можу. Я хворий. У мене, у мене… Ну, щось у мене болить.

– Так, я зрозумів. Ти не хворий, ти боягуз. Перелякане мале звірятко. Але все одно ти мені допоможеш. Або я буду волати так, що весь цей ліс стане дибки. І ваша Пані Мора захворіє на головний біль.

– Велика, ти забув додати, – нагадав Жунько.

– Ось і подивимось, яка вона велика.

– Гаразд. Відведу тебе до міста. Але це і все. Шукай свого Бублика сам.

– Тут є місто? – перепитав Мишко.

– Так. І моя хатинка була там, – сумно зітхнув він.

– Тоді пішли швидше.

– Як, зараз? Ти ж казав, що темно.

– А ти казав, що тут завжди так. А щоб не було темно, ми візьмемо оту комаху в банці, – показав рукою на банку Мишко.

– Ні, так нас побачать. Я тебе і так відведу. Я дуже добре бачу у темряві. Пішли!

І вони пішли.

– Коли твій Бублик біг цією стежкою, – тихенько бурмотів собі під ніс Жунько, – він не міг звернути вбік, бо з краю стежки дуже густі чагарники. Тому ми теж підемо цією стежкою до самого міста. А потім я піду додому, а ти підеш куди захочеш, але без мене.

Йшли вони довго. Чи, може, Михайлику так здавалось. Вони то підіймались угору, то спускались. То йшли праворуч, то звертали ліворуч. Та ось нарешті вони зупинились край лісу. Перед ними була невеличка долина. Що це якесь містечко, можна було зрозуміти хіба що по невеличких темних горбиках. Ці горбики і були хатинками мешканців міста. А великий горб, зовсім чорний, був житлом Великої Пані Мори. На верхівці цього пагорба здіймався чорний дим. Цей дим підіймався стовпом і розтікався, як вода, на різні боки. Створювався такий щільний купол, крізь який не було видно ні сонця, ні зірок, ні місяця.

– Ось ми і прийшли, – прошепотів Жунько.

– Щось я не бачу тут ніякого міста, лише якісь могили. Це і є хатинки?

– Так, це були колись хатинки, – пошепки відповів Жунько.

– І що далі? – запитав Мишко. – Невже мій пес міг отут десь сидіти? Ні, він би гавкав.

– Велика Пані Мора не любить, щоб хтось гавкав.

– Любить чи не любить ваша Мора, мені байдуже. Це пес, і він мусить гавкати. Я його заберу і піду додому.

– От лихо! – знов заскиглив Жунько. – Тобі мало, що ти не кажеш Велика. Ти ще й Пані пропустив.

– Жунько, ти вже набрид мені своїм скигленням.

– От і добре. Я пішов собі. Бажаю успіхів. Тільки трішечки зачекай, поки я подалі відійду. А потім можеш іти забирати свого Бублика.

Жунько вже повернувся, щоб іти, але хлопчик схопив його за маленьку ручку:

– Зачекай.

– Я тебе привів до міста. Що ти ще від мене хочеш?

– Жунечко, я ж не знаю тут нікого, окрім тебе. Може, ти мені скажеш, де мій пес?

– Як де? У Великої Пані Мори. Більше ніде.

– Навіщо він їй?

– Та хто знає? Може, гратися з ним хоче, – видираючи маленьку руку з руки Мишка, проговорив Жунько.

– Ну хоч скажи, як до неї можна потрапити?

– Як-як… Ти їй на очі потрапиш, і Велика Пані Мора сама тебе схопить.

– Ні, це мені не підходить, – зітхнув Мишко.

– І мені теж. А тому я піду додому. І тобі раджу. А взагалі, як ти сюди потрапив? Ти ж хлопчик – людина? – ніби вперше про це почувши, здивовано спитав Жунько. – Сюди до нас у місто ніколи люди не потрапляють самі по собі. Для цього потрібно бути чаклуном, або щоб чаклун це зробив. Ти не чаклун?

– Ні, – здивовано відповів Михась.

– І твій Бублик не чаклун?

– Ні. Який же він чаклун? Він пес. А собаки чаклунами не бувають. І взагалі, чаклунів не буває.

– Дуже цікаво, – з усмішкою зауважив Жунько. – Ну, гаразд, не будемо гадати. Я тобі допоможу. Але це востаннє. Пішли.

Жунько звернув у бік кущів і почав спускатися з гори. Так Мишко та Жунько добралися до околиці містечка.

– Тепер треба дуже тихо йти.

Навшпиньках вони підійшли до якогось горбика. Жунько пошкрібся брудним пальчиком об дошку біля дірки, завішаної ганчіркою. З дірки визирнуло таке ж, як Жунько, створіння.

– Проходь, – буркнуло воно, подивившись прискіпливо на Мишка та на Жунька, і зникло в темряві.

Мишко та Жунько швидко пролізли під ганчірку. Там вони побачили ціле сімейство таких істот, як Жунько. Посеред печери стояла дуже схожа на Жунька істота. Далі під стіночкою збилася ціла купа маленьких, немов іграшкових, жунькенят та їхня мати.

– Добрий день, – привітався Мишко.

А Жунько буркнув щось під ніс та кивнув головою.

– Чого приперся? – запитав господар. – Ще й притягнув з собою когось.

Жунько кахикнув у маленький кулачок.

– Ти пробач, будь ласка, Кеш. Та ось Мишкові потрібна допомога. Я подумав, якщо ми разом…

– Що? Ми разом? – перебив його Кеш. – Коли це ми стали разом? Чи не ти мені казав, що кожен сам по собі? Що треба заховатись по лісах і сидіти тихо. А тепер прийшов і кажеш, що ми разом. Ще й якогось мішка притягнув. Ніби мені мішок потрібен.

– Ні… Це Мишко, і він людина! – майже прокричав Жунько.

– Що? – здивувався Кеш. – Він людина? Справжня?

Жунько мовчки кивав головою. Кеш підбіг ближче до Михася:

– І справді. Як я не помітив цю ненормальність? І зовні виглядає потворно. Великий і майже лисий.

Мишко обурився:

– Я не потворний!

– Ти чарівник? – не звертаючи уваги на обурення Михася, спитав Кеш.

– Ні, я вже казав Жунькові.

– А це означає, що Мора привела його сюди. Навіщо? – продовжував розмірковувати Кеш.

– Я прийшов сюди за своїм собакою. Він мій друг. Я його люблю. І я, я… – Мишко вже майже ридав. – Я думав, що ви мені допоможете його знайти.

– Це що він робить? – спитав Кеш Жунька.

– Він плаче.

– Так-так, – продовжував розмірковувати Кеш. – Значить, то був його собака. Я зрозумів! Все ясно. Справа ще гірша, ніж я думав. Їй мало нашої країни. Вона хоче влізти в країну людей. Цього не можна допустити. Але як вона хоче це зробити?

Мишко здивовано дивився на братів. Здавалося, що вони зовсім забули про нього. Раптом з вулиці почувся різкий, скрипучий крик якоїсь великої тварини чи птаха. Було чути, як лопотять його крила. Всі мешканці будинку вмить перелякано збилися в куток. На вулиці коїлося щось недобре. Пронизливий крик, схожий на те, як кричить мале зайченя, всіх немов струмом ударив.

– Фруні, Фруні, дитинко моя! – надривно закричала мати і побігла до виходу з печери разом з Кешем та Жуньком.

Мишко теж вибіг на вулицю. Те. що він побачив, вразило його в самісіньке серце. Гігантський триголовий чи то птах, чи то ящур у велетенських пазуристих лапах тримав маленьку пухнасту дитинку. Це була Фруні. Чудовисько забило крилами, намагаючись злетіти. Мати Фруні, її батько Кеш і Жунько бігли та кричали, намагаючись врятувати дитину. Але потвора вже злетіла. Побачивши це, Мишко ошалів. Та що ж це таке? Потвора була така велика. Мабуть, вища від Мишка. В неї було три голови зі страшними гострими дзьобами. Замість пір'я на спині виблискувала луска. А хвіст мала гадючий. Тварина, злетівши, зробила круг над головою Мишка.

Це був шанс щось зробити, щоб врятувати бідну дитину. Мишко схопив велику палицю і щосили жбурнув нею в потвору. Кінець палиці влучив в одну з голів лихої тварини. Вона нестямно заверещала усіма трьома головами. Але одна з голів почала смикатися, закотила очі і повисла як ганчірка. Тварина розчепила свої пазурі – і маленька Фруні впала на землю. Всі побігли до дитини. А лиха потвора з усієї сили ляпнулася об каміння, покотилась і почала, шкандибаючи, втікати до великого пагорба. Поранена голова волочилася по землі. Всі кричали та плакали. Налякана мати схопила своє дитя і намагалася привести до тями. Але дитина здавалася мертвою. На голові в неї червоніла кров. На маленькому тільці виднілися глибокі рани від пазурів потвори.

– Дитинко, прокинься, не вмирай. Малесенька моя, – мати стояла на колінах, притиснувши до себе тільце Фруні.

Кеш зігнувся, як дідусь. Затуливши долонями обличчя, гірко плакав. Жунько увесь трусився. На крики збіглися, мабуть, усі мешканці містечка. Вони гомоніли, плакали. Мишко підійшов до Жунька.

– Що це за жахіття таке?

– Це потвора Великої Пані Мори. А ти молодець. Дав цій гадюці по заслузі. Аби тільки Фруні залишилась живою.

Від побаченого у Михайлика защеміло серце. Що ж це за гидота живе у місті? Звідки вона взялася? Йому було так шкода цих маленьких і таких добрих істот, що він вирішив неодмінно хоч чимось допомогти їм. Раптом на обличчі Жунька з'явилася рішучість та твердість. Він підійшов до Кеша, взяв його за плечі та промовив:

– Зберись, брате. Ця гидота побігла до Мори скиглити. Вона може з'явитися щохвилини. Треба сховати дітей та жінок. Пора нам щось робити с цією поганню.

– Так, – погодився Кеш, витираючи очі від сліз. – Зараз. Мешканці міста, слухайте! Ви розумієте, що тут залишатися небезпечно! – голосно промовив Кеш. – Тому всім жінкам та дітям потрібно негайно піти в ліс до печери. – Голос Кеша тремтів, але говорив він твердо: – Всі чоловіки, збирайтесь у мене в печері.

Всі заметушилися, побігли збирати якісь речі.

– Ну що, – звернувся Жунько до Михася, – ти ще не передумав іти за своїм Бубликом?

– Ні. Навіть навпаки. Я хоч зараз піду.

– Ми всі підемо, але пізніше, – запевнив Жунько.

Жінки посадили на візки дітей та якийсь скарб і, тихенько пробираючись поміж кущами, відправились до лісу. Маленьку Фруні поклали на ноші. Вона була непритомна.

Мешканців виявилося зовсім небагато. Чоловіки зібралися в печері Кеша. Мишко теж стояв у кутку печери. Кеш сидів на ослінчику, дуже змучений. Інші мовчки стояли поруч.

– Кеш, – звернувся до нього Жунько. – Більше терпіти не можна. Ми повинні звільнитися від цієї Мори.

Кеш сумно подивився на Жунька:

– Нас дуже мало. Ми не можемо боротись, бо не маємо зброї.

– Так! Це правда! Гірка правда! – гнівно вигукнув Жунько. – Але нам нема куди йти. Це наша країна! Тут жили наші пращури, діди та батьки. Тут повинні жити наші діти. Ця Мора влізла до нас та отруїла все навкруги. Пробач мені, мій любий брате, за те, що я не хотів тебе слухати, що я хотів відсидітися в стороні. Нам треба боротись.

– Так! Так! Так! – загомоніли всі.

Кеш встав з ослінчика:

– Нам треба подивитись, що в нас є, і подумати, як здолати Мору. Ще нам потрібна зброя.

– А де ми знайдемо цю зброю? – загомоніли мешканці міста.

– Ми можемо перекувати лопати, кийки, серпи на зброю. Будемо робити все, щоб захистити себе та свої родини, – впевнено мовив Кеш.

Всі дружно взялися за справу. Мишко підійшов до Кеша:

– Я теж хочу чимось допомогти. Що мені робити?

– Дуже дякую тобі, – відповів Кеш. – Ти і так багато зробив для нас.

– Не відмовляйся від його допомоги, – втрутився в розмову Жунько. – Невже ти не розумієш, що він потрапив сюди не випадково. До того ж він сам не піде без свого Бублика.

– Це дуже небезпечно. Ти пам'ятаєш, Жунько, як Мора з'явилась у нас? – спитав Кеш. – Вона виповзла з болота така хвора і немічна. Пролізла до нас у містечко. Почала переконувати всіх, яка вона добра і як вона всіх любить. А сама труїла все навкруги. А коли ми це зрозуміли, то вже було пізно. Вона стала сильна і страшна. Звідкись у неї взялися ці потвори. Вони стали нападати на мешканців міста. Хто спробував їй перечити, той зникав безслідно. Все прибрала до своїх лап. Якісь чорні чари розсіяла містом. Знищила всі будинки. Усі рослини стали чорні та сухі. І ти, Мишко, невипадково сюди потрапив. Це все Мора влаштувала. Їй навіщось знадобилося, щоб ти був тут. Тільки навіщо вона це зробила, ми ще того не знаємо.

Мишко твердо сказав:

– Я піду до неї і про все дізнаюся. До того ж у неї мій собака Бублик. Прикро, що в мене нема якоїсь важкої залізяки, щоб тріснути цю стару відьму.

– Чому ж нема? Дещо є, – сказав Кеш. – Не зовсім важка чи велика, але дуже гостра.

– Що це таке? – запитав Жунько.

– А ось що.

Кеш підліз під стареньке ліжко, відірвав якусь дошку і дістав щось замотане в старе ганчір'я. Поклав на стіл і розвернув його.

– Це шабля? Справжнісінька шабля! Звідки вона у тебе? – здивувався Жунько.

– Звідки-звідки, – передражнив його Кеш. – Ти ще був маленький, коли наш батько знайшов її в лісі. Він вважав, що цей меч може принести багато неприємностей. Тому заховав його подалі.

– Він великий та, мабуть, важкий, – спробував доторкнутися до нього Жунько.

– Не лізь, – зупинив його Кеш. – Для тебе, може, він великий і важкий. А для нього він якраз.

– Це для мене? – з надією перепитав Мишко.

– Так, для тебе. В тебе людське серце, вже доросле і мужнє. Ти не злякався, не відрікся від свого друга, хоч бачив, які чудовиська нападають на нас. Ти не втік. Ти захистив нас. І вірю, що зможеш допомогти врятувати нас і свого друга.

Мишко був зворушений цими щирими словами:

– Дякую тобі, Кеше. І всім вам дякую. Я зроблю все можливе, щоб подолати Мору.

Поки Кеш, Жунько та Мишко роздивлялися шаблю, інші мешканці міста озброювались чим могли: хто серпом, хто вилами, а хто просто загострив кийка. Замість щитів вони плели донця від кошиків. А маленькі кошики надягали на голову як шоломи. В цьому обладунку вони виглядали дуже кумедно, наче військо маленьких їжачків. Це були мирні мешканці. Вони не вміли битись, але в них не було іншого вибору. Озброївшись, всі знову зібрались у Кеша. Негласно всі вирішили, що Кеш буде головний. Тому чекали, що він скаже.

– Браття! – звернувся до них Кеш. – Ми більше не терпітимемо! Ми не будемо чекати, поки Мора та її чудовиська нападуть на нас. Ми самі підемо та викинемо її з нашої країни. Хай забирається в своє болото!

– Нас мало, але ми разом!

Присутні підняли вгору свою зброю та вигукнули:

– Геть Мору! Свобода або смерть!

Усі гуртом пішли до міста, де мешкала Мора. Коли вони проходили повз ліс, на дорогу вийшла мати Фруні. Вона підбігла до Кеша.

– Що сталося? – стурбовано спитав Кеш.

– Фруні прийшла до тями, – відповіла мати. – Вона просила віддати тобі це.

Жінка простягнула Кешу хустку. Батько обережно взяв з рук жінки хустку Фруні і поклав собі під кофтинку:

– Це добра новина. Йди, мила, до доньки. Перекажи їй, що батько вас усіх любить.

У жінки з очей потекли сльози.

– Не плач, люба, ми повернемось.

Вони обнялися, попрощались. Загін рушив далі. А жінка зникла в лісі. Загін опинився недалеко від печери, де влаштувала своє лігво страшна Мора. Чим ближче вони підходили, тим сильніше тхнуло багнюкою та газом, тим густішим ставав дим навколо печери. Повстанці задихались, кашляли від цього смердючого диму. Загін підійшов до самого входу в печеру. З нього почулося страшне гарчання. Всі здригнулись, але ні кроку назад не зробили.

– Виходь, стара відьмо! – закричав Кеш. – Виходь і забирайся з нашої країни, якщо хочеш жити!

З печери вирвались чорні хмари диму. З шипінням та скреготом із цих хмар з'явилася стара, потворна та злюча жінка. Її плаття звисало лахміттям, волосся злипались від бруду. Очі схожі на дірки – чорні та злі. А замість рота чорніла крива риска.

– Що це за гомін? Хто тут волає? Хто тут насмілився заважати мені? – прошипіла страшна Мора. – А, це набрід щурів репетує. Вам набридло ваше жалюгідне життя? Ви є пожива для моїх маленьких дітей.

Мора засміялася, показуючи свої гнилі чорні зуби. Мишко вийшов уперед, і хоч дуже хвилювався, але вимовив твердо, дивлячись прямо в злючі очі Мори:

– Ти, лиха відьмо. Ти вбиваєш цих добрих мешканців країни. Ти отруїла все навкруги. Ти забрала мого друга Бублика.

Мора не зважала на те, що казав Мишко. Вона продовжувала насміхатись:

– Дурне хлопчисько! Тобі шкода цих мерзенних нікчем? Вони нічого не вміють, окрім як копатися в землі та рюмсати і тремтіти від жаху. Це сміття буде доброю поживою для моїх створінь. А твій Бублик сам до мене прибіг, бо йому до тебе байдуже. Це моє створіння. Він мій! Геть звідсіля! Але ти, Мишко, можеш теж піти до мене і бути разом зі своїм другом. А ці нікчеми будуть прислуговувати тобі. Я зроблю тебе великим та могутнім. Усі будуть боятись тебе. Тільки віддай мені своє серце. Воно таке палке, треба його охолодити, – сміючись говорила Мора.

– Ти хочеш з мене зробити таку ж потвору, як сама? Мені не потрібні такі почесті, – відповів Мишко.

– А що тут поганого? – продовжувала Мора. – Я навіть звичайну курку перетворила на могутнє створіння. Була звичайна курка, а стала могутнім створінням, яке здатне викрадати дітей.

– Так ось звідки в тебе таке чудовисько, – вихопив шаблю Мишко.

Маленькі воїни кинулися на Мору. Вони намагалися схопити її та витягти подалі від печери. Але Мора швидко шмигнула в своє лігво. А замість неї вискочила потвора, у якої Мишко раніше підбив палицею одну з трьох голів. Дві вцілілі голови з гострими дзьобами намагались клюнути хоробрих маленьких істот. Хоробрі повстанці кидали каміння та списи в чудовисько. Але від нього все відскакувало, навіть не подряпавши. Мишко з шаблею теж підскочив до жахливого створіння. Страшний птах, який колись був куркою, бився крилами об землю, підіймаючи куряву.

– Не дайте йому злетіти! – горлав Мишко.

З різних сторін маленькі воїни підступали до чудовиська. Нарешті їм вдалось накинути мотузку на його шию. З останніх сил крихітки тримали птаха. Мишко, вибравши мить, ударив мечем спочатку одну голову, а потім другу. Чудовисько впало і здохло. Але більшість хоробрих воїнів були теж поранені та змучені. Вони ледь трималися на ногах. З печери долинув страшний стогін, і у проході з'явився неймовірно страшний звір. Це створіння було схоже на велетенського пса. Замість хутра в нього були голки, на лапах залізні пазурі. З рота стирчали великі ікла. Воно шкребло землю величезними лапами, очі горіли люттю. Мишко та його побратими, хто ще міг стояти на ногах, стали пліч-о-пліч, чекаючи нападу страшного звіра. Вони ледве трималися. Все тіло в них було вкрите порізами, очі застилала кров. Вони зрозуміли, що, напевнее, це остання битва, що проти такого звіра їм не встояти. Кешу на мить стало боляче від цієї думки. Він дістав хустку Фруні. На ній були краплі крові. Всі дивилися на неї з жалем. Раптом Мишко простяг руку до хустки:

– Кеш, дай мені хустку.

Кеш протягнув хустку Мишкові. Взявши в руки, він прив'язав її до палиці та високо підняв над головою, як прапор. Хустка була синя, як небо, а посеред неї жовтіла квітка, на пелюстках якої застигли краплі крові. Звір наближався. Вже було чути його дихання. Це була, мабуть, остання мить

боротьби цих відважних створінь. Мишко дивився прямо в страшні очі монстру. Вже зосталось кілька метрів до чудовиська. Жунько всім тілом притиснувся до брата і закрив очі. Раптом на якусь мить Мишко в очах чудовиська побачив щось знайоме та жалісне.

– Бублик, – ледь чутно промовив Мишко. – Бубличку! – вже закричав він. – Друже мій, Бублик, Бублик! Це я, твій друг.

Чудовисько підскочило до Мишка і зупинилося. Його довгий язик облизував брудне обличчя Мишка.

– Який жах! Що вона зробила з тобою? Бідний мій друже, – з жалем промовив Мишко. – Тільки очі твої. Милі, добрі очі. Ти мене впізнав?

Мишко заплакав.

– Пробач мені, Бублику, за те, що я не зміг тебе вберегти. Як тобі допомогти? Мабуть, тобі дуже боляче?

Пес намагався ластитись до Михася. Але від цього ставало ще гірше. Голки, які з'явилися замість шерсті на тілі пса, боляче кололи та дряпали Михася.

З печери знову визирнула Мора. Побачивши, що її вороги живі, вона дуже розлютилась.

– А-а-а-а, дурна собако! – кричала Мора. – Щоб ти була здохла! Ти повинна розірвати цих щурів. А ти ластися до них! Я сама їх уб'ю!

Мора схопила каменюку і жбурнула у бік друзів. Каменюка боляче вдарила наляканого до смерті Жунька. Він зойкнув і впав, як мертвий.

– Жунько! – закричав Кеш. – Ти його вбила, стара відьмо! Бийте цю потвору!

Усі кинулись до Мори. Попереду біг Бублик, за ним Кеш і Мишко. Всі, хто міг хоч якось рухатись, пішли слідом, захопивши кийки, граблі, серпи. Мора, побачивши таку велику юрбу, перелякано заметушилася. Вона намагалася втекти, але вже було занадто пізно. Бублик вчепився в неї тими іклами, що йому зробила Мора, і рвав її спідницю на шматки. Малі воїни били її зі всіх сторін. А Мишко, наставивши на неї гостру шаблю, голосно закричав:

– Здавайся!

Мора завмерла.

– Розвертайся та йди до болота! – твердо наказав Мишко.

– Ні, ні, ні! – заверещала вона. – Мені не можна. Я там загину.

– Йди, бо я тебе проштрикну цією шаблюкою.

Всі почали штовхати Мору, хто чим міг, до самого болота. Виштовхавши її на великий камінь на краю болота, Мишко наказав їй стрибати. Мора опиралася та чіплялася за каміння. Але вже ніщо її врятувати не могло. Вона булькнула в болото. Настала така тиша, що всі стояли, боячись поворухнутись, і дивились, як змикається трясовина над головою страшної відьми.

– Нарешті вона загинула.

– Пішли додому, – сказав Мишко.

Всі розвернулися і повільно мовчки пішли назад.

Жунько лежав із закритими очима на пагорбі. Друзі підійшли до нього.

– Жунечко, ти живий? – запитав Кеш.

Жунько застогнав і відкрив очі.

– Мабуть, ні, – тихенько відповів він.

Кеш посміхнувся.

– Чого ти смієшся? Бачиш, який я поранений отут лежу. Ледь дихаю, а ти якісь дурні питання ставиш. Ой, дивіться!

Жунько простягнув руку до неба. Всі подивились угору. Між чорних хмар з'явився невеликий клаптик голубого неба. Клаптик розростався дуже швидко, і незабаром на небі засяяло яскраве сонце.

Мишко та Бублик зібрались іти додому. Вони попрощалися з мешканцями міста. Тим було чим зайнятись: усі прибирали вулиці, будували справжні будинки, саджали рослини. Тому проводити Мишка та Бублика доручили Жунькові. Вони поверталися тією ж стежкою, якою йшли до міста. Але все змінилося. Навкруги буяла зелень і пахло квітами.

– Як ти будеш з ним повертатись додому? – запитав Жунько, показуючи рукою на колючого собаку.

– Якось буде, – відповів Мишко. – Аби був живий.

– Йому навіть кофтинку не можна пошити. Все одно вся в дірках буде, – бурчав тихенько Жунько.

Вони дійшли до кінця стежки. Далі був світ, де жив Мишко. Треба було тільки вийти з чагарників.

– От і все, – тихо мовив Мишко.

– Може, ще зустрінемось, – сумно відповів Жунько. – Приходь до нас гостювати. Можна навіть із цією колючкою.

Вони обнялись. Бублик весело плигав коло них.

– Ти справжній друг, – сказав Мишко Жунькові. А Бублик лизнув його в обличчя.

– Ти теж. Прощавай, друже.

Мишко вийшов до річки. Все було, як і раніше. Нічого не змінилося. Вони удвох плигнули у воду і вже швидко перепливли на другий берег. Першим вибрався з води Бублик. Він струсив воду зі спини. Ніяких голок уже не було. Чари зникли. Мишко обняв свого друга, взяв вудки, і вони обидва пішли додому, де на них чекала бабуся.

Сергей ПИСКУРЁВ

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ, или ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

Рождественская мистерия конца XX века
для детей от 6 до 60 лет и их родителей.
По мотивам Ганса Христиана Андерсена

Пискурёв Сергей Евгеньевич. Поэт, публицист, драматург, культуролог. Родился 7 апреля 1960 года в г. Рыльске Курской области (РФ). Автор поэтических сборников «Франсуа Вийон и другие неудачники» (1999), «В ожидании лифта» (2003), «Походный алтарь» (2009), документальной повести «Червоні коліщатка. Миколаїв. Рік 1917» (2007). На театральных подмостках Украины создал спектакли по пьесам «Господин Шаботе, или Кот в сапогах», «Тристан и Изольда, или Укрощение Эроса», «Девочка со спичками, или Избиение младенцев». Работал собственным корреспондентом первого культурологического журнала независимой Украины «Art line». Автор музейных выставочных проектов и экспозиций, в том числе «концептуального» триптиха «Театральный разъезд – 2000 (Йохан Хёйзинга)», «Сказка моей жизни (Г. Х. Андерсен)» (2005), «Предчувствие гражданской войны (Сальвадор Дали)» (2007). Член нескольких творческих союзов.

Действующие лица:

СИДЯЩИЙ ПО ПРАВУЮ РУКУ.
МАТЬ, она же КОРОЛЕВА ЦВЕТОВ.
ИДА, девочка со спичками, она же ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМСКАЯ.
МАРЕН С ЛОКОНОМ, она же АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ.
ПРЕКРАСНАЯ ДАМА, она же СМЕРТЬ.
БУРГОМИСТР КНАП, он же ТРОЛЛЬ, он же ДЕД МОРОЗ.
ЦВЕТЫ, они же ДЕТИ, они же ВОЛХВЫ.

Двое из этой группы актёров разыгрывают пантомиму жизни КАИНА и АВЕЛЯ.

Действие происходит в сочельник 18… года в датском городе Оденсе, где родился Ганс Христиан Андерсен. Впрочем, это может произойти везде и всегда, но только в канун Рождества.

В спектакле использован миф о Каине и Авеле в пересказе Н. Гребневой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
Картина первая. ЦВЕТЫ СЧАСТЬЯ

На пустой тёмной сцене, в холодном болезненном излучении, только что распустившиеся ЦВЕТЫ. Непритязательные маргаритки, незабудки, ромашки.

ПЕРВЫЙ ЦВЕТОК. Как холодно. Снег идёт, и сумерки сгущаются. Я замёрз, окоченел совершеннейшим образом. Мне кажется, что сегодняшний вечер последний в моей цветущей жизни. (*Второму.*) Ты спишь?

ВТОРОЙ. А ты?

ПЕРВЫЙ. Я же с тобой разговариваю.

ВТОРОЙ. Может, ты бредишь во сне…

ТРЕТИЙ. Ах, помогите мне поднять головку. Она совсем поникла от холода. (*После того, как ему оказывают помощь.*) Нас бросили. Нас забыли. К нам уже никто не придёт.

ЧЕТВЁРТЫЙ. Не напоит нас. Не накормит. Я хочу пить. Дайте мне пить.

ПЯТЫЙ. С утра вода стала льдом. А сейчас вечер. Мороз разукрасил окна. Смотрите, на них расцвели мёртвые цветы. Мы скоро станем такими же, как они.

ТРЕТИЙ. Ах, не пугай нас, не пугай. Мне и без того страшно.

ПЕРВЫЙ. Друзья, давайте обнимемся лепестками и будем согревать друг друга.

ВТОРОЙ. Ах, я так ослаб, я даже не могу дотянуться до тебя. Я продрог до самых пестиков.

ЧЕТВЁРТЫЙ. У меня от холода тычинка на тычинку не попадает.

ПЕРВЫЙ. Но где же Ида, наша маленькая добрая Ида? Чтобы она бросила нас?! Этого не может быть!

ЧЕТВЁРТЫЙ. Она так любила нас, так ухаживала за нами!

ПЯТЫЙ. И мы расцвели к самому Рождеству, чтобы хоть как-то украсить праздник для Иды и её матери. Ведь у них не будет рождественской ёлки.

ПЕРВЫЙ. Ведь они так бедны…

ВТОРОЙ. Так несчастны…

ТРЕТИЙ. Они вынуждены снимать этот жалкий чердак. И мы вместе с ними. (*Шёпотом.*) Тише, тише. Вы слышите? Кто-то скребётся. Сюда идут. Страшно, ой страшно…

Из ниоткуда появляется козлоногий ТРОЛЛЬ, с хвостом, рогами, клыками, но, по существу, отъявленный прохвост.

КОЗЛОНОГИЙ. В доме ни одной спички? Наконец-то. Что, страшно? Будет ещё страшнее, когда на этой жилплощади поселюсь я. Холодно? Будет ещё холоднее. Темно? Будет ещё темнее. *(Цветам.)* А вас на свалку! В выгребную яму! Куда после праздников отправляются абсолютно все предметы на свете. В том числе и такая долгожданная, такая нарядная хвалёная ваша рождественская ёлка. *(Глубокомысленно.)* Закон природы. Диалектика-с. *(Зрителям.)* Что, разве я не прав? То-то же. *(Благодушно.)* Правильно. Так и делайте. Продолжайте в том же духе. Рубите леса. Рубите под самый корень. Ели, сосны, дубы, кипарисы, баобабы. Топчите цветы. Бросайте камнями в звёзды и плюйте на них. А потом всё на свалку. Ох, доберусь я до этого чердачка! *(Приосанивается, оставляет ужимки мелкого беса, голос мощный и властный, многократное эхо повторяет реплику.)* И тогда в этом прекрасном, пустом и огромном, холодном-прехолодном дому поселюсь я. *(Обычным тоном, доверительно.)* Кстати, с первых этажей уже выселили жильцов. За неуплату. Выселили вперёд ногами. Как там в песенке поётся?

Скрип, скрип,
Скрипепец,
Вот и песенке конец!

Впрочем, я ещё не самая большая напасть. Я всего лишь тролль. Хоть и главный. Обер-тролль. *(Заговорщицки.)* А сейчас к нам пожалует кто-то поглавнее. Поглавнее да ой как пострашнее. Крибле! Крабле! Бумс!

Проваливается туда, откуда появился, одновременно производит оглушительный звон, словно на сцену рухнула груда битого стекла.

ГОЛОС КОЗЛОНОГОГО *(за сценой).* Фу ты, чёрт меня подери, нечистая же я сила, не к ночи будь помянута. Ну какой же я всё-таки неловкий! Опять зеркало разбил. Надо же. И поранился к тому же! Хвост себе порезал. *(Уже звучащим мощным и властным голосом с угрозой и раскатистым эхом.)* Итак, зеркало разбилось, господа. Отсчёт времени начался. Зеркало разбилось. Так знайте и помните. Счастливого Рождества, господа! Счастливого вам Рождества!

Сатанинский хохот.
Пауза. Полная тишина. Только шёпот ЦВЕТОВ, которые испуганно обсуждают пережитое событие.

ПЕРВЫЙ. Стало ещё холоднее, ещё страшнее. Снег всё валит, и ночь опустилась.

ВТОРОЙ. Последняя ночь накануне Рождества. А Иды всё нет и нет. И матери нет.

ТРЕТИЙ. Мне страшно. Скажите, кто это был? Опустите мне головку, я не желаю видеть и слышать. Лучше замёрзнуть!

ЧЕТВЁРТЫЙ. Этот козлоногий обещал, что ещё кто-то будет. Пострашнее его.

ПЯТЫЙ. Страшней, я думаю, не бывает.

Пауза.

ТРЕТИЙ. Я хочу пи́сать.

ЦВЕТЫ. Что-о?!

ТРЕТИЙ *(рдея всеми лепестками).* Я хочу пи́сать. Прикройте меня, пожалуйста.

ЦВЕТЫ дружно прыскают.

Ну что вы смеётесь? Ну что здесь такого? Прикройте меня. Я стесняюсь. Надо такого страху натерпеться!

ЦВЕТЫ становятся в кружок.

ПЕРВЫЙ. Что ты там мешкаешь?

ТРЕТИЙ *(из-за спин товарищей).* Не могу же я в горшочек, в котором расту.

ВТОРОЙ. Не отходи далеко. Ведь кто-то страшный придёт. Нужно тихонечко расти себе и ждать.

ЧЕТВЁРТЫЙ. А хорошо всё-таки, что мы расцвели под Рождество. За окнами, наверное, весело, люди спешат домой, где пахнет жареным гусём, начинённым черносливом и яблоками. Снег скрипит под ногами…

ПЯТЫЙ. Дети играют в снежки, катаются со снежных гор…

ТРЕТИЙ *(из-за спин товарищей, мечтательно).* И сосут леденцы. Таких больших-пребольших петушков на палочке. Я всё-таки страшно проголодался.

ПЕРВЫЙ. А в каждом окне нарядная ёлка переливается сотнями огоньков. У печки тепло, кот мурлычет и сверчок поёт. И у нас тоже могло бы так быть. Но почему Ида и её мать так бедны? Ведь они работают от зари до зари. Ой, посмотрите, посмотрите в окно!

ЦВЕТЫ. Что? Что такое?

ПЕРВЫЙ. Небо. И звёзды на небе.

Над сценой зажигается звёздное небо, оно мерцает и переливается.
Взгляды ЦВЕТОВ устремлены вверх, звучит волшебная музыка.

ПЕРВЫЙ. Одна звёздочка покатилась по небу и оставила за собой длинный огненный след.

ВТОРОЙ. Кто-то умер.

ЧЕТВЁРТЫЙ. Почему?

ПЯТЫЙ. Ведь мы же все не раз слышали, как Идина мать частенько говаривала ей: «Когда падает звёздочка, чья-то душа отлетает к Богу».

Пантомима. Музыка обрывается рёвом пикирующего бомбардировщика. Взрыв. Яркая вспышка света. ПЕРВЫЙ ЦВЕТОК успевает крикнуть: «Ложись!» Четверо, как снопы, падают ниц, открывая на всеобщее обозрение своего товарища, который, застигнутый врасплох и комично оправляя свой туалет, наконец-то следует за остальными. Некоторое время на сцене кромешная темнота. Вступает музыка неотвратимого рока. Шаги надвигающегося великана. В световом пятне пять ЦВЕТКОВ, распластавшихся на земле, в такт шагам содрогающихся и готовых забиться в любую щель. Шаги приближаются и останавливаются. Затемнение. Свет. Вместо ожидаемого великана вокруг ЦВЕТОВ порхает ПРЕКРАСНАЯ ДАМА, весёлая, даже легкомысленная. ДАМА одета по последней моде прошлого века. Платье – нечто немыслимо корсетно-турнюрное. Очаровательная меховая шапочка с вуалью. В одной руке – стек и, странное дело, нелепый фанерный чемодан, обшарпанный и покрытый плесенью, в другой. На протяжении спектакля ДАМА будет оставлять его без присмотра повсюду, но при передислокации автоматически подхватывать его с собой, как бы далеко чемодан от неё ни был. Контраст между шикарным костюмом ДАМЫ и затрапезным чемоданом никого не будет смущать. Словом, ДАМА – явная иностранка.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА. Ах, какие милые, какие чудные цветочки! Флёр! Флёр! Я так хотела вас видеть. Я обожаю всякую бутафорию.

ЦВЕТЫ постепенно оправляются от шока.

ПЕРВЫЙ. Мы не бутафория. Мы живые.

ДАМА. Живые? Превосходно! Экселан! Ты хотел сказать, пока живые?

ПЕРВЫЙ. Я хотел сказать то, что сказал.

ВТОРОЙ. Не спорь с ней.

ТРЕТИЙ. Она такая красивая.

ЧЕТВЁРТЫЙ. Она такая добрая.

ПЯТЫЙ. Вы – добрая фея?

ДАМА. В каком-то роде – да. Зовите меня просто Прекрасной Дамой, мои чудные, милые… никчёмные сорнячки. Я вам нравлюсь? Жэ ву плэ?

ЦВЕТЫ. Да. Очень. Вы – настоящая Прекрасная Дама. Мы такой в жизнь не видывали.

Д А М А . А кого вы видывали? В жизнь?

П Е Р В Ы Й . Маленькую Иду и её мать. Но они – нищие. А вы такая богатая и… красивая.

В Т О Р О Й . А ещё мы *(подражая иностранному акценту Дамы)* ви-ды-ва-ли какого-то козлоногого.

Д А М А . Козлоногого? Чудесно! Манифик! Думаю, вы увидите его ещё не один раз, мои деточки, цветочки жизни. А вот Иду и её мать…

П Е Р В Ы Й . Где они?

Д А М А . У меня от них к вам добрые новости. Бон нувель. Они вас предали.

П Е Р В Ы Й . Как?

В Т О Р О Й . Как?

Т Р Е Т И Й . Как?

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Как?

П Я Т Ы Й . Как?

Д А М А . Как-как. И так, и сяк, и эдак. Они бьются.

Ц В Е Т Ы . С кем?

Д А М А . Не с кем, а за что. Бьются за эк-зи-стен-ци-я. Как это будет по-датски? За су-щест-во-ва-ни-е. И, по-моему, даром бьются. Так что к началу представления не ждите. Впрочем, всё это скоро кончится. Фини.

П Е Р В Ы Й . Как это фини? С ними что-то случилось?

В Т О Р О Й . Они перестали быть добрыми?

Т Р Е Т И Й . Они стали злыми?

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Они разлюбили нас?

П Я Т Ы Й . Им плохо?

Д А М А . Нет, что вы, им хорошо. А будет ещё лучше. Впрочем, довольно об этих нищенках. Об этих мизерабль. В моём распоряжении только одна ночь. Если я не успею… *(Брезгливо.)* Ох уж это Рождество. Этот Ноэль. Праздник нищих. Нищих духом, которые что-то там унаследуют… не помню что. *(Меняя тему разговора.)* Как вам нравится мой новый букет? Это шанель номер пять. Принюхайтесь.

Ц В Е Т Ы обнюхивают Д А М У.

П Я Т Ы Й . Но мы же не знали ваш букет шанель номер четыре.

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . И три.

Т Р Е Т И Й . И два.

В Т О Р О Й . И один.

Д А М А *(хохочет).* Ах, я путаюсь. Же ме сюи тромпэ. Что же я спрашиваю о запахах у живых цветов. Цветы так неискушённы, так невежественны. Сан эдюкасьон. Я очень-очень люблю вас. Я должна о вас позаботиться… Так сказать, подготовить вас к…

Ц В Е Т Ы . К чему?

Д А М А . К выходу. Выходу ваших хозяек. Во метресс. Я их тоже очень люблю. Прямо обожаю. И хочу, чтобы они выглядели великолепно.

П Е Р В Ы Й . Вы их приглашаете на бал? Так значит, вы их тоже любите? Точь-в-точь как нас? А уж как они вас полюбят. *(После паузы.)* …или уже полюбили?

В Т О Р О Й . Они такие добрые, такие заботливые, такие самоотверженные… Они достойны приглашения на бал.

Т Р Е Т И Й . Они работают не покладая рук. Маленькая Ида продаёт на улицах города спички. Прекрасные серные спички. От них может быть очень тепло.

Аттракцион. Начинается теневая пантомима. На мостках силуэт хрупкой женщины.
Она то ли стирает, то ли бьётся у креста в пароксизмах безутешного горя.

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . А её мать – подёнщица. Стирает на реке у добрых людей бельё. И сейчас, наверное, тоже стирает. Стоит в ледяной воде и колотит валиком мокрое тяжёлое бельё.

П Я Т Ы Й . Течение сильное… мельничные шлюзы отперты. Простыню, которую она полощет, так и рвёт из рук, скамья тоже грозит опрокинуться, а прачка просто из сил выбивается…

П Е Р В Ы Й . Она работает изо всех сил, кровь у неё чуть не брызжет из-под ногтей, а всё затем, чтобы купить нашей маленькой Иде хоть какое-то пальтишко и ботинки.

В Т О Р О Й . Вот и сегодня утром девочка ушла налегке в огромных деревянных башмаках на босу ногу, которые прежде носила её мать.

Т Р Е Т И Й *(хлюпая носом).* И всё равно они зарабатывают сущие гроши, да и те уходят докторам и аптекарям, потому что маленькая Ида кашляет. И пальтишка не будет. И мы, как назло, расцвели.

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й *(подвывая).* И всё равно люди называют их пропащими. А прачку – так и в глаза. А всё потому, что бедная женщина раз-другой и приложится к бутылочке, а люди глотки-то и считают. Особенно городской бургомистр обер-господин Кнап.

П Я Т Ы Й *(навзрыд).* Они нищие, но они самые чистые, самые кроткие, самые невинные души.

Д А М А *(похлопывая стеком о ладонь).* Стоп, стоп, стоп. Сэ тассэ.

Экранная пантомима гаснет.

Я уже обожаю этих Золушек. Особенно после вашего рассказа. Да я без них уже просто жить не могу. Я желаю, чтобы они были красивы и счастливы, как самые настоящие принцессы.

Ц В Е Т Ы . Правда?

Д А М А . Ну да. Мэ уи. Вот что я сделаю. Я навсегда украшу вами их лбы.

Ц В Е Т Ы . Правда?

Д А М А . Но, как вам сказать, вы ещё не совсем в той кондиции. Вы ещё… слишком живые. Тро вив. Бедные мои, вы так озябли, так подурнели. В конце концов, я должна приголубить вас. Дайте я расцелую ваши кукольные, ваши цветочные, ваши узенькие лобики.

Целует цветы.

П Е Р В Ы Й . О, что вы делаете? Ваши поцелуи ужасны. С утра я погибал от холода, но сейчас стало ещё холоднее, так холодно, что я согреваюсь. Мне жарко. Я… понимаю. Я начинаю понимать.

В Т О Р О Й . Ещё, целуйте меня ещё. Как хорошо. Как сладко. Как больно. Какая вы добрая.

Т Р Е Т И Й . Я боюсь вас, и потому мне так хорошо с вами.

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Вы обжигаете меня льдом. Я теряю память. Пожалуйста, ещё один поцелуй. Я хочу забыть всех. Я никого не знаю. Только вас.

П Я Т Ы Й . Точно так я буду обнимать лоб моей любимой, моей несравненной маленькой Иды.

Д А М А . Дорогие мои сорнячки, белый саван и мёртвые цветы так идут, так к лицу всем этим чистым и кротким душам. Чего же большего желать под Рождество? Это лучшая мода для всех неудачников. Адьё, мои ненаглядные. Прощайте. Привет от Прекрасной Дамы.

Удаляется в бравурном вальсе.

В то время, как на сцене некоторое время продолжается пантомима сладкой агонии ЦВЕТОВ, среди зрителей, неожиданно для них, появляется девушка-нищенка. Это ИДА, девочка со спичками.

Картина вторая. ПРАЗДНИК В ДОМЕ ГОСПОДИНА КНАПА

И Д А *(бойко; актриса, исполняющая роль Иды, никоим образом не должна заигрывать с залом, она знает известную только ей цель).* Покупайте спички! Превосходные серные спички! Зажигаются с первого раза! Потому что это самые настоящие, самые шведские спички. Покупайте, покупайте! Не стесняйтесь. Дёшево, почти задаром! Я уже продала сегодня довольно, но у меня ещё осталось. Совсем чуть-чуть. Господин, вам не нужны спички? А-а, вы обходитесь японской зажигалкой… Не беда. Зато спички – лучший подарок. Какой интерес зажигать свечи на рождественской ёлке зажигалкой? Да ещё японской. А вот этому малышу, чур, спичек не давать. *(Ребёнку.)* Ты хорошо усвоил, что шалости с огнём приводят к беде? Дети, а по какому номеру телефона необходимо звонить при пожаре? 101? Правильно! Давайте повторим хором. При пожаре нужно звонить по номеру 101! *(Чем дольше Ида бродит по рядам, бойкости всё меньше.)* Ну почему вы не хотите спичек? Если честно, сегодня я не продала ни одной. И вчера тоже. И позавчера. У нас с мамой нет ни гроша. У нас нет даже хлеба. А завтра Рождество. А я ещё должна сходить на реку проведать бедную мамочку и отнести ей кое-что. Пожалуйста, купите. Не хотите? Я даже забросила свои цветочки. Я их посадила для маминого счастья. Ведь она так больна! Она у меня кашляет. Что она без меня! Я – её единственная опора. А вдруг цветы погибнут без меня? Нет, это невозможно. Я их так люблю. А если быть ещё более честной, я ужасно продрогла. Не верите? Пожалуйста, не могу пошевелить ни ногой *(шевелит рукой)*, ни рукой *(шевелит ногой).* Вот видите, от мороза всё делается шиворот-навыворот. А ещё я ужасно голодна. Может, у вас найдётся какая-нибудь крошка?..

Такой или подобный монолог ведёт актриса, исполняющая роль Иды. Впрочем, можно положиться на её импровизаторский талант. Главное, чтобы общение с залом не перешагнуло грань разумного и приём не наскучил зрителям.

Сцена освещается ярким светом. Предпраздничное настроение. Снег, мишура, огни. Молодёжь резвится. Нарядные дети скатываются с горок, играют в снежки, сосут леденцы на палочках. Яркая сцена пугает Иду в полутёмном зале. Она прячется среди зрителей или где-нибудь неподалёку от сцены.

Можно я пересижу рядышком? Я нисколько не обеспокою. Просто я не хочу попадаться вот этим на глаза *(показывает на актёров на сцене)*, а пуще – на их языки. А языки-то у них будь здоров, не хуже мельничных жерновов. Им почему-то жутко нравится издеваться надо мной, а главное, над моей бедной мамочкой. Если они ещё раз тронут меня, я за себя не ручаюсь. Я им такое устрою… Долго они меня будут помнить.

ПЕРВЫЙ РЕБЁНОК. Господа, господа, довольно! *(В нос ему летит снежок.)* Вы, козлы, кончайте! Мой папá, обер господин Кнап, а также бургомистр нашего города, приглашает всех на небольшой званый ужин. Всех да не всех. Тех, чьи фамилии заканчиваются на «сен», просим не беспокоиться. Родак говорит, что нам, именитым, нужно держаться подальше от всяких «сенов». Не хватало, чтобы припёрся какой-нибудь АндерСЕН.

ВТОРОЙ. Ой, прямо не могу! Ой, напугали! Моя фамилия – Массен. А фамилия Кнапшиквакши – самая голимая, самая гнилая во всём Датском королевстве! Жидовская! Вот мой родак Массен…

ТРЕТИЙ. Да вы оба гоните! Мой родак, то есть папá, – газетчик. Он – самый главный! Его все боятся. Он может и про твоего папýу, и про твоего папý в газете такое пропечатать!..

ЧЕТВЁРТЫЙ. А мой папá – банкир, он твою газету в натуре купит!

ПЯТЫЙ. А мой… а моя… а мои…

На сцене была бы потасовка, если бы кашель ИДЫ не выдал её с головой.
Дети устремляют на девочку взоры.

ДЕТИ *(ёрничая)*. Цып-цып-цып…

Как загипнотизированная, ИДА поднимается на сцену. Её окружают и начинают толкать по кругу.

ПЕРВЫЙ. Ой, смотрите, кто к нам пожаловал! Снежная королева!

ВТОРОЙ. Дюймовочка, много наторговала? На целого гуся?

ТРЕТИЙ. Нет, она – Русалочка. Наверное, на целого поросёночка.

ЧЕТВЁРТЫЙ. Нет, она – Принцесса на горошине! Полюбуйтесь на её ходоки!

Подножка – ИДА падает.

ПЯТЫЙ *(хватает башмаки и подбрасывает вверх)*. Да это настоящие пароходы. И они отправляются в кругосветное путешествие. Наперегонки друг с другом. А ну-ка догони!

ИДА *(поднимается, гневно)*. Что я вам сделала! Вы – злые, вы – жестокие, вы… вы… нехорошие дети.

Входит БУРГОМИСТР КНАП. Фрак и цилиндр. Безукоризненный джентльмен.

КНАП. Дети, не шалите. Вы – цветы жизни. *(Иде.)* Ты славная девочка. Почтительная девочка. Мать твоя, верно, полощет бельё на реке, а ты тащишь ей кое-что? Вижу, торчит из кармана. Скверная привычка у твоей матери! Что у тебя там?

ИДА. Спички, бургомистр обер господин Кнап.

КНАП учиняет обыск. Из карманов извлекаются и сыплются на землю спички. Наконец обнаруживается крохотный флакончик и победно поднимается над головой. Детское улюлюканье.

КНАП. Пропащая она женщина! Просто беда с этим народом! Скажи своей матери, что стыдно ей! Да гляди, сама не сделайся пьяницей! Впрочем, что и говорить, конечно, сделаешься! Дети, вот дурной пример для подражания! Ну, чего же ты стоишь? Ступай.

Появляется горбатая МАРЕН С ЛОКОНОМ, хромая на обе ноги.

ПЕРВЫЙ. Ведьма! Ведьма!

В Т О Р О Й . Хромая Марен с локоном притащилась!

Т Р Е Т И Й . Горбатая Марен с локоном!

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Она появляется раз в сто лет!

П Я Т Ы Й . Спасайся, кто может!

Д Е Т И бросаются врассыпную.

М А Р Е Н С Л О К О Н О М . Стыдно, голубчик, стыдно. Можно ли говорить дурно ребёнку о его же собственной матери? Небось, сами пьют – не считают, и они не пьяницы, все люди достойные, а ты вот «пропащая».

Спокойно берёт флакон у К Н А П А и возвращает его И Д Е .

Ступай, ступай. Отнеси матери. Бедняжке вот как приходится работать. Даже в Рождество стоять по колено в ледяной воде. Как тут не выпить, чтобы согреться?

И Д А удаляется босиком.
Впархивает П Р Е К Р А С Н А Я Д А М А .

П Р Е К Р А С Н А Я Д А М А . Бургомистр обер господин Кнап?

К Н А П . К вашим услугам, сударыня.

Д А М А . Вам телеграмма. А я вас узнала!

К Н А П . Мы были знакомы?

Д А М А . Нет ещё. Па занкор. Но я знавала ваших дедушек и даже прадедушек.

К Н А П . Для вашего возраста вы прекрасно выглядите.

Д А М А *(кокетничая).* Это комплимент, шалунишка? Сэ комплеман?

Легонько хлопает телеграммой К Н А П А по носу.

К Н А П *(читает).* Бургомистру обер господину Кнапу. Телеграмма. В самом центре Копенгагена, зэпэтэ, на Восточной улице, зэпэтэ, недалеко от Новой Королевской площади, зэпэтэ, в сумасшедшем доме для бедных, зэпэтэ, скончался всеми любимый ваш младший брат Иосиф Кнап. Тело выносили вперёд ногами, но по дороге потеряли. Было ужасно весело. Играли в фанты. Примите наши поздравления. С приветом. Бедные сумасшедшие. Ждём ответа, как соловей лета.

Роняет телеграмму.

Д А М А . Там написано ещё – тэчека. Ну, как подарочек? Добавлю от себя, что теперь вы – единственный владелец состояния Кнапов.

К Н А П . О, сударыня, я потрясён… У меня нет слов…

Д А М А . Как у вас дела с недвижимостью?

К Н А П . Трудно, очень трудно. Эти доходные дома совсем не приносят дохода. Представляете, селятся одни нищие духом. Мода прямо такая пошла. А какой звук можно извлечь из пустого брюха?

Д А М А . Послушайте моего совета. Прихватизируйте. Выселяйте. Выселяйте вперёд ногами.

Оба понимающе хихикают. Замолкают, так как мимо ковыляет М А Р Е Н С Л О К О Н О М .

М А Р Е Н *(Кнапу и Даме, могильным голосом).* Зеркало разбилось, господа! Отсчёт времени начался. Зеркало разбилось. Так знайте и помните! Счастливого Рождества, господа! Счастливого вам Рождества!

Удаляется.

Д А М А *(страстно).* Господин Кнап, мне нужна услуга за услугу.

К Н А П *(столь же страстно).* Я весь внимание, сударыня.

Д А М А . Уступите мне детей вашего города. Одной нищенки мне недостаточно. Мне необходимы дети из лучших домов. Например, ваш собственный ребёнок…

К Н А П . О, сударыня…

Д А М А . Господин Кнап, даже царь Агамемнон принёс собственную дочь Ифигению в жертву государственным интересам.

К Н А П . Это что-то из древней истории? Я не силён. *(Пытается порывисто обнять её.)* Как хорошо вы владеете древней историей!

Д А М А *(загораживаясь чемоданом).* О, я владею не только древней, но и новейшей. Признаюсь, все эти истории из истории мне порядком наскучили. Мне скучно. Же маннюи. А не поджечь ли нам богатый дом, господин Кнап, особенно если в кармане спички, а пальцы на руках и ногах

окоченели от холода, и в желудке пусто, и жильцы дома тебе ненавистны, а впереди – ни-че-го, кроме нищеты и болезней? А? Как вы считаете?

Последующая сцена развивается с прогрессирующим абсурдом. В музыкальных приёмах, темпе, поведении персонажей, пластике. Начало абсурду кладёт испепеляющее танго смерти КНАПА и ДАМЫ. Причём в танце ведёт ДАМА. ДЕТИ, как любопытные чёртики, появляются из-за кулис. Понимая, что на их улице праздник, паясничают, передразнивая поведение взрослых. Пантомима. На фоне основного действия ИДА, как сомнамбула, с четырёх сторон пытается поджечь это самое действие. Ей не удаётся. Спички ломаются и гаснут. Она имитирует, что приносит хворост, дрова, раздувает огонь. ДАМА будет вести себя довольно странно, поддерживая сложную пантомиму: принимать активное участие в основном действии, но иногда отвлекаться к ИДЕ, каждый раз прихватывая чемодан, подгонять её стеком, чтобы та поторапливалась.

ДАМА *(в ритме танго).* Господин Кнап, у меня… связи, огромные связи во всех канцеляриях монархических республик и республиканских монархий, все министерства демократических тираний и тиранствующих демократий – в моём ведении. Лампасы и пампасы – также мои. А погоны? Погонные метры погонов! Я и только я распределяю портфели.

На протяжении её монолога КНАП возводит очи вверх, кусает губы
и вожделенно стонет от разворачивающихся перспектив.

ДАМА. Какой портфель вы хотите? *(Обольстительно шепчет.)* Только не молчите. Говорите, говорите. Жёлтый? Зелёный? Красный? Коричневый? А может, голубой? О, только не молчите. С Микки Маусом или Бэтменом? А то есть ещё такие – всё с кнопочками, с кнопочками… их так интересно расстёгивать и застёгивать. Обер господин – разве это звание? Завтра вы будете обер унтер господином. Повышение за каждого ребёночка. Первого задушат, второго засушат, третьего зажарят, четвёртого ошпарят…

КНАП. Я согласен, я согласен…

ДАМА зашвыривает КНАПА в кулису.
Роковые страсти-мордасти вырождаются в анимацию и канкан.

ДАМА *(зовёт, сюсюкая и поигрывая стеком).* Ребятки-утятки, ребятки-утятки! Ко мне, сюда! Готова еда! Кря-кря-кря! Канкан! Канкан! Аллонзанфан!

ДЕТИ, как утята, сбегаются к ДАМЕ и канканируют.

Получите рождественский подарочек! Этакий пти Ноэль! Опля!

Извлекает из чемодана большой глобус, отбрасывает за ненадобностью фанерку,
та раскалывается. Как учительница в чёртовой школе – экзаменует.

Утятки догадливы, что ЭТО за штучки?

ДЕТИ. Мы знаем! Знаем!

ДАМА. А кто ЭТО ВСЁ устроил?

ДЕТИ. Не мы! Не мы! Мы не хотели! Мы не виноваты!

ДАМА. Так кто хочет ответить за ЭТО ВСЁ первым? Кто у нас самый умненький-разумненький? Кто у нас самый смеленький? Что ЭТО? Кэскёсэ-э-э?

ДЕТИ тянут руки и ноги.

Ну, вот ты, мой сладенький, мой самый гаденький утёночек.

ПЕРВЫЙ. Это земной шар.

ДАМА *(сделав гримасу).* Фи! Совсем холодно.

ВТОРОЙ. Это футбольный мяч!

ДАМА. Верно.

ТРЕТИЙ. Это арбуз!

ДАМА. Ого! Молодец.

ЧЕТВЁРТЫЙ. Это кочан капусты!

ДАМА. Наивысший балл за весь период обучения!

ПЯТЫЙ *(стараясь быть оригинальным).* Это… это… яйцо вымершего динозавра!

ДАМА. Колоссально! Колоссаль! *(Вместо отдельных французских словечек вворачивает длинную немецкую фразу.)* Динг хат зайне цайт, аллес цу зайнер цайт. Всякому овощу своё время. И я позабочусь, что таким динозавром станет человек. В вас воспитан здоровый плюрализм. Я вам

ЭТО дарю. Можете делать с ЭТИМ всё что угодно. И как можно быстрее. Шнеллер! Шнеллер! Наследуйте ЭТО, плодитесь и размножайтесь. Африку можете менять местами с Антарктидой и наоборот. Играть в футбол, а то и просто продырявить.

Швыряет глобус Д Е Т Я М . Дружное «ура». Вакханалия продолжается.

Д А М А выуживает К Н А П А , который значительно хуже ориентируется в пространстве, причём в нём проявляется ярко выраженная козлоногость: хвост, когти и т.д. Д А М А седлает его верхом и, подстёгивая стеком, гарцует.

Д А М А . Ребёночка! Вашего ребёночка! И с этого мига вы – обер унтер генерал капитан сержант, бургомистр Кнап.

К Н А П галопирует с Д А М О Й на плечах.

К Н А П *(слова перемежает конским ржанием).* Брат… сумасшедший дом… состояние… обер… унтер… брат… спички… Рождество… сумасшедший дом… генерал… капитан… сержант… спички… состояние… брат… брат…

Падает. Ползёт, повторяя абракадабру.

Д А М А *(хищно впиваясь в Первого ребёнка).* Гадёныш, с этого момента ты – обер унтер генерал капитан сержантский детёныш.

П Е Р В Ы Й *(отдавая честь Даме).* Ура-а-а!

Д А М А . Боец! А знаешь, какие обязанности возлагает на тебя столь высокое звание?

П Е Р В Ы Й . Так точно! Делать всё, что хочу!

Д А М А . А ещё? Отвечать по уставу!

П Е Р В Ы Й . Смотреть на всех вот так.

Показывает, как он будет смотреть на всех.

Д А М А . Молодец! Орёл! Запомни пароль: позволено всё!

П Е Р В Ы Й . Пароль: позволено всё!

Д Е Т И . А ещё, а ещё что ты будешь делать?

П Е Р В Ы Й . А ещё я буду орать каждому из вас: «Пошёл вон, скотина!»

В Т О Р О Й . Фу-ты, ну-ты, какие мы!

Т Р Е Т И Й . Ой, какие мы стали!

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Ой, какие мы крутые!

П Я Т Ы Й . Валите его! Валите!

Потасовка.

С этой сцены в механизме действия начинают происходить какие-то сбои: музыка «тянет», у Д Е Т Е Й появляются движения заводных кукол. И Д А - П О Д Ж И Г А Т Е Л Ь Н И Ц А , наоборот, движется как в рапиде.

К Н А П *(подползая к Д А М Е и целуя её платье).* Богиня! Чу́дная! Артемида! Дама, не знаю вашего имени-отчества, отныне я ваш навеки! Я потерял голову! Я отдаю вам руку! Я отдаю вам сердце!

Д А М А поднимает К Н А П А за шиворот.

Д А М А . Принимаю! Руку?

Отрывает руку, показывает зрителям и зашвыривает в кулису.

Сердце?

Вырывает сердце, показывает зрителям и зашвыривает в кулису. Пытается отвинтить голову, К Н А П сопротивляется.

Детки, помогите папашке!

Д Е Т И , уже совсем роботизированные, с гиком набрасываются на К Н А П А и делают кучу-малу. Через минуту у него оказывается голова тролля из первой картины.

К Н А П *(Д А М Е).* Волчица жестоковыйная! Что вы со мной сделали?! О, сердце моё, где ты было раньше?

Рукой хватается за сердце. Сердца нет. Одна дыра.

Где была моя голова?!

Одной рукой хватается за голову и ощупывает её.

Чья это голова? Это не моя голова!

Д А М А . Полюбуйтесь на себя, обер унтер генерал капитан сержант бургомистр Кнап!

Протягивает К Н А П У зеркальную раму без стекла. Тот смотрится в неё.

К Н А П *(с ужасом отшатывается).* Кто это? Это не я! Не я! Я не вижу себя! Я ослеп!

Д А М А *(сатанински хохочет).* Зеркало разбилось! Зеркало разбилось!

К Н А П *(слепой, мечется по сцене).* Спички! Спички! Сумасшедший дом! Брат! Где мой брат?! О, где мой брат?!

За спиной И Д Ы вспыхивает сноп света. В нём – горбатая М А Р Е Н С Л О К О Н О М , она властно кладёт руку на плечо девочки. Куклы ломаются. Наваждение исчезает в вое сирен. Лишь только слышится песенка:

Ах мой милый Августин,
Августин, Августин.
Ах мой милый Августин,
Всё прошло, всё!

Полное затмение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
Картина третья. ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМА

На сцене И Д А и М А Р Е Н С Л О К О Н О М . И Д У трясёт как в лихорадке. М А Р Е Н гладит её по голове, успокаивая голосом доброй сказочницы.

М А Р Е Н . Христос с тобой, дитя моё, надо же такое удумать, да ещё в светлый праздник… Чуть душеньку свою кроткую не погубила. А за что?.. И-и, касатка моя, позавидовала, веселью чужому позавидовала… Да не от добра то веселье. Сытости чужой позавидовала… Да не от добра та сытость.

Позолота вся сотрётся,
Свиная кожа остаётся!

Ну, будет, милая, будет, хорошая… Уже нет ничего. Было – и нет.

И Д А . Бабушка Марен, я не знаю, как это всё случилось. Я совсем замерзала, там, на снегу, под стеной. Было одиноко, холодно, страшно, и тут пришла… мысль.

М А Р Е Н . Не ходи в собрание нечестивых, не прельщайся их играми. Если глаз твой тебя соблазняет на злое дело – вырви глаз. Брось на дорогу. Если рука твоя соблазняет тебя на преступный умысел – руби руку.

И Д А . Бабушка Марен, если бы меня посадили в тюрьму, я бы убила маму?

М А Р Е Н . И-и, милая, от тюрьмы да от сумы не зарекайся… А вот что я тебе скажу: зависть людская – смертный грех, Каинов грех, прямой путь к смерти без воскресения. Слушай мою сказку…

Во время монолога М А Р Е Н понемногу И Д А успокаивается.

В стародавние времена жили-были два брата. Старшего звали Каин, а младшего Авель. Каин пахал землю, но землю не любил. И звёзд не любил, и птиц не любил, и не любил деревьев. Каин всем завидовал и всех ненавидел. Когда птицы пролетали над землёй, Каин бросал в них камни, он завидовал птицам, что они умеют летать. Когда звёзды зажигались на небе, Каин и в звёзды кидал камни, потому что звёзды умели светить. Когда в полдень деревья бросали тень, Каин обламывал ветви – он и тени чужой завидовал! Авель, брат Каина, был весёлый и добрый. Он пас овец. С утра до вечера бродил со стадами по широким лугам, играл на свирели, пел песни. Звёзды, деревья и птицы слушали его песни и любили Авеля. А Каина боялись.

Аттракцион. Теневая пантомима жизни К А И Н А и А В Е Л Я . Каин и Авель – юноши атлетического сложения, тела нагие. Пантомима иллюстрирует рассказ Марен.

Однажды холодной ночью вздумали братья разжечь костры. Долго Каин разжигал свой костёр. И не слушался огонь злых Каиновых рук. Не горел. А под добрыми руками Авеля костёр вспыхнул

сразу. Заиграло пламя. Весело стало кругом, тепло. Запел Авель песню про огонь и про звёзды, и про то, как хорошо жить. Позавидовал Каин Авелю, что костёр у него разгорелся. Поднял с земли камень и убил брата своего. Оборвалась песня. Упал Авель на землю. Оглянулся Каин. Кругом – никого. «Никто не видел, как я убил Авеля, никто не узнает…» – подумал Каин. И убежал в лес. Крадётся Каин по лесу, вдруг слышит – деревья зашептали: «Каин, где брат твой Авель?»

Вступают природные звуки леса. Шумят кроны деревьев. Дышит лесное озеро. Что-то треснуло, стукнуло, ухнуло. Рыба плеснула хвостом. Кукушка кукует. Гремит лягушачий хор. Ноет комар. Цапля прошла по воде. Крикнула выпь.

Слышишь, милая, слышишь? Это мир Божий пытает Каина. Бросился Каин в степь, а над ним звёзды с неба: «Каин, где брат твой Авель?»

Звенят цикады. Прошуршала крыльями степная птица. Посвистывают суслики. Звон цикад нарастает и нарастает. Каин зажимает уши. Невыносимо страдает.

Заметался Каин. К земле пригнулся, ползёт, как паук, глазами косит, а тут светло стало. Проснулись птицы: «Каин, где брат твой Авель?»

Соловей щёлкает предрассветную песню. Откликается другая птица, третья. И вот сцена наполняется непреодолимым птичьим гомоном.

И почудилось Каину, что весь мир кричит ему вслед: «Где брат твой Авель?» И нет ему спасения. Вот так, касатка моя…

Аттракцион гаснет. Зажигается звёздное небо.

Пауза.

И Д А . Бабушка Марен, а Каин получил раскаянье?

М А Р Е Н . Получил, касатка, получил.

И Д А . Когда?

М А Р Е Н . Как только младенец в хлеву народился, так и получил.

И Д А . А когда младенец родился?

М А Р Е Н . И-и, милая, разве запамятовала? Как только звезда взошла. Завтра, милая, завтра…

М А Р Е Н баюкает И Д У и та засыпает у неё на груди под молитву Булата Окуджавы о том, чтобы Господь дал каждому то, чего у него нет.

Медленно гаснет свет и через паузу загорается вновь.

На сцене – статичные фигуры М А Р Е Н и М А Т Е Р И . М А Т Ь – на мостках. Обе женщины расположены спинами к зрителям: М А Р Е Н – внизу, М А Т Ь – вверху. Так и будут вести диалог. На крестовине мостков – простыни, наподобие привидения с раскинутыми в стороны руками.

М А Р Е Н . Мария, Иосиф умер.

М А Т Ь вздрагивает. Долгое молчание.

В доме у бургомистра получили телеграмму. Что же ты молчишь, Мария?

Плечи М А Т Е Р И сотрясает долгий кашель.

М А Т Ь *(хрипло)*. Умер, значит. Отмучился. Убили они его. Зарезали.

М А Р Е Н . А какой человек был! А как тебя-то любил! Не пришлось вам в счастье пожить. Неровня ты ему была.

М А Т Ь . Да, неровня. Вот за меня, за «пропащую», они-то его и зарезали. Не стало, значит, у Иды отца. Ничего, недолго и мне мучиться осталось.

Падает как подкошенная.

М А Р Е Н . Что с тобой, доченька, что? Сейчас, сейчас я тебе помогу…

Ковыляет к мосткам. Долго взбирается на них, суетливо возится над Матерью, приговаривая: «Эх, я старая, старая». Мать, несмотря на хрупкость, оказывается довольно тяжёлой.

Ох, да ты совсем больна, доченька, ну-ка, ну-ка, приди в себя!.. Нет, тебе и взаправду плохо! Сведу-ка я тебя к себе. Там и Идочка, звёздочка твоя, прикорнула…

М А Т Ь *(приходя в себя).* Я слишком долго стояла в холодной воде. И с самого утра у меня не было во рту ни крошки. Лихорадка так и бьёт. *(Плачет.)* Хоть бы до дому-то добраться!

М А Р Е Н . Терпи, доченька, терпи. Старая Марен тебя не бросит.

Марен с трудом приподнимает Мать. Забрасывает её руки на перекладины, так что та оказывается распятой. Получается самое удобное и устойчивое положение.

М А Т Ь *(в муках).* Нет, не дойду я, Марен. Оставь меня, Марен. Нету сил моих больше. Сердце. Сердце разрывается! *(Воет.)* Убили-и-и! Зарезали-и-и!

Голова падает на грудь.

М А Р Е Н *(испуганно).* Гони её прочь, гони от себя прочь, безглазую! У тебя Ида! Ради неё муку терпи.

М А Т Ь *(треплет рассыпавшимися красивыми волосами).* Не могу, не могу больше, Марен…

М А Р Е Н . На кого же ты Иду оставишь? На чужих людей? Своего ребёнка на крест посылаешь? Вспомни другую Марию, как та Мария рожала в муках и как стояла у креста без кровинки в лице. И как сказал ей Тот, кто был на кресте: «Женщина, это сын твой». Гони её, Мария, от себя, гони! *(Совсем растерявшись.)* Да что же это такое! Люди! Эй, кто-нибудь!

Впархивает П Р Е К Р А С Н А Я Д А М А .

(Даме.) Дамочка, дамочка! Тут женщине плохо. Доктора нужно, доктора.

Д А М А . Доктора? Зачем доктора? Я умею оказывать первую помощь. Я сама профессиональная сестра милосердия! У меня даже диплом акушерки!

Стремительно взбегает на мостки.

М А Т Ь *(кричит).* Марен, я узнала её! Не подпускай разлучницу! Это она увела от меня Иосифа!

Д А М А . Да что она такое говорит. Да она просто бредит…

М А Т Ь . Ни шагу больше! Не подходи, окаянная!

М А Р Е Н . Ой, не нравитесь вы мне, дамочка. Шли бы вы своей дорогой.

Д А М А *(настойчиво и нагло пытается пробиться к Матери).* Да отчего же? Да отчего же?

Вбегает И Д А .

И Д А . Мамочка! Мне приснился ужасный сон, что как отперли шлюзы – мостки сломались и тебя унесло течением. Что с тобой, мама? *(Увидев Даму.)* Я узнала её! Она – преступница! Это она нашептала мне, чтобы я подожгла дом!

Подбегает к Д А М Е и колотит руками ей в грудь.

Д А М А *(отбиваясь).* Да вы с ума посходили! Да я вас всех впервые вижу! Я – иностранка!

В речи Д А М Ы совершенно исчезают иностранный акцент и словечки.

Да почему вы не подпускаете меня к больной? Вы не имеете права! Я буду жаловаться! Больная, не дышите! Только не дышите!

Назойливо рвётся к М А Т Е Р И .

И Д А . Это невыносимо! На помощь! Мама, не умирай! Только не умирай! Я спасу тебя! Люди! Да есть тут люди или нет?! Она – преступница! Господин бургомистр! Обер господин Кнап!

На сцену врывается К Н А П в образе тролля, внося за собой шлейф звуков войны: вой самолётов, взрывы, автоматные очереди. Грудь его разорвана. Слепо мечется. Выбегает на авансцену.

К Н А П *(зрителям, взгляд слепца).* Брат мой, я – Каин! Кто мне ответит, где брат мой Авель?! Я принёс брата в жертву! Кто мне ответит, где мой ребёнок?! Я – Ирод-царь! Я принёс ребёнка в жертву! Кому? Чему?! Старая Марен, ведь мы все были детьми. И я был. Я так любил твои сказки! Мой брат посмел остаться ребёнком, а я не посмел. Он хотел говорить стихами – и говорил ими. Он хотел петь – и пел. Он хотел любить – и любил. А я не посмел, не посмел… *(Декламирует в античной трагической позе.)* О, царь Агамемнон, и ты, Клетемнестра-царица! Славу свою вы Артемиде-богине всучили! Ифигения, бедная девочка, на жертвенное ложе тебя родители привели. Родную дочь! Тоже мне – родители!.. *(Словно совершил величайшее открытие.)* Я понял… Я понял, что детей нельзя приносить в жертву!!! Милосердия к детям! Милосердия!

М А Р Е Н *(Кнапу, изнемогая в борьбе с Дамой).* Карл! Мария умирает! На помощь!

К Н А П *(ползёт к мосткам).* Где? Я ничего не вижу! Мария, где ты? Где? Ведь я тайно любил тебя! Ведь Ида могла быть и нашей дочерью!

М А Р Е Н *(Иде).* Девочка, помоги ему. Смотри, как он несчастен, как одинок… К нам его, тащи его к нам, контуженого…

И Д А *(отбивая атаки Дамы).* Бабушка Марен, но она…

М А Р Е Н . Ничего, ничего, девочка, я сдюжу.

И Д А сбегает вниз и тащит К Н А П А на мостки. Рыдая, тот целует ей руки, лицо, волосы, повторяя, как в беспамятстве, единственную фразу: «Доченька моя, прости меня»… В тот момент, когда они оказываются на мостках за спиной М А Р Е Н , Д А М А вверх тормашками падает по ту сторону мостков. Через минуту появляется в своём естественном обличье – череп, белый саван, коса в руках.

С М Е Р Т Ь . Ага-а, что, не ожидали? Всё равно не уйти вам от меня!

М А Р Е Н . Провела ты меня, подлая. Не узнала тебя сразу. Что ж, а теперь будем биться по-настоящему!

Сбрасывает с себя старушечьи лохмотья и оказывается закованной в латы прекрасной женщиной-воительницей, с мечом в руках и крыльями за плечами вместо горба.

С М Е Р Т Ь . И ты меня провела. Не признала я в тебе Ангела-Хранителя, человеческую заступницу. Биться так биться!

Сражение проходит с переменным успехом: то одолевает А Н Г Е Л - Х Р А Н И Т Е Л Ь , то С М Е Р Т Ь . По сцене мечутся тени, словно под колосниками раскачивается дьявольский бессонный фонарь. Какофония звуков. Звенят литавры. Струнные издают скрежет и скрип. Ударные отбивают то нарастающую, то затихающую дробь.

ИДА не пугается взмахов косы, увёртываясь, помогает А Н Г Е Л У наносить удары. К Н А П смешно фехтует единственной рукой, так как он слеп, чаще фехтует с пустотой. М А Т Ь конвульсирует на кресте в немых усилиях освободить руки.

От случайной подножки К Н А П А И Д А попадает в руки С М Е Р Т И , та хватает её за волосы, тащит за собой.

С М Е Р Т Ь *(победоносно).* Не одолеть вам меня! Хоть у вас за спиной целое воинство небесное! Всё равно все будете моими!

М А Т Ь . Снимите меня с креста! Освободите мне руки! Дайте я задушу её!

Из последних сил снимает себя с креста и орлицей бросается к С М Е Р Т И .

Участники боя и не заметили, что в освещении произошли изменения. Вначале заиграли неяркие блики и, наконец, всю сцену окатило яркое зарево. Раздаётся требовательный крик новорождённого. Все замирают в тех позах, в которых их застал крик.

Немая сцена.

С М Е Р Т Ь . Не успела… не успела…

Визжит, шипит и, вертясь волчком, исходит на нет. В воздухе остаётся лишь запах серы. Крик новорождённого замолкает.

Победители отмирают, на цыпочках рассаживаются на мостках, свешивают с них ноги, на всю последующую сцену создают статичную группу, вперив взгляды в зал. В центре – А Н Г Е Л , по правую руку – М А Т Ь и И Д А , по левую – К Н А П .

Пауза.

К Н А П извлекает откуда-то вместительную бутылку, зажимая в коленях, откупоривает единственной рукой, делает несколько жадных глотков, кривится, занюхивает рукавом, прячет бутылку.

К Н А П . Мария, простила ты меня?

М А Т Ь . Простила, Карл. Во имя памяти Иосифа простила.

К Н А П . Состояние Кнапов я оставляю Иде.

М А Т Ь . Зачем оно ей? Раздай его бедным. Мы – богатые.

И Д А . На могиле папы мы посадим розовый куст, и когда он расцветёт, мы возьмёмся за руки, будем водить вокруг могилы хоровод и петь псалом:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро увидим малютку Христа.

К Н А П . А как мне жить? Как жить? Я ничего не умею делать. Я никого не люблю. Кому нужен безрукий, бессердечный старик?!

А Н Г Е Л . Марен с локоном всегда говорила, что ты плохо кончишь, ещё тогда, когда ты ходил пешком под стол, тогда, когда ты у сестрёнки Клары украл кораллы. Зачем ты обидел девочку? Ах, Карл, Карл, зачем, ну зачем ты у Клары украл кораллы? Вот с тех пор она зачахла и пошла в морские разбойники. Что ж, бургомистром ты уже был, Каином ты был, Иродом ты был, иди-ка ты в Деды Морозы.

К Н А П . А это идея! Тем более Рождество наступило. А какая рождественская ёлка без Деда Мороза!

Входят В О Л Х В Ы в восточных костюмах. Этакие Маленькие Муки.
участники статичной группы одновременно поворачивают к ним лица. Кроме слепого К Н А П А .

П Е Р В Ы Й В О Л Ш Е Б Н И К . Простите, мы попали по правильному адресу? Это Датское королевство? Остров Фюн? Город Оденсе?

В Т О Р О Й . Нас привела к вам звезда.

Т Р Е Т И Й . Это у вас мальчик родился? Мы принесли ему золото, ладан и смирну.

И Д А . Мальчик?

М А Т Ь . Какой мальчик?

К Н А П . Ах, мальчик… У нас, у нас… А мы и забыли…

Дружно смеются.

И Д А . Какие смешные! А вы кто?

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Мы были Цветами, но взрослый и жестокий мир нас обманул.

П Я Т Ы Й . Мы были Детьми, но и Детей обманул взрослый неразумный мир.

П Е Р В Ы Й . И тогда мы стали Мудрецами.

В Т О Р О Й . Магами и чародеями.

Т Р Е Т И Й . Пророками и предсказателями.

Ч Е Т В Ё Р Т Ы Й . Теперь мы будем строить новый мир.

П Я Т Ы Й . Счастливый и справедливый.

К Н А П . Я узнал голоса. Это дети. Дети вернулись! Дети, которых я зарезал.

Бросается к В О Л Х В А М и целует их.
Раздаётся Г О Л О С , удивительно приятный мужской баритон.

Г О Л О С . Впустите детей. Пусть приходят ко мне, и не препятствуйте им. Ведь таким, как они, принадлежит Царство Небесное.

Затемнение.

Когда зажигается свет, на сцене – трон. На нём – С И Д Я Щ И Й П О П Р А В У Ю Р У К У : в белых одеждах, венец из роз, сияние над головой. В О Л Х В Ы преклонили колени вокруг трона.

С И Д Я Щ И Й П О П Р А В У Ю Р У К У. Это говорю Я, сидящий по правую руку Отца моего Царя Небесного.

Встаёт с трона и направляется к авансцене.
Отверзающиеся уста вещают требовательно и человечно.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня. Радуйтесь и веселитесь!

За спиной С И Д Я Щ Е Г О П О П Р А В У Ю Р У К У – Млечный Путь. Его бережно несут В О Л Х В Ы .
С И Д Я Щ И Й П О П Р А В У Ю Р У К У спускается в зрительный зал.

Великое множество разных неразумных словес говорит мир, чтобы обольщать малых сих. Великое множество лжепророков и лжеучителей распустили сети для уловления душ невинных. Чада мои любезные! Есть единственные слова, их и повторяйте. Страшно войти в тёмную комнату? Шеп-

чи те слова – и вступай смело! Страшно сказать правду, когда повсюду несправедливость? Смело твори добро во славу Отца моего небесного! Ну же, не будь трусом, повторяй за мной. Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги наши. Как мы прощаем должников наших. И не введи нас в искушение. Но избавь нас от лукавого… Только с этими словами победишь страх, одиночество, смерть. Как победили Ида и её мать. *(В руках появляются спички.)* Эти спички не просто спички, а волшебные звёздочки, которые в добрых руках спасут мир. Примите их из рук Моих. *(Раздаёт зрителям спички. Затем обращается к пустой сцене.)* Мария, Ида, где же вы? Я знаю, что вы преобразились. Явитесь нам. Вы – первые, званые на пир Мой!

В глубине сцены робко появляются МАТЬ и ИДА в великолепных бальных нарядах.
Они смущены. Их подбадривает ДЕД МОРОЗ.

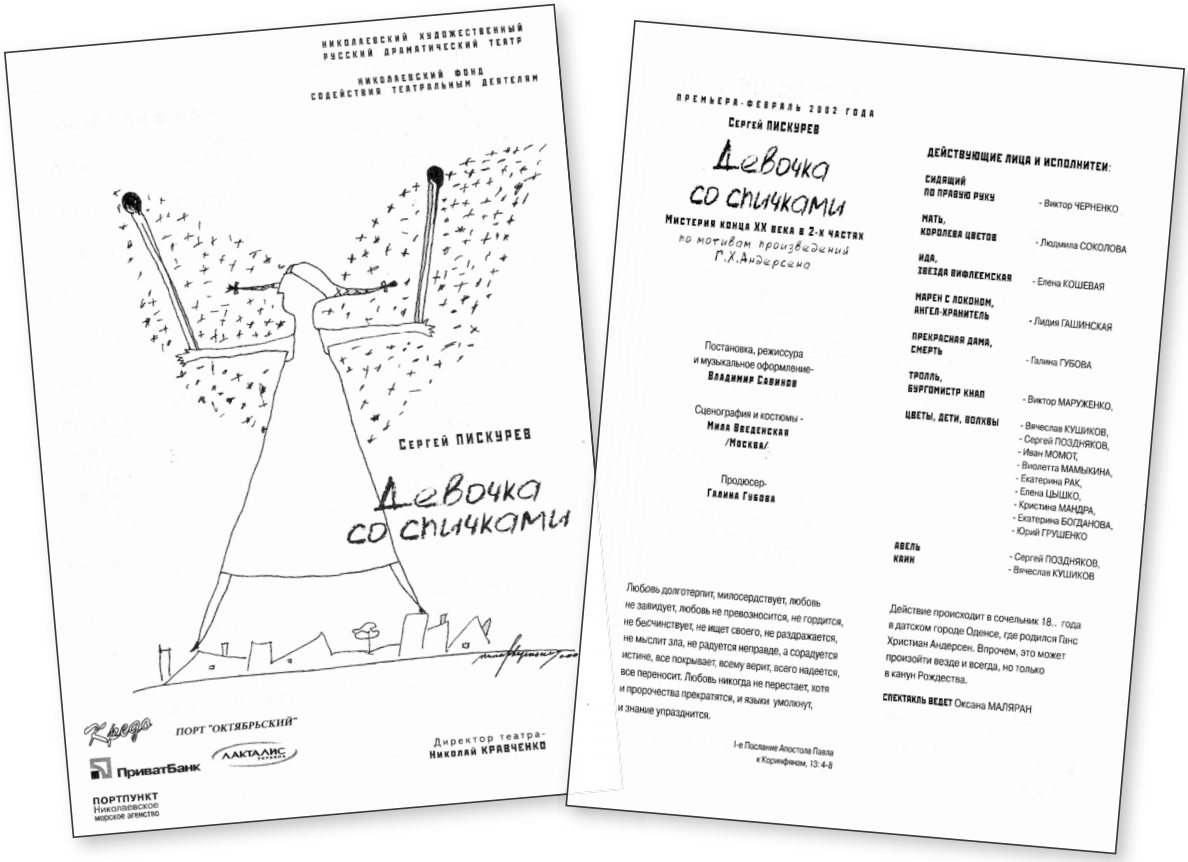
Мария, отныне ты – королева Цветов. Ты это заслужила жизнью своей. Царствуй на радость чадам моим.

МАТЬ и ИДА, преодолев застенчивость, как заправские манекенщицы, проходят по сцене, спускаются в зал и помогают СИДЯЩЕМУ ПО ПРАВУЮ РУКУ раздавать спички.
За ними следует ДЕД МОРОЗ.

ИДА. Мама, мамочка, какая ты счастливая, какая красивая!
КОРОЛЕВА ЦВЕТОВ. А ты как хороша, доченька моя, ну прямо звёздочка Вифлеемская!

Звучит молодёжная танцевальная музыка. Самая современная, самая популярная, но высокого качества и вкуса. СИДЯЩИЙ ПО ПРАВУЮ РУКУ первым пускается в пляс, «заводит» публику. Танцуют КОРОЛЕВА ЦВЕТОВ, ИДА, ДЕД МОРОЗ. Звёздная мантия остаётся в руках ВОЛХВОВ. Это уже вздымающееся полотнище. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ в обнимку со СМЕРТЬЮ бросаются вприсядку. Всеобщий апофеоз. Танцы до упаду.

ЗАНАВЕС?
ЕГО НЕ БУДЕТ. ИЛИ БУДЕТ,
КАК ТОГО ПОЖЕЛАЕТ МОГУЩЕСТВЕННЫЙ, КАК БОГ, РЕЖИССЁР.



За кулисами

Художник Мила Введенская и режиссёр Владимир Савинов во время работы над спектаклем

Актрисы Елена Кошевая (Ида) и Галина Губова (Прекрасная Дама) на репетиции. Фотографии С. Косенчука

Мистерия «Девочка со спичками» была поставлена на сцене Николаевского художественного русского драматического театра. Премьера – февраль 2002 г. Постановка, режиссура и музыкальное оформление – Владимир Савинов. Сценография и костюмы – Мила Введенская (Москва). Продюсер – Галина Губова. После трёх представлений спектакль был закрыт руководством театра и властями по цензурным соображениям.

Лариса ЛЕВЧЕНКО

МІСТЯНИ ВІТАЛИ ЦЕНТРАЛЬНУ РАДУ ТА ПРОГОЛОШЕННЯ НЕЗАЛЕЖНОСТІ

Миколаїв за доби Української Центральної Ради (березень 1917 – квітень 1918)

2017 р. Україна відзначає 100-річчя з дня створення Центральної Ради – організації, заснованої для об'єднання і координації українського національно-визвольного руху, котра трансформувалася в парламент, у результаті діяльності якого на карті світу на початку XX ст. з'явилася Українська Народна Республіка.

Для історії період Центральної Ради (березень 1917 – квітень 1918) – лише мить, але вона багатюща на безліч подій і діючих осіб. Цей неоднозначний період в історії України досі достатньою мірою не вивчений і не осмислений. Історики і суспільство від відвертого захоплення Центральною Радою і її діячами на початку 1990-х років (тоді це було пов'язано зі здобуттям довгоочікуваної Незалежності) сьогодні перейшли до їх критичної оцінки, аналізу помилок і вилучення історичних уроків. Завдяки саме такому, критичному, підходу спливає історична правда. По-перше, досить сумнівним здавався той факт, що в Миколаєві з його переважно російсько-єврейським населенням підтримали б Українську Центральну Раду (на 1916 р. 66% населення становили росіяни, 19,5% – євреї, 8,5% – українці, 2,8% – поляки). По-друге, так історично склалося, що Миколаїв, перш за все в економіці, був більше пов'язаний з Петербургом (Петроградом), ніж з Києвом (на початку XX ст. навіть не існувало прямого залізничного сполучення Миколаїв – Київ). Такий початок дослідження став вельми корисним, позаяк автор ретельно вивчала документи в Державному архіві Миколаївської області, Центральному державному архіві вищих органів влади та управління України, а також у Державній науковій архівній бібліотеці. В результаті були отримані відповіді на багато питань, хоча і не на всі. Одним з них було питання: хто представляв Миколаїв у Центральній Раді. Отже, в цій статті автор зосередилася не лише на історії Миколаєва періоду Центральної Ради, а й на долі єдиного члена в складі Центральної Ради від цього міста.

У лютому 1917 р. в Миколаєві, знесиленому Першою світовою війною, з ентузіазмом зустріли звістку про падіння монархії в Петрограді. Комісар Тимчасового уряду Іван Туляков, виступаючи в Миколаївській міській думі, обіцяв, що «під променями сонця Росії відтепер буде тепло всім...». 13 серпня 1917 р. у Миколаєві обрано демократичну Міську думу. Зі 157 тис. містян у списки виборців внесено 110 тис., хоча через малу кількість виборчих дільниць проголосувати вдалося лише 57 тис. виборців. Зі 102 гласних Думи 63 представляли партію есерів (соціалістів-революціонерів), 15 – соціал-демократів, 9 – єврейську громаду, 5 – партію Народної Свободи, 3 – Союз домовласників, по одному – інші політичні партії і громадські організації. Соціал-демократи в Миколаєві були представлені двома партіями з діаметрально протилежними програмами: Українською соціал-демократичною робітничою партією (УСДРП) і Російською соціал-демократичною робітничою партією (РСДРП), яка, в свою чергу, поділялася на помірних меншовиків і радикальних більшовиків. 1 вересня 1917 р. міський голова Володимир Полієвктович Костенко направив Тимчасовому урядові вітальну телеграму. Однак у зв'язку з більшовицьким переворотом у Петрограді надії на демократичні зміни в Миколаєві невдовзі згасли і 27 жовтня 1917 р. на екстреному засіданні Дума засудила бездіяльність Тимчасового уряду і більшовицький переворот.

Раніше, 23 квітня 1917 р., в Миколаєві була створена Рада робітничих і військових депутатів (збори відбулися в театрі Шеффера на вул. Адміральській), в якій провідну роль відігравали представники партій есерів і соціал-демократів. Головою Ради став Ян Петрович Ряппо, тоді він ще належав до есерівської партії. У той же день в Миколаєві (в цирку Шеффера на вул. Мала Морська) відбулося Українське Віче, скликане миколаївським Українським організаційним комітетом. На зборах прозвучали доповіді представників товариства

«Просвіта» Бориса Вікторовича Брояківського (есер, інженер заводу «Наваль») і Олександра Олександровича Зими (есер, технік заводу «Наваль»). Брояківський звітував про свою участь в роботі Всеукраїнського національного конгресу (Українського національного з'їзду), що відбувся в Києві 6–8 квітня 1917 р. Важливо зазначити, що в перший день роботи конгресу Брояківський від імені миколаївської «Просвіти» виголосив вітальну промову. Про це повідомлялося на першій сторінці офіційного видання «Вісті з Української Центральної Ради» у Києві.

У третій день роботи конгресу Михайло Грушевський закликав делегатів від сільських, волосних, повітових та губернських організацій обрати своїх представників до Центральної Ради. Незабаром до Миколаєва прийшла телеграма: «22–23 квітня відбудуться Загальні збори Центральної Ради. Запросіть приїхати обраних від Вас. Грушевський. Бойко. Педагогічний музей». На цій телеграмі Брояківський і Зима записали свою відповідь: «Дивуємося телеграмі, бо Миколаєву місця в Центральній Раді не дано». Чи можливо, що на відносини Центральної Ради і Миколаєва, представленого на Всеукраїнському національному конгресі членом миколаївської «Просвіти», міг вплинути старий конфлікт між Михайлом Грушевським і Миколою Аркасом? Ще в 1990 р. доктор історичних наук Віталій Сарбей на сторінках «Українського історичного журналу» в деталях описав цей конфлікт, що в кінцевому рахунку призвів до смерті Аркаса і видавця його «Історії України-Русі» Василя Доманицького. Тоді Грушевський звинуватив Аркаса в проросійській концепції історії України, причиною була елементарна заздрість ученого до успіху книги дилетанта.

Хоча до складу Центральної Ради не потрапив жоден представник від Миколаївського товариства «Просвіта», 20 червня 1917 р. на спільному зібранні миколаївського Українського організаційного комітету й просвітян розглянуто І Універсал Центральної Ради. 6 серпня 1917 р. на загальному зібранні товариства «Просвіта» схвалено резолюцію, в якій зазначено таке: [пункт 8] «Своїм Тимчасовим Урядом на Україні вважаємо тільки УКРАЇНСЬКУ ЦЕНТРАЛЬНУ РАДУ, її виконавчому органові – Генеральному Секретаріяту – цілком доручаємо керування нашим краєм, не вважаючи ні на які наслідки переговорів з Центральним Правительством, і тільки розпорядженню цього Секретаріяту

Перший склад Ради робітничих і військових депутатів міста Миколаєва, яким була прийнята резолюція про визнання Української Центральної Ради. У центрі – голова Ради Ян Ряппо (сидить у другому ряду, у військовій формі). Ймовірно, поряд із ним у цивільному – міський голова Володимир Костенко. Інших членів Ради ідентифікувати на фото поки не вдалося. Травень – серпень 1917 р. Негатив на склі зберігається в Державному архіві Миколаївської області

підлягаємо». Ймовірно, що Миколаївську раду об'єднаних українських організацій створено наприкінці квітня 1917 р., хоча повідомлення про її заснування газета «Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов» опублікувала лише 25 жовтня 1917 р. Однак до цієї дати Рада вже діяла, позаяк в архівах збереглися її документи з більш ранніми датами.

Українська фракція в Раді

Складається таке враження, що I і II Універсали Центральної Ради не були помічені громадськістю Миколаєва, хіба що в Раді робітничих і військових депутатів стала формуватися невелика українська фракція. 10 листопада 1917 р., після публікації III Універсалу, Миколаївська рада об'єднаних українських організацій (у 1917 р. розміщувалася за адресою вул. Московська, 3; 1918 р. – за адресою вул. Таврійська, 46) закликала Миколаївську міську думу, Раду робітничих і військових депутатів, Революційний штаб, солдат і матросів, офіцерство, городян підтримати Верховний крайовий орган Української демократичної республіки – Центральну Раду.

У Державному архіві Миколаївської області збереглися свідоцтва про визнання Центральної Ради щонайменше на 14 різних зборах, котрі відбулися на заводі «Руссуд», у військових частинах, на кораблях, залізничній станції «Миколаїв», у поштово-телеграфному управлінні, в Союзі службовців Миколаївського міського громадського самоуправління, Миколаївській організації УСДРП і т.д. Це, звичайно, не означало загального визнання Центральної Ради в Миколаєві: 6 грудня 1917 р. вкрай негативну резолюцію по відношенню до Ради схвалили представники Червоної гвардії: «Геть угодовську Раду, що йде з капіталістами. Збори протестують проти надсилання військових частин узагалі й зокрема до Миколаєва для встановлення порядку каральним способом, так як з перших днів революції миколаївські пролетарські організації з гідністю охороняють цей порядок». Разом з тим, слід підкреслити, що Рада робітничих і військових депутатів, яка розглядала питання про ставлення до Центральної Ради 14 листопада 1917 р., і Миколаївська міська дума, що приділила цьому питанню увагу 15 листопада 1917 р., у своїх резолюціях визнали Центральну Раду як крайову владу, висловивши їй повну довіру. І в Раді, і в Думі проектів резолюцій пропонувалося кілька, тому слід звертати увагу на результати голосування по них. Важливо відзначити позицію єврейської фракції Думи: Мендель Левін та Ілля Рабинович вітали відродження української державності, підкресливши, що в III Універсалі вперше гарантувалися права національних меншин.

Немає можливості приділити увагу всім відтінкам прийнятих резолюцій, але і не можна пропустити питання про можливі причини позитивного ставлення до Центральної Ради з боку Ради робітничих і військових депутатів і Миколаївської міської думи. Вище вже зазначено, що як у Раді, так і в Думі у більшості були представники партій есерів (УСПР) і соціал-демократичного блоку (УСДРП і РСДРП). Причому в основній масі це були одні й ті ж особи. Наприклад, міський голова Володимир Костенко був членом партії есерів, входив і до складу Ради робітничих і військових депутатів (від робітників) і, звичайно ж, у Думу. Аналогічно Ян Ряппо – член партії есерів, голова Ради робітничих і військових депутатів і гласний Миколаївської міської думи. Борис Брояківський – член партії есерів, співпрацював з Радою робітничих і військових депутатів, гласний Миколаївської міської думи, член «Просвіти» і перший голова Українського організаційного комітету.

Таких прикладів можна навести досить багато і по УСДРП. У Центральній Раді більшість також було представлено членами УСПР і УСДРП. До УСДРП належали Володимир Винниченко, Симон Петлюра, Дмитро Антонович, Михайло Ткаченко, Борис Мартос, Микола Ковальський; есерами були Микола Стасюк, Павло Христюк, Всеволод Голубович. До есерів примикав сам Михайло Грушевський. Ймовірно, саме партійна приналежність вплинула на те, що миколаївські Дума і Рада висловили свою підтримку Центральній Раді. Проте не можна знімати з шальки терезів візит Дмитра Антоновича до Миколаєва, який відбувся в перших числах листопада 1917 р., якраз напередодні розгляду питання про ставлення до Центральної Ради в Думі і в Раді. Антонович не тільки вивчав у Миколаєві перспективи українізації Чорноморського флоту, а й пообіцяв органам місцевого самоуправління всіляку підтримку з боку Центральної Ради, в т.ч. й фінансову. А на той час економічна й фінансова криза в Миколаєві була вже в повному розпалі. На жаль, Антонович, очоливши Генеральний Секретаріат морських справ, опосередковано зіграв негативну роль у долі Миколаєва і Чорноморського флоту. Про це вже у Варшаві в 1935 р.

згадував його ад'ютант Святослав Шрамченко. Власне, і сам Антонович здивовано відреагував на вибір його кандидатури Морською Радою. У своєму звіті перед Центральною Радою він зробив наголос на Одесі, а про Миколаїв, зустрічі з його напівекіпажем і про морську справу говорив мало. Антонович уважав, що Україні потрібен тільки флот берегової охорони, інші кораблі слід демобілізувати і передати торговельному флоту. У «Тимчасовому законопроекті про флот Української Народної Республіки» Україна проголосила себе спадкоємицею Чорноморського флоту Російської імперії, але розглядала його виключно в контексті мирних торгових відносин, що в умовах війни було неприйнятно. Шрамченко дорікав Антоновичу за звільнення військових моряків, які висловлювали бажання послужити Україні. Він назвав період роботи Морського міністерства під керівництвом Антоновича «руйнацією флоту згори».

Розглядаючи вищевикладене, ми підійшли до головного питання: хто ж представляв Миколаїв у Центральній Раді, якщо це не був представник

Четвер 18 січня (января) 1918 року.

Ціна 15 коп.

УКРАЇНСЬКИ БЮЛЛЕТЕНЬ

ХАЙ ЖИВЕ ЄДНІСТЬ

ИЗВѢЩЕНІЕ

4-Й УНИВЕРСАЛЪ.

Германія и Украина.

Демобилизаціонная война.

НА УКРАИНѢ

Перше число офіційного видання Миколаївської ради об'єднаних українських організацій від 18 січня 1918 р. – «Український бюлетень». Виявлено автором у фондах Державної наукової архівної бібліотеки

миколаївської «Просвіти» або Миколаївської ради об'єднаних українських організацій? До листопада 1917 р. склад Центральної Ради переформатувався вже тричі. Вивчаючи документи Державного архіву Миколаївської області, автор звернула увагу на маленьку замітку в газеті «Известия Николаевского Совета рабочих и военных депутатов» від 11 листопада 1917 р. № 158: «Українська Центральна Рада комплектувалася в кілька прийомів. Зародкове ядро її склав з'їзд усіх українських організацій на початку квітня. Потім основну масу послідовно влили всеукраїнські з'їзди: військовий, селянський і робітничий. Нарешті після затвердження її Тимчасовим урядом 30 відсотків її складу дали Ради робітничих, військових і селянських депутатів, у тому числі від Миколаївської ради тов. Рожанський». Це прізвище не давало спокою автору, доки біографія Олександра Йосиповича Рожанського не була відновлена до деталей.

У списках членів Центральної Ради, опублікованих в офіційному виданні «Вісті з Української Центральної Ради», Олександр Рожанський значиться під номером 603 у групі представників «від національних меншостей». Це дало автору привід думати про його єврейське походження, однак Рожанський – імовірно, українець. «Імовірно» – тому що в своїй автобіографії та особистому листку з обліку кадрів він кілька разів змінює національність: то – росіянин, то – українець, тож невідомою залишається його справжня національна ознака. У різних документах він вказує на різну партійну приналежність – то він член УСДРП, а то – РСДРП, а в одному з документів узагалі записався безпартійним. І головне, в особистих документах Рожанського ніде не вказано на його членство в Центральній Раді.

Чому Миколаїв послав до Центральної Ради члена Ради робітничих і військових депутатів? Відповідь проста: тому що в Миколаєві Центральна Рада сприймалася як вищий орган рад робітничих і військових депутатів, навіть політиками-українцями. Так було, доки в Раді робітничих і військових депутатів більшість не стала належати більшовикам. Підтвердженням цього є виступ Брояківського на вищезгаданому засіданні Ради з приводу розгляду питання про ставлення до Центральної Ради 14 листопада 1917 р., в якому він заявив: «…Центральна Рада, складена в більшості з соціалістів, фактично є центральним комітетом Рад робітничих і військових депутатів. Генеральний Секретаріат – однорідне соціалістичне Міністерство...»

Протистояння

Грудень 1917 р. у Миколаєві відзначений протистоянням між українськими політичними силами і більшовиками, що відбувалося на тлі страшенної фінансово-економічної кризи в місті та війни, що почалася між більшовицькою Росією та Україною. Навіть Ян Ряппо відзначив цей факт у своїх спогадах: «Боротьба відбувалася по суті вже не з тими, в чиїх руках формально була влада, тобто не з міською думою і не з фракцією об'єднаних соціал-демократів і, звичайно, не з Революційним штабом, а з українцями, які опинилися, завдяки деяким військовим частинам (Чорноморському артилерійському дивізіону й ін.), Універсалу Центральної Ради і спробам десятків двох українців, на арені боротьби протягом грудня місяця».

3 грудня 1917 р. об 11-й ранку в Миколаєві відбулося свято прилюдного оголошення III Універсалу Центральної Ради. Брояківський на паперті церкви прочитав його, а серед натовпу майоріли жовто-блакитні прапори. 4 грудня 1917 р. у Києві відбувся Всеукраїнський з'їзд робітничих, солдатських і селянських депутатів, на який, крім заявлених 500 делегатів, прибуло ще близько 2 тис. самовисуванців, ніби від селян чи «українського війська». Того ж дня В. І. Ленін та Л. Троцький надіслали ультиматум Ради народних комісарів Центральній Раді, в якому звинуватили її в дезорганізації загального фронту, роззброєнні Червоної гвардії, наданні підтримки війську Каледіна в просуванні на Дон і Кубань та в перешкоджанні проходженню радянських військ, що йшли на боротьбу з каледінцями. Генеральний секретаріат Центральної Ради наступного дня відкинув усі звинувачення, заявивши, що роззброєні великоросійські солдати мають можливість безперешкодно виїхати за межі України; більшовицькі частини самі покинули позиції, дезорганізувавши фронт, і за цих умов українські війська не можуть самотужки охороняти всю величезну лінію фронту, тому вони передислоковані з Північного та Західного фронтів на Південно-Західний і Румунський фронти; кожна нація має право на самовизначення, тому накидати Великоросії, Дону, Уралу, Сибіру, Бессарабії своє розуміння політичного управління, як це робить Рада народних комісарів, український уряд не буде; в Українській Народній Республіці не можуть існувати неукраїнські збройні формування, тому з метою уникнення братовбивчої війни Раді народних комісарів пропонувалося відкликати

Пролетарії усіх країн єднайтесь.

Борітеся—поборете

Ціна 15 коп.

...ниця 19 січня (января) 1918 року. № 1.

УКРАЇНСЬКА ГАЗЕТА

Соціялістичний орган Миколаївських Об'єднаних Українських організацій

Хай живе єдність демократії усіх націй в Українській Народній Республиці

Всеукраинскій рабочій территоріальный съѣздъ въ Кіевѣ.

більшовицькі полки з України. Ультиматум Ради народних комісарів і відповідь Центральної Ради було опубліковано у Миколаєві в газеті «Известия Николаевского Совета рабочих и военных депутатов».

Перше число офіційного видання Миколаївської ради об'єднаних українських організацій від 19 січня 1918 р. – «Українська газета». Виявлено автором у фондах Державної наукової архівної бібліотеки

Отже, 6 грудня 1917 р. Україна фактично опинилася у стані війни з Росією. Російська Рада народних комісарів створила Південний революційний фронт на чолі з В. Антоновим-Овсієнком та М. Муравйовим. Пробільшовицька частина делегатів Всеукраїнського з'їзду робітничих, солдатських і селянських депутатів перебралася з Києва до Харкова та провела новий з'їзд, на якому 12 грудня 1918 р. оголосила про розпуск Центральної Ради й створення Української Народної Республіки Рад робітничих, солдатських і селянських депутатів у складі Росії (УНРС). 16 грудня 1917 р. близько 7-ї години ранку біля будівлі Миколаївського відділення Державного банку стався збройний конфлікт між гайдамаками і більшовиками. Гайдамаки обстріляли автомобіль, що перевозив зброю більшовиків. У перестрілках за-

гинуло кілька людей, у т.ч. водій автомобіля начальника міліції. Напруга між ворогуючими сторонами була такою, що справа дійшла майже до оголошення в Миколаєві воєнного стану. О 5-й вечора цього ж дня в штабі гайдамаків зібралися представники військових українських частин, Військово-революційного комітету, Революційного штабу, Ради робітничих і військових депутатів, різних партій. Майже три години вони сперечалися між собою. Для з'ясування ситуації і примирення була створена комісія в складі: від українців – Гаврилюк, Никоненко, Брояківський, Гриневич, Зима; від нейтральних – Рожанський, Гіль, український комендант Миколаєва Євтушевський. Комісія мала зібратися в кабінеті міського голови В. П. Костенка об 11-й вечора і знайти ґрунт для примирення.

Причиною конфлікту було наполягання українських організацій на перегляді складу заснованого в листопаді 1917 р. Революційного штабу та включення до нього більшого числа членів від українських організацій. Підставою для цього «українці» вважали широке розгортання українського руху в місті.

Думки, висловлені гласними Думи на засіданні 18 грудня 1917 р., із цього приводу були неоднозначними. Наприклад, гласний Абрам Рахманович сказав, що на заводі «Наваль» в усіх цехах відбулися мітинги, на яких «українці зовсім не користуються успіхом, не кажучи про гайдамаків…». Я. П. Ряппо вдався до захисту Центральної Ради: «Вони говорять, що Українська Рада буржуазна і навіть контрреволюційна. Тим часом Рада на ¾ складається з селян і буржуазною її назвати не можна, вона може бути недостатньо революційною, щоб перевернути все догори дном... На з'їзді Рад селяни говорили, що вони візьмуть вила, сокири й покладуть голови і не дадуть жодного фунта хліба Великоросії, якщо на Україну будуть послані більшовицькі війська. Правда, були голоси на з'їзді, що проти України йдуть не великоросійські війська, а Рада народних комісарів. У боротьбі з Радою народних комісарів об'єднаються буржуазія й демократія, і ця боротьба завдасть остаточного удару революції». Миколаївська міська дума вирішила створили власну комісію для ліквідації наслідків зіткнення між українцями і більшовиками, а «владу в місті організувати [на паритетних засадах] у складі»: 6 – від українців, 6 – від більшовиків, 3 – від Думи, 3 – від Ради лівої течії. Від Думи делегувати В. П. Костенка, Я. П. Ряппо і І. К. Шабалова.

17 січня 1918 р. в Миколаєві відбулася демонстрація прихильників Центральної Ради. Гайдамаки вигукували гасло «Геть Ради, хай живе Міська дума!». Це гасло цілком зрозуміле, позаяк Миколаївська міська дума зберігала вірність Центральній Раді і холодно поставилася до більшовиків. У цей день Олександр Зима повідомив у Думі про прийняття Центральною Радою IV Універсалу, який проголошував Незалежність України. З 18 січня 1918 р. Миколаївська рада об'єднаних українських організацій почала випускати своє офіційне видання «Український бюлетень». На першій сторінці був надрукований IV Універсал, сповіщалося про намір вести мирні переговори з Німеччиною, а також викладалися основні пункти політичної програми Центральної Ради.

Миколаївський український військово-революційний штаб через «Український бюлетень» звернувся до населення Миколаєва: «Всі завоювання революції, всі цивільні свободи, всі права виборних громадських, революційно-демократичних організацій будуть охоронятися всіма засобами. Спокій і революційний порядок будуть забезпечені. Ніякого посягання на верховні права уряду незалежної Української Народної Республіки допущено не буде. Всі істинно демократичні верстви населення, всі чесні і свідомі громадяни повинні об'єднатися на зазначених підставах навколо своїх демократичних організацій і разом з Українським революційним штабом захищати справу революції і незалежну Українську Народну Республіку».

22 січня 1918 р. у Миколаєві відбулося чергове зіткнення між українськими військовими частинами і червоноармійцями, під час якого загинув начальник Червоної гвардії Золотухін. Причиною зіткнення стало захоплення червоноармійцями зброї 4-ї української сотні Запорізького полку, надісланого до Миколаєва за розпорядженням Центральної Ради для охорони державних установ. У відповідь запорожці напали на підводи, що перевозили зброю червоногвардійців. У ліквідації конфлікту брали участь гласний Миколаївської міської думи Мойсей Макотинський і Олександр Рожанський. Почувши звістку про те, що Центральна Рада через наступ більшовиків залишила Київ, українці зрозуміли, що не мають шансів на успіх у переговорах, і погодилися здати зброю. Отже, не 13–14 січня (як вважалося раніше в радянській історіографії), а 24 січня 1918 р. (день припинення стрільби і удаваного настання перемир'я)

можна вважати датою першого встановлення в Миколаєві більшовицької влади.

Однак і цю дату автор ставить під сумнів, оскільки Миколаївська міська дума в засіданні 7 лютого 1918 р. висловила протест на будь-яке можливе втручання комісарів у справи органів місцевого самоуправління. В. П. Костенко говорив про те, що від початку обрання демократичної Міської думи нею встановлено тісні взаємовідносини з Радою робітничих і військових депутатів. У грудні – січні 1918 р., під час розпалу боротьби між українцями й більшовиками, Дума зберігала нейтралітет, а коли в місті утвердилася влада народних комісарів, Думі «так чи інакше доводиться висловити свою позицію». Дума заявила про те, що нормальний розвиток демократичних установ зупинено жовтневим переворотом, який висунув замість загального виборчого права ідею диктатури, що вилилася в організацію уряду народних комісарів у центрі і його органів на місцях. Тому Дума «змушена встановити певний контакт» із Радою народних комісарів, але вона вимагає гарантій збереження всієї повноти її функцій і невтручання в її діяльність комісарів. Така позиція Думи зумовлена небезпідставними страхами гласних Олександра Паршикова і Абрама Білика, котрі побували в Москві на З'їзді місцевих і земських самоврядувань.

Білик, виступаючи в Думі, повідомив колегам: «Нова влада всюди діє одним способом – через насильство; зневажаються права міських і земських самоврядувань, доля яких залежить від того, чи є у більшовиків достатня фізична сила для повного розгрому органів, обраних на основі загального виборчого права... На думку більшості з'їзду, влада, яка спирається на багнети, зводить нанівець усі завоювання свободи, довго протриматися не може...» Він вказав на систему терору, яка застосовувалася більшовиками до всіх інакомислячих, нагадав про ліквідацію Центрального комітету партії есерів, про закриття соціалістичної преси, про розстріл мирних демонстрацій і розгін Всеросійських Установчих Зборів. Мабуть, із гласних Думи один Ян Ряппо продемонстрував своє лояльне ставлення до більшовиків. З приводу його висловлювань міський голова Костенко зауважив, що той, тільки щойно вступивши у комісари, вже відчув смак влади і став на точку зору чисто бюрократичного контролю, якого Дума не може допустити. Ряппо, котрий у Раді народних комісарів взяв на себе відповідальність за питання освіти, відповів: «Такий контроль вже фактично існує, і невизнання його є лише красивим жестом». У 1920 р. Ян Ряппо став членом ВКП(б).

Ще далі відстрочити дату встановлення більшовицької влади в Миколаєві дозволяє факт публікації в пресі оголошення про створення Ради народних комісарів – 18 лютого 1918 р. Цей орган був сформований не лише з більшовиків і їхніх прибічників – лівих есерів, а й із соціал-демократів. Олександр Рожанський став у ньому комісаром з національних питань.

Доля єдиного представника Миколаєва в Центральній Раді

В автобіографії Олександр Рожанський написав: «Під час німецької окупації в грудні я був викликаний Союзом металістів з Полтавської губернії і призначений начальником охорони Миколаївського району та начальником міліції міста (це неправда, начальником міліції в цей час була інша людина. – *Л. Л.*). На цій посаді перебував до звільнення міста німцями (в лютому 1920 р.) (Дата виходу німецьких військ Рожанським вказана неправильно. – *Л. Л.*), [весь час працював у контакті з напівлегальною Радою робітничих і селянських депутатів]. В іншому місці автобіографії він указав, що в середині 1918 р. був заарештований німцями, після звільнення втік до Одеси, а звідти до Полтавської губернії.

У спогадах Рожанський називає себе «колишнім військовим комендантом міста Миколаєва». Те ж саме він вказав в особистому листку відповідального працівника: «…з лютого по серпень 1919 р. був військовим комендантом міста Миколаєва». Під час окупації Миколаєва частинами ВСЮР (Збройними Силами Півдня Росії) під командуванням Якова Слащова заарештували Рожанського на станції Бахмач, його привезли до Миколаєва і помістили в одну камеру з «61-м комунаром». Однак Рожанського в ніч з 6 на 7 листопада 1919 р. разом з іншими «комунарами» не розстріляли. Про розстріл «61-го комунара» в жовтні 1927 р. написав свої спогади С. А. Асушкін, який утримувався в одній камері з Рожанським. Під час розстрілу Асушкін побіг, його поранили в руки, але він врятувався. Прізвище Асушкіна помилково внесено до списків розстріляних. Як врятувався Рожанський, важко зрозуміти. Під час подальшого дослідження в Держархіві Миколаївської області автором були виявлені спогади Рожанського про розстріл «61-го комунара», але в них він повідомляє про сам розстріл і жодним

словом не згадує про власний порятунок. Він пише, що Асушкіна викликали з камери, а його і Мстислава Полякова – ні, й вони дивилися з вікна камери, а потім чекали, що за ними прийдуть. В автобіографії Рожанський так описує ці події: «Під час наступу білих я змушений був відступати зі Знам'янського району на північ, так як Миколаїв був зайнятий, в околицях Прилук був захоплений групою білих добровольців, підданий екзекуції, намагався покінчити життя самогубством, порізав вени, спробував утекти, але був схоплений, підданий страшному побиттю прикладами. Як солідний злочинець був закутий у ручні й ножні кайдани, кинутий у вагон і на вимогу Миколаївської контррозвідки доставлений у Миколаївську каторжну в'язницю, де утримувався під слідством до першої панічної втечі білих, коли мені з групою товаришів удалося звільнитися».

За радянської влади з березня 1920 р. до квітня 1921 р. Рожанський працював на посаді керуючого відразу трьома миколаївськими заводами – «Руссуд», «Ремсуд» і «Темвод»; чотири місяці 1921 р. завідував виробничо-технічним відділом Херсонського та Дніпровського повітів і був заступником голови Губернської виробничо-технічної комісії; з липня 1921 р. до квітня 1922 р. очолював Управління металевої промисловості Миколаївської губернії; з серпня 1922 р. – лісовий відділ Вищої ради народного господарства УСРР (спочатку в Харкові, потім у Києві). У його особовій справі, виявленій в архівному фонді «Вищої ради народного господарства УРСР» у Центральному державному архіві вищих органів влади та управління України, немає жодної згадки про його членство в Центральній Раді. В автобіографії він повідомляє, що з 1917 р. був членом партійної організації об'єднаних соціал-демократів, «примикав до правого крила», після її розколу і до початку 1920 р. був «членом Миколаївської незалежної організації РСДРП, коли через саморозпуск організації вийшов з її складу, порвав узагалі будь-які зв'язки з соціал-демократією, її напрямками і тактикою». У Харкові Рожанський разом із сім'єю – дружиною Катериною, синами Анатолієм і Віктором, дочкою Зоєю – проживав за адресою вул. Карла Лібкнехта, буд. 17/19, кв. 5.

У 1927 р. Яном Ряппо в Харкові було створено Миколаївське земляцтво, яке займалося вивченням історії революційної боротьби і громадянської війни на Миколаївщині. Членами земляцтва були Олександр Рожанський і його дружина Катерина. У Києві Рожанський проживав за адресою вул. Підгірна, буд. 2, кв. 1. Автор виїжджала на це місце, сподіваючись знайти будинок, родичів чи сусідів, які пам'ятали Рожанського. Будинок знесений, на його місці зведено сучасну висотку. В особовій справі Рожанського немає його фотографії, не знайдено її і в інших документах. Рожанський помер у Києві 1 липня 1960 р. Сталінським репресіям не піддавався.

Долі Володимира Костенка, Яна Ряппо, Олександра Зимака, Олександра Гордона відомі. Поки не вдалося знайти відомостей про подальшу долю Олександра Зими, Бориса Брояківського, К. Бойчука та інших лідерів українського руху в Миколаєві періоду Центральної Ради.

Працюючи над темою, автор дійшла висновків, що в Миколаєві містяни вітали Центральну Раду та проголошення Незалежності України. Втім, Центральна Рада припустилася в своїй політиці багатьох помилок і прорахунків. Це і невдалий земельний закон, демобілізація армії і флоту в умовах війни, ігнорування економічних і фінансових проблем, відсутність регіональної політики, заклик німецько-австрійських військ на рідну землю. Під сумнівом виявляється і так званий успіх молодої української дипломатії на Брест-Литовських мирних переговорах. Усі ці помилки й прорахунки дозволили більшовикам, висунувши аргументи проти Центральної Ради й спровокувавши на суднобудівних заводах Миколаєва повстання, привернути на свій бік населення й у результаті захопити владу.

Левченко Лариса Леонідівна. *Доктор історичних наук, доцент кафедри історії Чорноморського національного університету імені Петра Могили. Директор Державного архіву Миколаївської області. Народилася 24 вересня 1969 р. у смт Доманівка Миколаївської області. Закінчила Московський державний історико-архівний інститут (1992). Автор близько 100 наукових праць. Заступник голови Миколаївської обласної організації Національної спілки краєзнавців України, член Спілки архівістів України. Член Миколаївської обласної редакційної колегії видань «Реабілітовані історією», «Книга пам'яті України» та інших суспільно-значущих видань. Нагороджена Орденом княгині Ольги III ступеня.*

Региональной прессе – 100 лет

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Год 1917-й. Николаевские «Известия»

«Да здрьвствуетъ международный миръ, заключенный революцией и демократіей всехъ стран безъ анексий и контрибуцій, на основѣ права наций на самоопредѣленіе!

Да здрьвствуетъ международная солидарность рабочих! Да здрьвствуетъ 8-ми часовой рабочий день! Да здрьвствуетъ интернаціализмъ! Да здрьвствуетъ соціализмъ!»

С такими лозунгами «Известия Николаевских рабочих и военных депутатов» вышли спустя месяц после падения царского самодержавия. Стоял апрель 1917 года. По существовавшей традиции рядом в круглых скобках указывались две даты: григорианского и западноевропейского календаря – 1 мая. Очень скоро большевики закрепят его государственным Декретом (24 января 1918 г.). Преобразования в бывшей Российской империи теперь измерялись вселенскими масштабами и целым веком. Наступала смена эпох.

За этими призывами Советов стояли мастеровые и крестьяне, мещане, учителя-интеллигенты, солдаты, уставшие от войны, гражданской междоусобицы, всеобщей разрухи и личной опасности. В короткий срок становилось прошлым всё, что упорно нарабатывалось многолетними общественными усилиями: талантливыми личностями, городским самоуправлением, земством.

Восстанавливая в памяти картины начала XX века, известный беллетрист и социолог Федор Степун (1884–1965), побывавший в Херсонской губернии накануне 1914 года, рассказывает о фактах настоящего преображении провинциального юга. «Юг развивался быстрее центра, – вспоминал он. – В Николаеве, где я читал дважды лекции перед очень живой аудиторией, значительная часть вывоза хлеба уже велась кооперативами. Украинские деревни, опасаясь пожаров, начинали покрываться черепицею, великорусские – железом. Не только в уездных городах, но и в больших сёлах начали появляться женские и мужские прогимназии». Наряду с ростом хозяйственного благополучия росла и культурная самодеятельность, увеличивалась сеть городских театров и музеев, действовали частные музыкальные школы, появились региональные журналы, людей привлекала афиша гастрольных трупп, оркестров, исполнявших Моцарта, Гайдна, Бетховена.

Движимый стремлением доказать, что над всеми людьми царствует единая и объединяющая всех божья правда, эмигрант Степун был вынужден с горечью признать поражение сократовских идей справедливости для людей, родившихся под красной звездой. Главенство полити-

ки является признаком вырождения культуры, делал вывод социолог. Впрочем, в воспоминаниях авторов подцензурной литературы начала XX века среди хронологии имён и событий сегодня зачастую трудно выявить значимость этих событий, трудно получить подлинные сведения об истории наших общественных объединений, наших семейных родов, домов, улиц, ремёсел. Озлобленные друг против друга люди взывали к классовому сознанию, целесообразности насилия во имя текущего момента, желали получить светлое настоящее таким, каким оно представлялось левым либералам, марксистам, социал-революционерам.

Николаевские «Известия» сообщают об освобождении 30 политзаключённых, вслед за ними свободу получили более 200 заключённых 1-й местной каторжной тюрьмы. Под заголовком «Провокаторы» печатаются списки людей, объявленных вне закона: конкретные фамилии тех, кто служил в царской охранке, – жандармов, полицейских, осведомителей. Почти в каждом газетном выпуске информация о распространившихся самосудах. В ноябре в административный участок были доставлены два вора, спасённые от расправы солдатами 7-й роты 45-го пехотного полка. 17 декабря газета писала о происшествии в гранд-отеле «Таврия» на ул. Фалеевской. Здесь постоялец попросил разбудить себя в четыре часа утра. В назначенный час поднялся и, выйдя из дверей, впустил трёх вооружённых лиц, с которыми принялся за обыск и «реквизицию» драгоценных вещей сначала у хозяйки, а затем у всех обитателей гостиницы. Общая сумма похищенного составила более 4 тысяч рублей.

На страницах николаевских «Известий» буйствовала стихия политической жизни. Печатался текст Интернационала «Вставай, проклятьем заклеймённый», многочисленные резолюции собраний и сходок: об обеспечении безработных продовольствием, о социальном страховании, о военнообязанных, о свободе национальных общин, управлении больничными кассами, распространении страхования. Газета призывала поддерживать свою печать, присылать отчёты о деятельности организаций рабочих, комитетов профсоюзов. Печатались заявления и жалобы о том, что многие обыватели и мещане, торговые и фабричные предприятия стали скрывать сведения о доходах, отказываются платить налоги в городскую казну.

Газетные полосы заполняли новости из Петрограда о содержании докладов на конференциях меньшевистских объединений и организаций большевиков РСДРП, объявления о готовящейся общегородской конференции РСДРП (400 человек), собраниях фабрично-заводских профсоюзных комитетов, союза печатников, мастеровых и служащих завода морского ведомства, «беженцев всех национальностей», предстоящем апрельском съезде временного комитета крестьянского союза при Совете рабочих и военных депутатов городов Херсона, Николаева и Одессы. В повестке дня съезда значилось обсуждение проблем снабжения продовольствием армии и тыла, отношения к войне и миру, земельного

Издания 20-х годов, г. Николаев

вопроса, «украинского вопроса», подготовки к всероссийскому Учредительному собранию, «о недостатке рабочих рук и сельхозорудий для уборки полей», об устройстве в сёлах библиотек, читален и просветительских клубов.

Октябрьский переворот в Петербурге, большевистская революция, иностранная оккупация Николаева, разгул криминала, гражданская война – вот что составляло ключевую тематику средств массовой информации бугского края.

В марте 1919 года в витринах газетных лавок г. Николаева появился журнал с красивым названием «Синяя птица». Его редакция призывала объединяться, отвлечься от реальной действительности и пойти дорогой маленьких героев пьесы Метерлинка в поисках Синей птицы, символа истины, добра и счастья, ибо «вокруг царит непроглядный мрак». Журнал вступил в открытую полемику с «совнаркомовским радетелем просвещения» А. Луначарским, что, естественно, не могло служить объединению администрации города с издателями журнала. Свет увидели лишь два номера «Синей птицы», в печати уже действовала новая цензура, введённая большевиками.

Любопытные, ещё мало изученные страницы хранит история «областных культурных гнёзд». Лишь пожелтелые комплекты региональных периодических изданий 20-х годов, чудом сохранившиеся экземпляры общественно-политических журналов, литературных альманахов помогают представить картину жизни послеоктябрьских лет.

Сразу же после восстановления советской власти в Николаеве (14 марта 1919 года) «Известия Николаевского Совета рабочих депутатов» обратились ко всем учебным заведениям, учреждениям с просьбой составить акты об уроне, произведённом бывшими оккупантами: германцами, французами, англичанами, греками, гетманцами и белогвардейцами. Газета сообщала об инициативе профсоюза рабочих-металлистов, собравшего конференцию культурно-просветительских комиссий. Цель конференций – объединение культурных усилий, создание организаций пролетарской культуры – «Пролеткульта». 30 марта местное театральное товарищество извещало о готовящейся постановке пьесы М. Горького «На дне» в честь 50-летия писателя. Следующий номер «Известий» открывался статьёй «Продовольственный кризис и борьба с ним». Так начинал жить красный Николаев. Средства информации теперь безраздельно принадлежали большевистским органам массовой печати.

Весной 1920 г., чтобы помочь укрепить советскую власть на местах, ЦК компартии направил на Украину народного комиссара просвещения А. Луначарского. В Николаев он приехал 18 мая и пробыл здесь три дня. Нарком выступал на рабочих собраниях, больших митингах, губернском съезде советов. Присутствовал на судостроительном заводе при спуске подводной лодки, названной его именем. Грандиозный общегородской митинг (10 тысяч участников) принял резолюцию наркома: «С падением помещичьей Польши падёт преграда к объединению с поднимающимся на борьбу германским пролетариатом и рухнет последнее препятствие для мировой революции».

Бывший политработник и журналист 20-х годов Михаил Гус рассказывает о сложной работе, которая досталась на долю его товарищей из губернского отделения УкрРОСТА – так тогда называли Украинское бюро российского телеграфного агентства. И хотя губРОСТА пользовалось правом самостоятельной административно-хозяйственной деятельности, оно тесно примыкало к одесской организации ЮгРОСТА, которую в мае 1920 года возглавил Владимир Нарбут, один из первых акмеистов, членов «Цеха поэтов». Он призвал в газеты «мобилизованных спецов»-журналистов. В задачу агентства входили сбор и распространение информации, передача её в тогдашнюю столицу Украины Харьков, издание стенных, устных и световых газет, организация агитационно-пропагандистских кампаний, создание корреспондентской сети в городах и сёлах Николаевской губернии.

«В Николаев к тому времени съехались многие интересные и талантливые люди, – пишет М. Гус. – Голод прогнал их с севера, а у нас всё-таки было сытнее» («Безумие свастики», 1973).

Интересные и талантливые люди – это В. Курдюмов, М. Пургольд, Д. Буланов, Б. Глубоков, Алексей Селивановский, работник политотдела Красной Армии, назначенный новым редактором николаевских «Известий». Позже А. Селивановский стал видным литературным критиком и деятелем творческих организаций, дожил до 1937 года.

«Не могу забыть, – вспоминал М. Гус, – в каком виде ко мне в УкрРОСТА впервые явился Курдюмов. Дверь в большой кабинет отворилась, и вошёл молодой человек со светлыми кудрями, в красноармейской гимнастёрке и штанах, но босой. В руках он держал солдатский котелок с кашей, а в глазах у него был монокль. Он мне представился: Всеволод Курдюмов из Петрограда, а теперь у вас здесь, в Красной Армии».

Поэт-акмеист В. Курдюмов, питерские художники Марьяна Пургольд и Дмитрий Буланов, бывший актёр Борис Глубоков и составили

творческое ядро губернского отделения РОСТА, его литературно-информационной секции. Из николаевской молодёжи к ним присоединились поэт Яков Городской и сотрудник «Известий» Касьян Федулов. Вскоре на улицах города появились свои «окна РОСТА», агитационные плакаты, панно, замысловатые, в стиле художественного авангарда конструкции монументальной пропаганды.

Осенью 1920 года под руководством Бориса Глубокова стал действовать театр революционной сатиры (Теревсат), в котором охотно выступали и Я. Городской, и В. Курдюмов, и сам редактор губернских «Известий», не расстававшийся со своей красноармейской будёновкой.

В канун третьей годовщины революции они поздравили друг друга с необычным событием: при тотальном дефиците бумаги в Николаеве вышел журнал «Октябрь». Это был своеобразный литературно-общественный альманах. В издании анализировались деятельность новой советской власти по восстановлению судостроительной промышленности, губернское профсоюзное движение, год работы продовольственных органов.

Открывался журнал поэмой А. Селивановского «Октябрь». Здесь же помещались его очерк «Октябрь в искусстве», рассказ «Машина», подписанный псевдонимом А. Стасов; поэтические произведения В. Нарбута, Я. Городского, В. Курдюмова. Статья М. Гуса «Расшевелите театр» призывала рабочих к «соучастию в театротворчестве», обсуждению местных спектаклей в рабочих клубах. «Пролетариат должен воздействовать на театр путём своего суждения», – писал критик.

Перелистывая главы (их тринадцать) поэмы А. Селивановского, невольно обнаруживаешь её стойкое сходство с другим произведением, получившим широкую известность в послеоктябрьские годы. Старейшина николаевских журналистов К. М. Федулов до конца дней как семейную реликвию хранил в домашней библиотеке тоненькую книжку с изображением на обложке цифры «12», заключённой в венок из роз. Это была поэма Александра Блока, напечатанная одесским книгоиздательством «Новый путь» в 1918 году.

«Двенадцать» была нашей настольной книгой, – свидетельствовал Касьян Михайлович. – Её страсть, поэтический ритм, многозначность образов действовали на нас неотразимо».

Однако ещё более значительным было воздействие на литераторов новой действительности. В этом убеждали и атакующие строки Владимира Нарбута, чья подборка стихотворений публиковалась под названием «Струящееся пламя». «Звенящий» октябрьский ветер, весёлые «грудастые матросы», «мудрый» Интернационал, «мировой пожар» – это были новые символы творчества бывшего акмеиста. Образ революционного пролетария занимал главное место на страницах журнала.

О чём писали и не писали газеты

В марте 1921 года литературная комиссия политпросвета при Николаевском губернском наробразе выпустила сборник поэтических произведений под названием «В день 50-летия Парижской коммуны». Всего двенадцать страниц текста, девять произведений восьми авторов. Скреплённую скобками брошюру открывали строки А. Селивановского:

Первый вестник всемирной коммуны,
Ударяющий в полночь набат, –
Ты, Париж, чьи громовые струны
Сквозь века и метели звенят!

К. М. Федулов вспоминал, с каким энтузиазмом они приняли предложение опубликовать свои стихи, посвящённые юбилею Парижской коммуны: «Мы хорошо знали историю вооружённого восстания столицы Франции, создавшего своё пролетарское правительство – Парижскую коммуну».

В стихотворениях «Парижу» А. Селивановского, «Барабанщик» Я. Городского образ «красной России», выраженный в типичных метафорах ранней поэзии советских лет – «копья электрических огней», «миллионы заводских гудков», «крики молота лихие», «алые звоны», – логическое следствие борьбы французских коммунаров, поднявших знамя восстания.

Культовые проповеднические статьи о грядущем раскрепощении общества, наступившем «царстве подлинной свободы» моделировали новую реальность, будоражили, опьяняли сознание и молодёжи из рабочей среды, и бывших выпускников лицеев, и тех, кто лишь вчера овладел азбукой в кружках ликвидации неграмотности.

В 1923 году при редакции газеты «Красный Николаев» было организовано литературное объединение «Октябрь», позже примкнувшее к Всеукраинскому союзу пролетарских писателей

Д. Охотников, Я. Городской, М. Федулов. 1924 г.

(ВУСПП). Летом этого же года в Николаеве появился одессит Эдуард Багрицкий. Его чтение стихов восторженно принимали на собраниях рабкоров, в библиотеках, клубах госкино. Одновременно в местных изданиях стали печататься его стихотворения. О встречах со знаменитым основателем «южно-русской школы поэтов» подробно рассказал ответственный секретарь «Красного Николаева» Яков Бельский в очерке «Эдуард в Николаеве».

К середине 20-х годов стихи, очерки, публицистические материалы о культурно-общественной жизни края, гражданской войне заполонили новые, в том числе и частные, издания, официально разрешённые в пору НЭПа (новой экономической политики). Родился сатирический журнал «Удав» (вышло десять номеров), николаевский филиал общества «Долой неграмотность» создал редакцию журнала «Зритель». Эта же редакция содействовала выпуску нескольких сборников очерков об ударниках пятилетки, книги стихов члена «Молодняка» Я. Цейтлина, пьесы железнодорожника П. Диброва «Бунтари» о гражданском противостоянии на селе. В молодёжной среде охотно встречали поэтов из литкружка «Шкив» судостроительного завода, слесаря меднокотельного цеха Марка Лисянского и парня из механического Бориса Магнезина (погиб в годы войны).

В николаевском филиале республиканского издательства к этому времени увидел свет молодежный альманах «Заклик», вышли поэтические сборники «Косматая Россия» и «О самом простом» Якова Городского, признанного лидера местных литераторов, участника 1-го Всеукраинского съезда пролетарских писателей (1927) и Всесоюзного съезда писателей (1934).

30 марта 1928 года газета «Красный Николаев» напечатала открытое письмо «писателю-борцу» А. М. Горькому, приветствуя его окончательное решение поселиться на родине (с 1921 по 1930 годы Горький находился в эмиграции, жил за границей):

«От лица сотрудников, рабселькоров и тысяч читателей газеты редакция «Красного Николаева», «Червоного Плугаря» приветствует Вас, дорогой Алексей Максимович, в день шестидесятилетия Вашей жизни и 35-летия литературной деятельности. Мы верим, что автор «Буревестника» ещё долго будет работать вместе с нами на ниве созидающейся социалистической культуры».

Активно заявила о себе группа «Молодняк». В 1929 г. С. Крыжанивский писал в информационной заметке: «Уже год в Николаеве, вместе с филиалом ВУСПП, работает литгруппа «Молодняк». Естественно, это не официальная организация по образцу харьковского «Молодняка» и не массовая организация в 500 человек, как донбасский «Забой», это всего лишь творческая группа. Действуют сообща украинцы и россияне. Некоторые члены «Молодняка» одновременно являются членами ВУСППа».

«Красный Николаев» публиковал рапорт «Молодняка» к юбилею М. Горького: совместно с артистами и музыкантами города было проведено более 100 массовых пропагандистских мероприятий, 30 «лабораторно-творческих вечёрок», созданы и активно действовали литературные кружки в школах ФЗО, на заводах.

Известность в среде учащейся молодёжи приобрело творчество местных поэтов Дмитрия Надиина, Якова Цейтлина, Абрама Пульсона, автора сборника стихов «Высокая равнина». Прозаика и рабкора, токаря-разметчика Владимира Мускина. Степана Крыжанивского охотно печатал одесский литжурнал «Блиски», газета «Комсомолец Украины». В группе «Молодняк» особо привечали начинающих авторов, пишущих на украинском языке, пропагандировали национальные культурные традиции. Так называемые «буксирные» бригады молодняковцев выезжали на весенне-полевые работы, устраивали литературную учёбу, склоняя товарищей к «освоению пролетарской тематики». Часто в кругу николаевских рабкоров выступал их ровесник из Херсона прозаик Борис Лавренёв.

Сегодня, на расстоянии сотни лет, следует говорить и о замалчиваемых темах, о чём не писала местная пресса первых десятилетий XX века. Катастрофический упадок культуры и нравов, «хлебные нормы», трупы людей на городских улицах, умерших от голодной смерти, репрессии, преследования и аресты представителей интеллигенции – местные газеты об этом упоминали лишь в хронике событий. Угрожающая статистика сопротивления сельского населения диктатуре власти вызывала ответные меры тех, кому вменялось охранять победившую революцию от посягательств «классовых врагов». Управление Николаевского комиссариата внутренних дел (УНКВД) располагало массой осведомительных документов, где фигурировали студенты и их преподаватели, уполномоченные по заготовке продовольствия, судостроители-саботажники, артисты, священники, журналисты.

Со стороны высшего руководства НКВД СССР следовали указания в короткий срок «очистить» Украину от «кулацких элементов», «повстанцев», «шпионов», «вредителей», «троцкистов» и «буржуазных националистов». Следствием этой политической кампании стали массовые внесудебные приговоры. По последним данным исследователей, количество жертв политических репрессий на Николаевщине в 20–50-х годах достигает более четырёх тысяч человек («Реабілітовані історією», кн. 1–6).

Свидетелями трагических судеб земляков сегодня выступают архивные документы. К примеру, мало известны события, которые произошли в мае 1932 года в селе Бормашово Баштанского района Николаевской области. Из учебников, художественных произведений мы знаем, насколько антагонистично воспринимались в ту пору новые формы коллективного хозяйствования. Выпускницы местной школы крестьянской молодёжи (семилетки) в канун первомайского праздника написали на тетрадных листах тексты своей «газеты» и прикрепили их на дверях партячейки и правления сельской артели. Так возникло судебное дело № 9387 областного отдела ГПУ УССР по обвинению четырёх подруг в «изготовлении и распространении антисоветских листовок, создании группировки, готовившей убийство коммунистов в с. Бормашово». Злоумышленницы были арестованы вместе со школьным учителем и предстали перед уполномоченными ГПУ. Архивное дело сохранило все подробности того майского дня, вернее, вечера, когда девушки совершили свой опрометчивый, но вполне осознанный поступок. Они выступили против председателя правления артели пьяницы Весёлкина, который продал на сторону колхозную муку. На листах общей тетради девушки написали: «Товарищи колхозники, разве вы не видите, что вам хлеба не дадут?.. Так давайте объединимся вместе, чтобы бороться до победного края, покуда не уничтожится пьянка и почнётся оплата труда… Мы уничтожим пьяниц и будем работу проводить сильнее и не станем вождями…»

В судебном деле имеются вещественные доказательства, тетрадные листы, сама «газета», разрисованная цветными карандашами. Во время допроса арестованная Надежда Вочкова, учащаяся 7-й группы, призналась: «Месяца полтора тому назад я подавала заявление о вступлении в комсомол, мне отказали. Я поставила своей целью мстить комсомолу, в частности члену партии Бардаченко, который дал мне отвод…»

Остаётся только сообщить постановление судебной тройки по делу ГПУ (пропаганда и агитация против советской власти), которое было начато 20 июня 1932 г., а завершилось 30 июля 1998-го. Завершилось реабилитацией трёх подруг, подвергнутых наказанию в виде заключения в концлагерь сроком на три года. Несовершеннолетней Н. Вочковой было определено иное наказание: «заключить в дом малолетних преступников».

Рапорт «Молодняка»

Заметный след в истории региональной культуры оставил литературно-сатирический журнал «Бурав», который выходил на русском и украинском языках в течение двух лет (1924–1925) в качестве литературного приложения к газете «Красный Николаев».

«Бурав» не замыкался в кругу местных проблем культурной жизни, стремился выйти за рамки провинциальных обычаев, призывал ориентироваться на творчество писателей «от станка и плуга», но при этом учиться мастерству у известных литераторов непролетарского происхождения, так называемых попутчиков. Об этом говорят публикации авторов, чьи имена не сходили со страниц литературных журналов. В «Бураве» увидели свет поэтические произведения В. Казина, С. Обрадовича, А. Жарова, М. Светлова, С. Кирсанова. Эдуард Багрицкий печатает здесь свою знаменитую балладу «Арбуз». Проза в николаевском издании была представлена рассказами В. Катаева, Ф. Гладкова, М. Шагинян.

Августовский номер журнала за 1924 год (№ 8) публиковал два рассказа И. Бабеля – «Соль» и «Сказка про бабу». Здесь же Я. Городской в статье «Певец конармии» пытался определить своеобразие бабелевской прозы, отмечал «потрясающую» силу воздействия его рассказов, смелость в изображении картин гражданской войны – «без пустой агитационности, без провалов в рассужденчество, без выкрутас словесного порядка». «Бабель не боится жизни, он не прикрашивает действительности, и она глядит на нас своей жуткой, но прекрасной правдой», – делал заключение Я. Городской.

Критику из «Бурава» был хорошо понятен пафос новеллы «Соль», гнев её героя, конармейца Никиты Балмашева, выстрелившего в женщину. Он был обманут в лучших революционных чувствах. Выдав куль соли за дитя, мешочница ко всему ещё позволила оскорбить словом вождей революции Троцкого и Ленина. В тридцатых годах этот сюжетный фрагмент издатели вычеркнули из текста произведения, значительно ослабив его художественную силу. Мало известна современному читателю «Сказка про бабу». Её публикации в «Бураве» и журнале «Красная новь» (1924) были последними общественными смотринами колоритной новеллы, которая удачно вписывается в цикл «Одесских рассказов» И. Бабеля.

«Ни одного гектара незасеянной земли!», «Тут рвут с религиозными предрассудками», «Люди строят коммунизм» – вот заголовки местных газет, характерные лозунги дня, с которыми Николаевщина перешагнула год 1930-й.

Пафос того, по выражению Андрея Платонова, «прекрасного и яростного» времени зримо передавала молодая украинская литература, утверждавшая себя в оригинальных стилевых исканиях. Линию «Бурава» на сплочение творческих сил города, широкое привлечение рабочих-ударников в литкружки подхватила редколлегия ещё одного местного издания начала 30-х годов – журнала «Стапелі», выходившего на украинском языке (известны восемь номеров). Это был «художественно-политический» ежемесячник, орган николаевских организаций ВУСПП, «Молодняка» и газеты «Шлях індустріалізації».

С журналом охотно сотрудничали В. Сосюра, П. Усенко, И. Микитенко, В. Чечвянский, здесь публиковались также Павел Ходченко, воспитанники Николаевского института народного образования поэты Степан Крыжанивский, Дмитрий Надиин (погиб во 2-й мировой), Василий Малагуша (несправедливо осуждён на 10 лет), представители подцензурной печати, которые своими произведениями определяли облик литературы Украины первых советских десятилетий. Любовно вспоминая молодые годы, известный поэт и литературовед С. А. Крыжанивский писал:

Тут вчився я, тут мріяв я про друга,
Тут кидався в бурхливу течію,
Тут полюбив блакитні води Бугу,
Завод і порт – індустрію твою.

Вусповцы, члены ещё одного николаевского объединения – ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота), поддерживали тесные связи с писательскими организациями Одессы, Харькова, Ленинграда, регулярно устраивали вечера, посвящённые творчеству А. Пушкина, Т. Шевченко, В. Маяковского, А. Фадеева, В. Блакитного, В. Чумака. В публикациях окружной газеты, местных журналов и альманахов отражалась деятельность всей страны победившего большевизма. Её каноническими летописцами выступали русские поэты А. Безыменский, Н. Тихонов, А. Жаров, украинские литераторы И. Ле, Л. Первомайский, М. Бажан, В. Сосюра, П. Тычина.

В ответ на партийный призыв к писателям сосредоточить внимание на важнейших процессах периода реконструкции И. Микитенко публикует в «Красном Николаеве» (25 февраля 1930 г.) очерк «Рушатся стены». Вот его фрагмент, который доносит до нас горячее дыхание того противоречивого времени:

«…Вы на широких, прямых улицах Николаева, рабочего города, и идёте к гостинице, чтобы поселиться на несколько дней в тихом номере.

И лишь очутившись в конторе гостиницы, где всегда были к вашим услугам почти все комнаты, вы замечаете, что произошло нечто чрезвычайное. А именно: умерла провинция. Нет её. Вам коротко и категорично заявляют, что свободных комнат нет и неизвестно, когда будут…

Тогда вы идёте в другую гостиницу, но и там ваши надежды разбиваются бесповоротно и окончательно… В гостинице нет мест… Вы замечаете, кстати, что вместе с вами из гостиницы в гостиницу передвигаются долгие очереди людей с чемоданами, дорожными сумками, мешками, кошелками.

И что это за люди? И куда они идут?

– Кем переполнены гостиницы? – почти в растерянности спрашиваете вы…

А в ответ вам из дверей снуют днепропетровские курсанты, агрономы и землемеры, члены бригад совместной обработки земли, трактористы, агротехники, председатели райисполкомов, инспектора, члены коллективов, тысячники, двадцатипятитысячники, студенты, люди с озабоченными, сердитыми лицами, люди, что приехали из села в город, люди, которые переезжают из города в село – в новую жизнь, что пахнет тревожно и неуловимо сладко, как первые почки весной.

Тогда вы почти физически ощутите, как рушатся стены, что веками стояли между селом и городом».

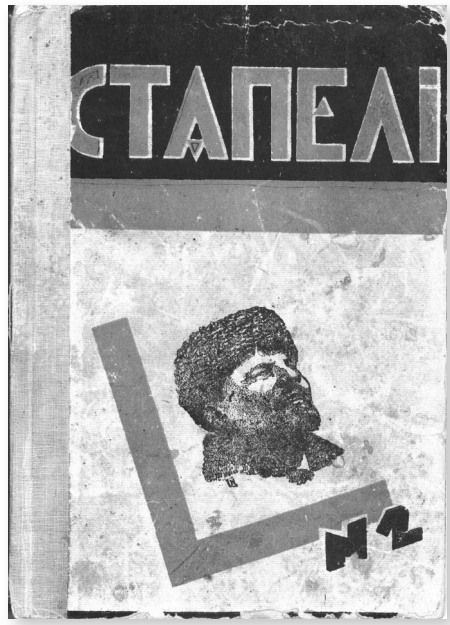
Лето 1934 года в Николаеве было богато событиями. В комсомольском кинотеатре имени Ильича демонстрировался документальный фильм «Челюскин» – страна ещё переживала эпопею спасения отважных покорителей Севера. Газета «Шлях індустріалізації» сообщала о прибытии в город известного лётчика, Героя Советского Союза Леваневского вместе с челюскинцами Бобровым, Погосовым, о готовящейся торжественной встрече.

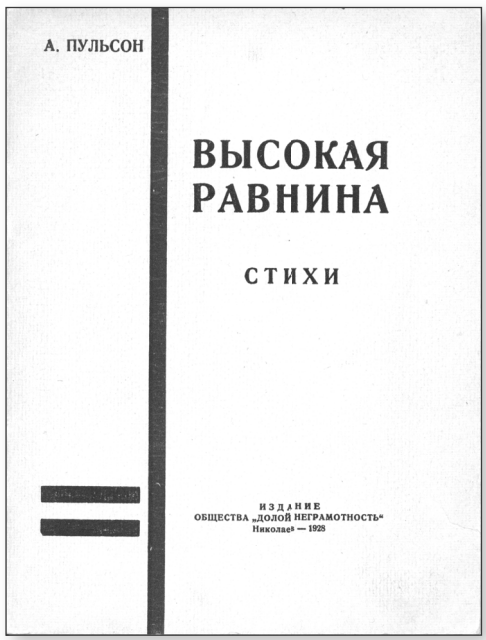
Событием стал и спектакль литературного театра ленинградского оргкомитета Союза писателей. Союза как такового ещё не было, но активно действовал его оргкомитет, возглавляемый М. Горьким. По его предложению для

изучения состояния творческой работы в разные концы страны выехали писательские бригады. В конце июля в Николаев приехал Леонид Соболев, автор недавно опубликованного и высоко оценённого официальной критикой романа «Капитальный ремонт». В беседе с журналистами, литкружковцами Л. Соболев говорил о задачах предстоящего объединительного съезда писателей СССР. Съезд должен был обсудить и некоторые теоретические вопросы, в частности, разъяснить смысл появившегося в печати определения «социалистический реализм».

Семнадцатого августа радио не переставало информировать об открытии съезда писателей в Москве. Начало его работы совпало с торжественным открытием Николаевского аэроклуба имени С. А. Леваневского. Газета «Шлях індустріалізації» ежедневно помещала на своих страницах отчёты из Колонного зала Дома союзов, где собрались литераторы. Съезд продолжался две недели, его участники оставили о нём свои воспоминания: в зале оглушающе гремел оркестр, исполняя церемониальный марш, трансляция была плохая, выступления писателей прерывались объявлениями «нас пришли приветствовать». Приветствовали бойцы Красной Армии, пионеры, делегации работников «Трёхгорки», колхозников, строителей метро, московских учителей, актёров, бывших политзаключённых. «Всё это было патетично, наивно, трогательно и походило на необычный карнавал…», – свидетельствовал Илья Эренбург. Съезд, утверждал он, не носил делового характера, превратился в политическую демонстрацию.

Иное впечатление вынес из московской встречи николаевец Яков Городской. «Мы, делегаты Украины, сидели в первых рядах…», – вспоминал он. Алексей Максимович пожелал встретиться с делегатами из Украины. «Горький пожимал нам руки своими большими горячими руками. Ростом он был выше всех собравшихся – и в этом был некий символ... Украинскую песню в Горках пели в ту ночь все».





И ещё несколько строк к характеристике «объединительного» съезда советских писателей. Более полувека оставался недоступным для исследователей его стенографический отчёт. Мало знали историки и о судьбе делегатов, талантливых людей, которые не смогли свободно творить в условиях сталинского режима. Факты дьявольской статистики говорят о том, что из 600 участников съезда каждый третий был арестован, и в 1937-м они погибли в тюрьмах и концентрационных лагерях, подвергались публичной травле, обвинениям в антисоветской деятельности. Я. З. Городской (1898–1966, настоящая фамилия Блюмкин) в 1937 г. тоже обвинялся вместе с И. Фефером, И. Микитенко, П. Усенко в том, что «вёл подлую вражескую работу в украинской писательской организации», но арестован был только Микитенко.

К этой статистике с полным основанием можно отнести и ключевую фигуру съезда Максима Горького. После возвращения из эмиграции бывший «буревестник» революции, приверженец философии оптимизма испытывал духовную драму. И его не щадили, есть две версии смерти писателя: то ли умер от хронической болезни, то ли отравили чекисты.

Евгений Мирошниченко

Сергей ГАВРИЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА

Областное управление по охране государственных тайн в печати. Два цензора сидят в кабинете. Столы завалены сигнальными экземплярами книг издательства «Просвещение». Чиновники быстро пролистывают страницы, делают какие-то пометки, пишут заключения на титульных листах. Работа движется медленно. Они уже устали и хотят уйти домой. Один вытаскивает из стопки очередную книгу с заголовком «Слово о полку Игореве».

– Смотри, – обращается к коллеге, – совсем обнаглели. На первой странице название воинской части и имя командира...

– Ерунда, – отвечает второй, – поменяй заголовок и пропускай.

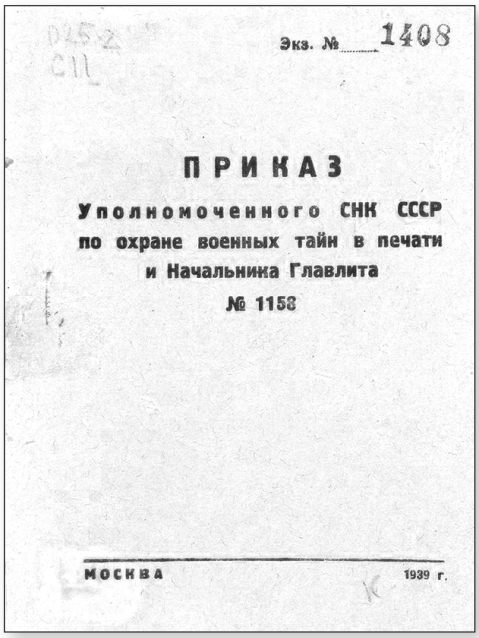
– Как поменять заголовок?

– Ну, поставь... поставь «Слово о подразделении».

Это самый популярный анекдот о Главлите – Главном управлении по делам литературы и издательств, бытовавший в эпоху хрущёвской оттепели. Главлит был создан 6 июня 1922 года с целью объединения всех видов цензуры печатных произведений. Сначала он подчинялся Наркомпросу, а с 1946-го – Совету министров СССР. Грозное учреждение. Оно имело жёсткую вертикаль и контролировало всю печатную продукцию: от трамвайных талонов до энциклопедий.

В 1940 году здесь работало 5 000 цензоров, из которых только 506 человек имели высшее образование. Главлит был призван охранять ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ. Что это такое, и почему столько людей её охраняли?

В 1925 году Главлит выпустил первый «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в целях охранения политико-экономических интересов СССР». Текст списка имел 16 страниц и содержал 96 государственных тайн.



Экз. № 1408

ПРИКАЗ

Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и Начальника Главлита

№ 1158

МОСКВА 1939 г.

Тайною было следующее: статистика о количестве беспризорных детей и безработных, сведения о крушениях поездов и взрывах на предприятиях, о перечне медикаментов в аптеках, о кремлёвских стенах, о входах и выходах из Кремля, о неурожаях, эпидемиях, наводнениях, землетрясениях и т.д. Секретной была информация о голоде, крестьянских волнениях и… абортах. Нельзя было говорить об ограблениях, кражах и убийствах, нельзя… Много чего нельзя.

В 1936-м количество государственных тайн возросло до 372-х, в 1937-м добавилось ещё 300. Это были «всеобщие» тайны, обязательные для всех. В провинции обллиты могли к основному списку государственных секретов добавлять свои местные запреты на информацию.

Литература, искусство, театр и живопись Николаева, переживавшего бум военного судостроения, оказались под двойным прессом из общих государственных тайн и местных секретов.

Управление по делам литературы и издательств при Николаевском облисполкоме было создано в 1937 году одновременно с созданием Николаевской области.

Штатное расписание обллита состояло из девяти человек: начальник, старший цензор, три младших цензора и четыре человека технического персонала (архивариус, делопроизводитель и два курьера). Областные чиновники руководили целой армией сотрудников. В каждом районе был свой цензор, которому подчинялись цензоры-совместители, работавшие на предприятиях, в библиотеках, типографиях и книготорговых организациях.

По архивной статистике, количество людей, стоящих на охране государственной тайны в корабельном крае, колебалось от 400 до 150 человек в разное время.

Николаевский обллит с первых дней своего существования непрерывно расширял номенклатуру государственных тайн. Редакторам газет запрещалось публиковать сведения о морском порте, о его производственных мощностях, грузообороте, ёмкости складских помещений, протяжённости причальных линий. Засекречивались данные о дислокации береговых радиотехнических средств, о водных подходах к закрытым портам, о глубинах фарватеров и акваторий, о профилях каналов и движении наносов в районе порта.

Под тотальным запретом находились любые упоминания о режимных предприятиях, сведения о производственных показателях судостроительных и других заводов, ссылки на документы, предназначенные для служебного пользования, информация о спусках на воду военных кораблей. За 55 лет своего существования цензоры Николаевского обллита создали в городе дополнительную номенклатуру государственных тайн из 152 позиций. Наш город испытывал двойную цензурную нагрузку по сравнению с соседними Херсоном и Одессой. Николаевский историк Владимир Щукин, который много занимался историей местной цензуры, справедливо отмечал: «Составить полную картину о масштабах и конкретных деталях деятельности обллита крайне сложно, поскольку большинство инструктивных документов, поступавших из Главлита, а также отчёты цензоров тщательно уничтожались «путём разрыва на мелкие части», о чём составлялись акты… Сохранились ежегодные отчёты о работе обллита, отправлявшиеся в вышестоящую инстанцию. Как свидетельствуют факты, обллит на практике осуществлял не столько охрану государственных тайн, сколько политико-идеологическую цензуру, хотя последней должны были заниматься партийные органы…»

Именно политическая цензура Николаевского обллита, направленная на жестокий контроль литературного процесса, театра и живописи, породила знаменитый «Николаевский феномен» – взрывное развитие различных видов искусства.

Художники, писатели, поэты и режиссёры испытывали двойное давление со стороны властей. Они уходили во «внутреннюю эмиграцию» и создавали произведения, которые сегодня признаны во всём мире.

«Библиофилы» и «эстеты»

Особым направлением работы Николаевского обллита был контроль за библиотечными фондами и литературой, находившейся в книготорговых организациях. Ежегодно проводились проверки фондов библиотек, в ходе которых изымалась «вредная» литература.

Владимир Щукин на основе архивных данных приводит подробную статистику уничтожения книг. В 1948 году из 366 николаевских библиотек было изъято 1047 изданий, в 1955-м – 8447, в 1959-м – 3288 и в 1984-м – 102 наименования.

Репрессиям подверглись дореволюционные справочные издания и энциклопедии, вся религиозная литература, поэзия и проза «серебряного века», старые кулинарные книги, статистические сборники до 1940 года. Из советской литературы уничтожались тиражи книг Ольги Берггольц «Говорит Ленинград», «Чёрная книга» Ильи Эренбурга, «В окопах Сталинграда» и другие книги В. Некрасова, «1941, 22 июня» А. Некрича, «Селенга» и «Продолжение легенды» А. А. Кузнецова. Все труды официозных историков, философов и литературоведов, прославляющих личность Сталина. Изъяты монографии этнографов, лингвистов и учёных-аграриев периода коллективизации.

По самым осторожным оценкам исследователей, Главлит запретил к открытому пользованию более 12 000 наименований литературы. Тиражи книг были уничтожены, единичные экземпляры оставлены в спецхранах для служебного пользования.

Известный николаевский археолог и публицист Василий Иванович Никитин вспоминал о том, как в середине 60-х годов во дворе краеведческого музея свалили сотни томов дореволюционных изданий из богатой музейной библиотеки и по требованию чиновников обллита сожгли.

Тотальная борьба с запрещённой литературой мотивировалась, по мнению доктора исторических наук Александра Некрича, тем, «чтобы создать новую коллективную память народа, начисто выбросить воспоминания о том, что происходило в действительности, исключить из истории всё, что не соответствует или прямо опровергает исторические претензии КПСС».

В 1952 году чиновники обллита пристально посмотрели на николаевских художников. В городе ещё не было областной организации Союза художников УССР, существовало лишь товарищество «Художник», куда входили 14 человек. Местные власти плотно задействовали живо-

писцев в написании портретов руководителей коммунистической партии и правительства для революционных праздников и демонстраций.

Цензоры обллита потребовали предоставления всех портретов классиков марксизма-ленинизма и членов политбюро для проверки на соответствие с утверждённым эталоном. Было показано 63 портрета. Чиновникам понравились только 56. Пять ликов Ленина и Сталина они приказали «доработать», а два портрета вообще запретили к показу.

Не повезло двум художникам: Владимиру Зизде – у него Ленин получился каким-то недобрым и Эдуарду Штейнбергу, у которого Ильич был изображён супрематично.

Цензурировались не только портреты вождей, но и натюрморты, пейзажи, картины с сюжетами из бытовой жизни. Владимир Щукин сообщает о том, что в 1954 году из 1548 портретов, представленных на контроль николаевскими художниками, 57 были забракованы, а 207 отправлены на доработку «как изготовленные на низком идейно-художественном уровне, некачественно, с отклонением от эталонов». Картин неполитического содержания представлено 233, из них по четырём были сделаны замечания, одна запрещена. В 1955-м из 844 портретов руководителей партии и правительства 84 было возвращено на доработку, 16 забракованы.

Николаевские художники терпели не только жёсткий контроль «эстетов» обллита, но и тотальную гэбэшную цензуру.

В 1985 году заслуженного художника Украины Анатолия Завгороднего пригласили на спуск тяжёлого авианесущего крейсера «Леонид Брежнев» (переименован в «Тбилиси», затем «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов»). Анатолий Петрович проникся фантастическими очертаниями корабля, прибежал в мастерскую и быстро набросал по памяти эскиз, который плавно «перешёл» в полноценную картину.

Через несколько недель это полотно попадает на традиционную выставку украинских художников, приуроченную к открытию XXV съезда КПУ. Устроители вернисажа повесили картину в центральном зале на престижном месте. Когда руководство пришло посмотреть экспозицию – началась истерика. «Каким образом секретный корабль, за которым охотятся все спецслужбы мира, открыто висит в центре Киева?!»

Завгороднего вызвали на ковер, и неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы у художника случайно не остался пригласительный билет на спуск корабля. На бланке было изображение секретного крейсера.

Все годы советской власти николаевские художники реализовывали себя в работах для приватных коллекционеров, на официозных выставках господствовал соцреализм.

Комсомольцы-меломаны

Чиновники обллита стремились контролировать музыкальный репертуар оркестров и самодеятельных групп. Все песни, исполнявшиеся в СССР, подлежали предварительной цензуре, программы концертных выступлений утверждались отдельно от текстов музыкальных произведений.

В 1983 году Министерство культуры СССР приняло инструкцию, согласно которой все профессиональные и любительские музыканты обязаны были 80 процентов концертного репертуара составлять только из песен, написанных членами Союза композиторов СССР. Средний возраст членов Союза составлял 60 лет, а новых членов туда не принимали с 1973 года.

(ТАСС).

Сегодня ты играешь джаз, а завтра – Родину продашь!

ЦК КПСС надеялся, что китайские товарищи так же, как и мы, проявят добрую волю и будут способствовать успеху встречи в интересах всего движения. К нашему сожалению, в интересах коммунистического движения, к встрече единства коммунистов не была достигнута договоренность о встрече ЦК КПК в Москве, назначены делегации товарищи вместо то-

Откровенно недружественные действия руководителей КПК, их настойчивое стремление обострить полемику в международном коммунистическом движении, заведомое извращение позиции нашей партии, неправильное истолкование мотивов, по которым мы временно воздерживались от публикации, побуждают нас оценку этому документу. от 14 июня 1963 года и дать письмо ЦК КПК, уходит за грани

Каждый, кто проявит единстве и сплочении партии и Советской ними фразами о единстве выпады против нашей партии и СССР, за тр

С распространением молодёжных дискотек возникла проблема контроля за исполнявшейся там зарубежной музыкой, которая распространялась на магнитофонных лентах.

Отслеживать репертуар дискотек должны были комсомольские органы. 10 января 1985 года Николаевский обком ЛКСМ Украины направил секретарям местных организаций «Примерный перечень зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся идейно вредные произведения для воспитания молодежи».

Документ случайно сохранился у коллекционеров и представляет несомненную ценность для краеведов.

Секретарь обкома комсомола П. Гришин подписал эстетический приговор зарубежным группам. Стоит его процитировать с орфографией и пунктуацией:

1. Секс Пистолз – панк, насилие.

……

6. Кисс – неофашизм, панк, насилие.

…….

9. Айрон Майден – насилие, религиозное мракобесие.

10. Джудас Прист – антикоммунизм, расизм.

……

13. Блек Сабат – насилие, религиозное мракобесие.

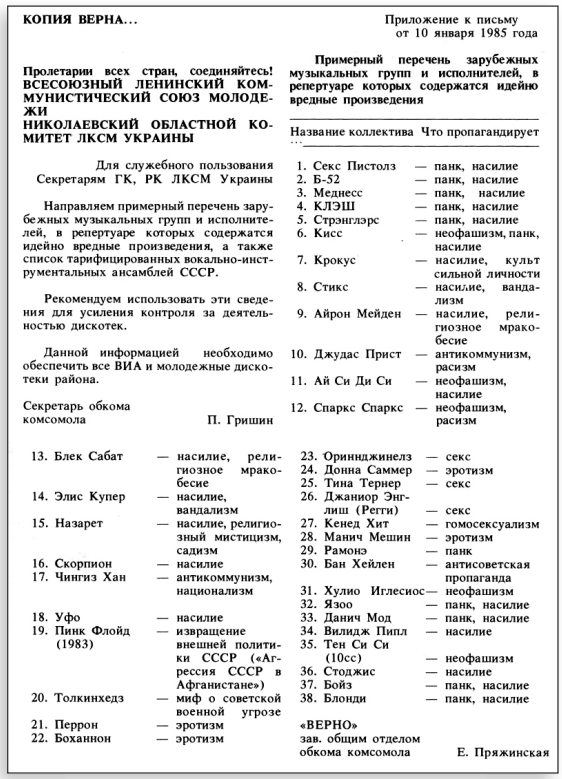
……

19. Пинк Флойд – извращение внешней политики СССР (Агрессия СССР в Афганистане).

Всего в списке 38 зарубежных групп, и всем поставлен политический эпикриз.

Комсомольские меломаны утверждали репертуар самодеятельных групп. У всех николаевских лабухов, которые ездили по сёлам халтурить на свадьбах, был репертуар из разрешённых к исполнению песен и музыкальных композиций.

В реальности всё происходило полюбовно. В комбинате бытовых услуг новобрачные оплачивали заказ на исполнение песен музыкальным коллективом. Когда коллектив приезжал в село, хозяева давали музыкантам ещё 200 рублей и всю ночь плясали под что хотели. Если жених оказывался прижимистым, то гости целый вечер слушали «Время, вперёд» и «День Победы».



КОПИЯ ВЕРНА…

Приложение к письму
от 10 января 1985 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
НИКОЛАЕВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ЛКСМ УКРАИНЫ

Для служебного пользования
Секретарям ГК, РК ЛКСМ Украины

Направляем примерный перечень зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся идейно вредные произведения, а также список тарифицированных вокально-инструментальных ансамблей СССР.

Рекомендуем использовать эти сведения для усиления контроля за деятельностью дискотек.

Данной информацией необходимо обеспечить все ВИА и молодежные дискотеки района.

Секретарь обкома комсомола П. Гришин

Примерный перечень зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся идейно вредные произведения

Название коллектива	Что пропагандирует
1. Секс Пистолз	— панк, насилие
2. Б-52	— панк, насилие
3. Меднесс	— панк, насилие
4. КЛЭШ	— панк, насилие
5. Стрэнглэрс	— панк, насилие
6. Кисс	— неофашизм, панк, насилие
7. Крокус	— насилие, культ сильной личности
8. Стикс	— насилие, вандализм
9. Айрон Мейден	— насилие, религиозное мракобесие
10. Джудас Прист	— антикоммунизм, расизм
11. Ай Си Ди Си	— неофашизм, насилие
12. Спаркс Спаркс	— неофашизм, расизм
13. Блек Сабат	— насилие, религиозное мракобесие
14. Элис Купер	— насилие, вандализм
15. Назарет	— насилие, религиозный мистицизм, садизм
16. Скорпион	— насилие
17. Чингиз Хан	— антикоммунизм, национализм
18. Уфо	— насилие
19. Пинк Флойд (1983)	— извращение внешней политики СССР («Агрессия СССР в Афганистане»)
20. Толкинхедз	— миф о советской военной угрозе
21. Перрон	— эротизм
22. Боханнон	— эротизм
23. Ориннджинелз	— секс
24. Донна Саммер	— эротизм
25. Тина Тернер	— секс
26. Джаниор Энглиш (Регги)	— секс
27. Кенед Хит	— гомосексуализм
28. Манич Мешин	— эротизм
29. Рамонэ	— панк
30. Бан Хейлен	— антисоветская пропаганда
31. Хулио Иглесиос	— неофашизм
32. Язоо	— панк, насилие
33. Данич Мод	— панк, насилие
34. Вилидж Пипл	— насилие
35. Тен Си Си (10сс)	— неофашизм
36. Стоджис	— насилие
37. Бойз	— панк, насилие
38. Блонди	— панк, насилие

«ВЕРНО»
зав. общим отделом обкома комсомола Е. Пряжинская

* * *

Николаевский обллит окончательно захирел во времена перестройки и почти умер 12 июня 1990 года, когда вышел Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». Этот нормативный акт запретил политическую и идеологическую цензуру СМИ.

Точку в биографии николаевских цензоров поставило постановление от 19 февраля 1992 года – «Положення про Миколаївське обласне управління по охороні державних таємниць у пресі та інших засобах масової інформації».

Эпоха электронных СМИ породила у современных политиков ностальгию по тотальной цензуре. Украинский парламент уже несколько раз на законодательном уровне пытался «прижать» отечественные интернет-издания и обрести властные рычаги давления на журналистов. Пока получается плохо. Впрочем, это уже другая история.

Гаврилов Сергей Иванович. *Родился 26 апреля 1958 года в г. Красноярске (РФ). Прозаик, историк, фрилансер. Окончил Новосибирский государственный университет (1983). Дебютировал в журнале «Сибирские огни», где опубликовал повесть «Рождение» (1981). Активно сотрудничает с газетно-журнальной прессой Украины и зарубежными изданиями, автор публицистических, историко-краеведческих статей, сборника исторических очерков «Николаев 220 лет», повестей «Цирк» (2004), «Турпоход» (2005), «Союз» (2007), исторического детектива «Самурай» (2005 – все изданы в Николаеве); романа (совместно с Ю. Любаровым) «Закон О.М.а.» (2014).*

Вячеслав ГЕРАЩЕНКО

ЗАЧЕМ НУЖНЫ КЛАСТЕРЫ

В последнее время в различных СМИ, на страницах журналов и газет при обсуждении проблем совершенствования управления и поиска эффективных инвестиций всё чаще мелькает новый термин – кластеры. Для выяснения его содержания, лучшего понимания, зачем, почему и для чего Николаевщине необходимы кластеры, редакция «СУ» поручила профессору, доктору педагогических наук Илье Старикову побеседовать на эту тему с коренным николаевцем, руководителем программы PresidentsMBA Киево-Могилянской бизнес-школы Вячеславом Геращенко.

«СУ»: Многие читатели нашего журнала наверняка помнят, как в годы советской власти в обиходе появлялись и затем исчезали самые разные научно-экономические термины и понятия. Вспомним «НОТ» – научная организация труда; «бригадный подряд» – система оплаты по конечным результатам труда; …и многие другие, уже полузабытые. Чем же вызвано появление «кластеров», и не ожидает ли их такая же участь?

В.Г.: Смена терминологии, вообще-то, процесс естественный и неизбежный. Он носит исторический характер и лишь подтверждает динамичный характер развития общества. Поэтому очень важно своевременно понимать, что стоит за содержанием того или иного появляющегося термина, каково его содержание и что нового вносит он в социально-экономическую и научную практику.

О роли и значении кластеров впервые задумались ещё древние греки, даже не используя этого термина, они начали концентрировать свои производства по близкому роду их деятельности. А в 1890 году английский учёный Альфред Маршалл издал свой труд «О концентрации специализированных отраслей в отдельных местностях». Но научно обоснованное понятие кластера впервые сформулировал американский экономист из Гарвардского университета Майкл Портер, изучавший природу экономической конкуренции и издавший в 1990 году книгу «Конкурентные преимущества наций».

Он задумался: почему в одной и той же стране одни регионы развиваются гораздо быстрее других и оказываются более благополучными в социально-экономическом уровне жизни населения? И он пришёл к выводу, что происходит такое, если в одном месте создаётся система взаимосвязанных производителей, фирм, организаций или группа компаний, специализирующихся на выполнении определённых видов продукции, связанных общей деятельностью. Эту форму организационно-деловых связей он назвал кластером. Оказывается, их создание в условиях рыночной конкуренции обеспечивает каждому участнику экономическую выгоду, которая превышает простую сумму, получаемую при их раздельной деятельности. Данное теоретическое положение им было проверено и подтверждено результатами практической деятельности многих фирм и предпринимателей различных регионов в Индии, Канаде, Португалии, Южной Корее и других странах. Не случайно Майкл Портер отмечен степенью почётного доктора наук семи стран мира. А на сегодняшний день уже семьдесят пять стран имеют целевые программы, направленные на организацию и внедрение кластеров.

«СУ»: А можно ли привести конкретные примеры видов продукции, изготавливаемой кластерами, и их географическое местонахождение?

В.Г.: Пожалуйста. В итальянском городке Бьэллас 48 тыс. жителей, там сосредоточено 200 текстильных фабрик, организационно объединённых в кластер, позволивший этому поселению стать мировым лидером текстильной промышленности.

В американском городе Далтон, насчитывающем 23 тыс. жителей и 174 фирмы, занятых производством ковровых покрытий, создание кластера позволило производить 50% мирового рынка этой продукции. А в городе Вичита, в котором проживает чуть больше 300 тысяч американцев, с организацией кластера появилась возможность сосредоточить 50% мирового изготовления малых самолетов.

Во Франции в селе Брель, где всего 3 тыс. жителей и 15 фабрик, занятых изготовлением бутылок для парфюмерии, созданный кластер позво-

лил охватить 75% мирового рынка по сбыту этой продукции. Или такой характерный пример из Китая. В кластере города Кьйаотоу с 33 тыс. жителей сейчас сосредоточено 60% мирового рынка по производству пуговиц.

«СУ»: А в Украине что-то делается в этом направлении?

В.Г.: Как положительный пример можно взять опыт Львова. Здесь после развала СССР осталась хорошо развитая образовательная, научная и промышленная база в сфере электроники и технико-математических наук. Поэтому в конце 80-х годов с появлением кооперативов здесь начали создавать небольшие фирмы, специализирующиеся в области компьютерного программирования. Уже в 2008 году здесь совместно с международной консалтинговой компанией Monitor Group разработали под руководством мэра стратегию и конкретную программу мероприятий по обеспечению экономической конкурентоспособности города на основе кластерной методологии. По состоянию на февраль 2017 года в Львовский IT-кластер уже входили 65 организаций, которые объединили больше 10 тыс. IT-специалистов. Чтобы стала понятной масштабность работ, предусмотренных этой программой, приведу только один факт. Львовяне разработали уникальный проект IT-House, предусматривающий строительство единственного в своём роде жилья для IT-специалистов кластера.

«СУ»: Чем же организация кластеров отличается от традиционных производственных объединений в виде артелей, трестов, концернов, холдингов и других?

В.Г.: Кластеры имеют три обязательные характеристики. Во-первых, продуманную специализацию всего объединения (по англ. – smart-specialisation); во-вторых, географическую концентрацию; в-третьих, сеть организационных, технологических и социальных взаимосвязей между его участниками. Причём эти взаимосвязи охватывают как бизнес-организации, образовательные и научные институции, так и структуры власти.

На практике реализация кластерной стратегии выглядит следующим образом. В определённом регионе собираются потенциальные участники кластера, которые специализируются в какой-то конкретной сфере деятельности и психологически подготовлены к участию в кооперации. Они же подбирают и назначают команду кластерных менеджеров для оперативного управления. К примеру, в регионе есть несколько крупных производителей яблок и несколько десятков мелких предпринимателей с небольшим объёмом производства. Они и составляют ядро кластера. Около них объединяются поставщики садового оборудования, тары, владельцы складов для сохранения продукции, агрохимики, переработчики и т.д. Потом привлекаются учебные заведения и кадровые агенции, обеспечивающие подготовку необходимых специалистов, маркетинговые и рекламные агентства, которые специализируются в продвижении результатов работы кластера на рынок.

К ним присоединяются правительственные и финансовые структуры, которые обеспечивают сопровождение, поддержку и привлечение необходимых финансовых ресурсов. Как правило, к этому также привлекаются торгово-промышленные палаты и профессиональные объе-

динения, которые способствуют обмену опытом и знаниями построения отношений в данной конкретной сфере деятельности. Всё это работает в комплексе, и за счёт координации усилий и заинтересованности всех участников кластер набирает обороты, становится лидером в своей сфере деятельности.

Кластеры могут быть как общенационального характера, так и в рамках небольших регионов. Но их основная цель – пробить экспортную «скалу» для своей продукции и утвердиться на международном рынке. В этом их сила.

«СУ»: В своё время Николаев, думается, был в некотором роде кластером в сфере судостроения. Здесь были сосредоточены мощные верфи, машиностроительные предприятия, проектные, научные и образовательные организации, решающие проблемы кадрового обеспечения. Почему же не используется этот опыт сейчас?

В.Г.: Конечно же, очень важно, пока ещё сохранились специалисты и необходимая материально-техническая база, рационально их использовать. Но при этом важно учитывать условия новой рыночной социально-экономической ситуации. Основная специализация николаевской промышленности долгое время была связана с военным судостроением. Все основные судостроительные предприятия были административно «замкнуты» на московское министерство судостроительной промышленности и финансировались за счёт госбюджета. С распадом Союза, переходом к рыночной экономике распались не только финансовые, но и кооперативные связи, необходимые для строительства таких технически сложных проектов, как корабли. Административно-управленческий аппарат предприятий был не подготовлен к работе в условиях рыночной конкуренции, что и привело к распаду николаевского судостроения. Но это вовсе не означает, что исчезли организационно-технические и другие факторы, создающие благоприятные условия для создания кластеров на Николаещине на новой современной основе. Единичные действия даже мощной организации не имеют шансов в долгосрочной перспективе. Международная бизнес-практика свидетельствует, что открытые профессиональные платформы в виде кластеров позволяют их участникам быстрее достигать общей цели, оперативно наращивать конкурентоспособность и обеспечивать рост экономических показателей в разы. Примером эффективности такого подхода может служить страна Нидерланды, территория которой в 15 раз меньше Украины, но она занимает второе место в мире по экспорту агропродукции.

Чем быстрее общественность, деловые лидеры, местные и государственные власти «пропитаются» знаниями о сути и преимуществах кластерного подхода как инструмента повышения конкурентоспособности региона, тем ощутимее станут сдвиги в росте инвестиций и уровне жизни населения Николаевщины и всей страны.

Геращенко Вячеслав Алексеевич. *Руководитель программы Presidents MDA Киево-Могилянской бизнес-школы, осуществляющей подготовку и повышение квалификации управленцев высшего уровня. Является лидером проекта по подготовке и изданию в Николаеве серии книг «Одарённые мудростью».*

Наталія КОСТЕНКО

ЛЮБОВНІ І СКОРБОТНІ ЕЛЕГІЇ ДМИТРА КРЕМЕНЯ

У трагедії Шекспіра «Гамлет» її головний герой, як відомо, дуже точно охарактеризував призначення театру, та й усього мистецтва, мета якого «в усі часи була і буде: тримати, так би мовити, дзеркало перед природою, показувати доблесті її справжнє обличчя і її істинне – ницості, і кожному віку історії її неприкрашене обличчя». Цією високою метою надихаються митці усіх епох, та потреба в ній особливо зростає в трагічні перехідні часи, коли світ ламається навпіл, на вчора і сьогодні, і на «руїнах космодрому» людина раптом усвідомлює себе розгубленою іграшкою непередбачуваних подій. Однак саме у такі, як кажуть, турбулентні моменти історії буває надзвичайно важко пізнати «в дзеркалі» сутність побаченого і сприйняти його як цілість. У сучасній українській поезії у багатьох випадках переважає тенденційне, політично упереджене відображення якоїсь однієї – правої чи лівої – сторони подій. І досить рідко з'являються автори, які пропускають через власне серце увесь «роздрай»; вони володіють, так би мовити, більш об'єктивним, романним, багатоплановим мисленням і з більшою глибиною віддзеркалюють трагічні суперечності наших днів. До таких поетів, на наш погляд, належить лауреат Шевченківської премії (1999) Дмитро Кремінь, який випустив новий збірник лірики «Скрипка з того берега» (2016). У своїх ліричних медитаціях, поетичних повістях і хроніках він не ділить історичні часи на «наші» і «не наші». Усе – минуле й сучасне, яке б воно не було, – наше, це історія нашого народу. Думка про безперервність і невиїмковість історичного процесу проходить наскрізним рефреном через програмний вірш «Повість наших літ» («Я народився ще в імперії»):

...Усе збувається, збувається,
Усе збувається, як міт.
І тільки серце розривається
О пам'ять, наче о граніт.
.....
А я поет – живу скорботою.
Я ні на кого не плюю...
Серпом? Зорею?
Під Голгофою
Уже розіп'ятий стою...

Усе, як і на початку XX ст., як сто років тому, коли молодий Тичина у збірці «Плуг» (1920) писав у вірші «І Бєлий, і Блок»:

...Стоїть сторозтерзаний Київ
і двістірозіп'ятий я.

Багатоплановістю бачення, очевидно, можна пояснити і таку композиційну й стильову особливість творів Дмитра Кременя, як мотивно-тематична поліваріативність. У більшості віршів відбувається одночасне, контрапунктне розгортання кількох, часто контрастних, мотивів, що утворює смислове й звукове багатоголосся. Створенню поліфонії сприяє й інтенсивне залучення літературних і релігійних алюзій та ремінісценцій (т. зв. інтертекстуальність). Наприклад, у згаданій «Повісті» «прочитуються» окремі тексти з Біблії, Шевченка, Тичини, Юрія Клена, Булгакова та ін.

Одна з домінуючих тем збірки підказана локальним образом-топосом, місцем, де з молодих літ мешкає поет. Це південь України, Миколаївщина. І головне – Ольвія! Сакральне місце, де зійшлися різні шляхи – скіфської і давньогрецької культур, східної і західної традицій, які актуалізуються «чуттям історії» і переживаються поетом як частка його власного досвіду й світорозуміння. Англо-американський поет, лауреат Нобелівської премії Т.-С. Еліот писав, що «чуття історії передбачає відчуття минулого не тільки як перейденого, а й як теперішнього; воно спонукає людину творити, відчуваючи в собі не лише власне покоління, а й усю європейську літературу, починаючи з Гомера (а всередині її – і всю літературу своєї власної країни), як щось існуюче одночасно»*.

* Элиот Т. С. Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. – М., 1987. – С. 170.

Звертаючись до скіфсько-грецької античності, Дмитро Кремінь, слідом за поетами початку XX ст., шукає в давній культурі «об'єднуюче начало» і «генеалогічну спорідненість».

Ольвія (нагадаємо читачеві) – давньогрецьке місто-держава, засноване на правому березі Бузького лиману переселенцями з Мілета (з VI ст. до н.е.; загалом заселена греками в XI ст. до н.е.); центр торгівлі, що підтримував зв'язки зі скіфами. У IV ст. н.е. під натиском кочових племен перестала існувати. У XX ст. внаслідок археологічних розкопок були відкриті фортечні споруди, некрополь, агора (ринкова площа), де в часи Гомера проводилися судові, воєнні або народні збори вільних громадян.

У Дмитра Кременя Ольвія (з гр. – багата, щаслива) – це швидше утопічна, овіяна міфами і легендами країна щастя і процвітання, миру, спокою, музики і поезії, молодості й кохання – той чарівний берег, звідки дотепер линуть ніжні мелодії скрипки (одна з можливих версій цілком суб'єктивної розшифровки назви збірки). Ольвійська тема – як точка відліку – створює певне культурно-історичне, часо-просторове тло, на якому з більшою рельєфністю вирізняються інші події. Ольвія постає як «своя» Еллада, ойкумена, центр українського античного світу.

Для реалізації «ольвійської» теми поет виробив спеціальний словник, де особливе місце відводить давньогрецькій і латинській лексиці. Дмитро Кремінь, як відомо, філолог, випускник філологічного факультету Ужгородського університету; мабуть, звідси – любов до рідкісних слів, особливо з латини, на кшталт «інкунабули», «анналів», «авгурів», «ауспіцій» і т. ін.

У жанровому відношенні антологічні вірші поета тяжіють до філософської лірики, зокрема до елегійних роздумів про тлінність і минущість людських цивілізацій, її матеріальних здобутків, про які нагадують тільки руїни колишніх палаців і фортець: «Борей розвіяв – хвилі, гори, стіни, / і лиш полин, полин із України, / куди колись приводили дельфіни / одвічних шукачів добра і зла» (вірш «Хроніка») або «І де той Віфлеєм, і ті віки й століття? / Розорений курган і деспота зотліла / десниця, / черепи́ із пилу та імли… / Від храму Аполлона – тільки стіни, та попел од вогню, що тут горів…» («У грецьких письменах, у римських цих анналах»). Це – вічна тема світової філософської лірики. Однак у поета вона не має самодостатнього значення і, як правило, спрямована на сучасність. У цьому відношенні сильне враження справляє процитований вище вірш «У грецьких письменах, у римських цих анналах», де мотив вікової скорботи, яким починається твір, далі переривається. Автор робить разючий поворот до сучасних реалій через несподіваний образ «грецького камуфляжу», що зрештою не може приховати кривавої трагедії наших днів. За печалями минулого «магнієвий спалах» висвітлює теперішні катаклізми на нашій землі. Усе так переплелося – і там, і тут і одночасно промовляє до нас своїми знаками:

Із грецьким камуфляжем України
Чужі ескадри привели дельфіни
Сюди із позаобрійних морів.
……..
……..
А там – ковильна нить і вікова скорбота…
…На вулиці з іменням Геродота
легких сандалів од еросок слід.
І магма крові – магнієвий спалах,
і поле бою у чужих анналах,
святе і грішне поле наших літ.

Дмитро Кремінь.
Скрипка з того берега: лірика. – Миколаїв: Іліон, 2016. – 88 с.

У збірці звучать заклики до активних дій, та все ж головний акцент, що породжується гіркими думами над долею України, перенесено на ідею миру й заперечення братовбивчої війни, як це бачимо, наприклад, в «Елегії огненних літ». У тривожних візіях поета «кривавий туман» напливає на Ольвію. «Душа моя заплакана за тим, / Що маревом – у морі, на лимані», – пише він. / «…Чи вип'ємо ольвійського вина? / Два роки Україна в камуфляжі. / Два роки й третій рік іде війна.

…Усе, що долинало з далини
Мелодією моря і лиману,
Колись на грані миру і війни
Постане, й ти чужу загоїш рану.

Троянський кінь стояв тут сотні літ.
А ми ждемо, немов новин із фронту,
Елегії священний заповіт
І мирний світ, і мирну хвилю Понту.

Тут сучасність і античність відлунюють одне в одному. Останні з наведених рядків мимоволі відсилають до «Скорботних елегій» великого римського поета Овідія, автора кількох книг «Amores» («Любовних елегій»), знаменитого твору «Метаморфози», «Науки кохання» та ін. Свої «Tristia» («Скорботі елегії»), а також «Послання з Понту» він, як відомо, писав на засланні, оплакуючи сувору долю на чужині, у прикордонній провінції, відкритій нападам варварів, благаючи про милосердя й пом'якшення вироку. Не можна не пригадати також «Tristia» (1922) Осипа Мандельштама, збірник, куди увійшли твори 1916–1920-х «огненних літ». Дмитро Кремінь ніби продовжує діалог з попередниками і водночас дає своє розуміння вічних проблем. «Священним заповітом» поезії у його книзі є таки «мирний світ».

У семантичному полі Ольвії «мирний світ» – це невмирущість античної культури, представленої історичними і міфологічними назвами й іменами Геродота, Плінія, Гесіода, Есхіла, Мельпомени, Евтерпи, Аполлона, Зевса, Аїда, Харона, Лети та ін. (ім'я Овідія не згадується). Це також світ Біблії, двобою добра і зла – Бог і Сатана, Авель і Каїн, архангели Гавриїл і Михаїл, апостоли Петро і Павло, сад у Гетсимані та ін. У багатьох випадках ці імена втілюються в образах інтимної, любовної лірики.

Кохання в збірнику Дмитра Кременя з його індивідуальним «обличчям» і чуттєвістю виконує, на наш погляд, важливу морально-етичну й філософську функцію, оскільки є основою людського в людині й протистоїть агресії і хаосу, надмірній раціональності й технологізації світу та його тотальній стандартизації. Мотиви кохання невіддільні від образів Ольвії, Еллади як символів раю, землі любові й щастя. У збірку ввійшла ціла низка «amores» Дмитра Кременя: «Каравела. Стоп-кадр», «Чаша часу», «Ти витягла щасливу лотерею», «Кінбурн і Гілея. Еллада й Едем», «Ми долюбим своє, договорим» та ін.

Загалом культ античності, як відомо, сповідували неокласики. Та є, на наш погляд, суттєва різниця у тому, з якою метою звертались до античності українські неокласики і сучасний український поет; перші, на наш погляд, у полеміці з авангардистами, футуристами захищали від нігілізму позиції високого, класичного мистецтва, другий відстоює право поета і людини загалом на людські почуття, на любов!

Для Дмитра Кременя характерний такий цікавий творчий прийом, як інтимізація античності, введення античних образів і мотивів у плин щоденного життя, зустрічей з друзями чи коханою жінкою. Він може, наприклад, святкувати з коханою день народження Есхіла («У день народження Есхіла») або говорити «голосом» Гесіода («Гесіод – XXI вік»). Еллінський світ – романтизований, ідеалізований – стає часткою внутрішнього світу героїв, які намагаються оберігати його від руйнування:

Люби мене! На цій космічній карті –
Земні та безберегі береги.
На дні лиману, в тім амфітеатрі,
Ми еллінське, ми скіфське берегли.
Тепер од Мельпомени, від Евтерпи –
Лише завіса, тільки гра химер.
Тобі клянуся, що без тебе вмер би,
Якби давно я в Ольвії не вмер...

Дмитро Кремінь – справжній майстер любовної лірики. Захоплює його вміння через окрему деталь чи штрих створити неповторний портрет коханої, як, скажімо, у вірші «Карта Каро»; поет (чи герой) виграв цю карту, він щаслива людина; у нього є і кохання, і сім'я. Любов для нього – основа гармонійного життя, вічний стимул і джерело творчості. Однак, оспівуючи світлі сторони життя, поет не може закривати очі на темні, трагічні сторони сучасної історії України. Благополуччя і спокій одних оплачується стражданнями інших. Крізь усю збірку проведена різка, глибока антитеза між миром і війною, між культурою і варварством, між «людоловами й людьми», що в реаліях сучасної України конкретизується насамперед у проблемі охопленого полум'ям війни Донбасу.

У книзі вирізняється окремий цикл віршів, які стосуються цієї болючої, трагічної теми. Особливе враження справляє «вступний» невеликий вірш «Сяє синій сніг», де поет спочатку дозволяє собі

милуватися красою зимового пейзажу, захопливо грати алітераціями («с» – «з»): «Сяє синій сніг». / Сіє синій сон. / Захопив усіх / Сніговий полон. / Сніговий ясир. / Завірюха. Сніг. / І лиш Божий Син / Визволить усіх». І раптом, в кінцевих строфах, змінює тональність – із сентиментальної на іронічно-саркастичну, трагічну:

Сестри й братія,
Знову хочеться
Вам зачатія
Непорочного.
Та горить Донбас.
А з холодних губ –
Передсмертний глас
Єрихонських труб.

Крапка, пауза після короткого, як вирок, рядка «Та горить Донбас» є суворою констатацією реального, жахливого факту, катастрофічної події, яка розгортається на наших очах, – факту, який мав би сколихнути байдужість одних і агресивність інших. Однак чи можна сподіватись на розв'язання й припинення катастрофічного конфлікту, якщо можновладці, які його розпочали, не чують «гласу Єрихонських труб»?!

Оперуючи міфологічними й біблійними образами, поет намагається глибше осягнути екзистенційну, сатанинську природу братовбивчих війн, роздмуханих «третьою стороною» у своїх корисливих цілях (ця тема характерна для останніх поезій Бориса Олійника). Вражає своєю трагічною гротесковістю вірш «Здіймає Каїн Авеля на вила. / На Місяці. / Я бачу це щодня. / Щовечора…», де створено фантастично-готичний образ «Місячної Вітчизни» з «місячною могилою», де поховано вбитого Каїном Авеля. Поет ставить перед сучасником трагічно-абсурдне запитання: «Чи заселять люди місячну Вітчизну, / Якщо Вітчизну втратимо свою?»

У цих трагічних запитаннях уже прихована відповідь, незгода з нав'язаною логікою війни, нарешті, правда про катастрофічні події: біла хата – не чужа. Це Україна, хата брата… Треба зупинитись!

Ключовим у художньому осмисленні трагічної теми є одна з кращих історіософських поезій Д. Кременя – ліричний монолог «Попіл Самовидця» («Не ти, не я – так промовляє попіл»). Його назва одразу відсилає читача до двох – літературного та історичного – джерел: поеми Юрія Клена «Попіл імперій» та козацько-старшинського «Літопису Самовидця», де йдеться про народно-визвольну війну 1648–1654 рр. Втім, автор (ліричний герой) сам бере на себе роль Самовидця, пише трагічний літопис сучасної України. І «дикопільські прерії» узяті не з давніх селянсько-козацьких літ, а з теперішніх часів, з полів півдня сучасної України. З нещадною правдивістю і гіркотою поет-Самовидець характеризує цей час як «час озвіріння»:

І звірі прокидаються у людях.
І дума їх – не в маршах, не в салютах,
А в тій крові, спожитій нашвидку.
Цей манускрипт – із дикопільських прерій.
О, як я Самовидцем тут живу!
Палю свічу, а попелом імперій
Тут не одну посипано главу.
.....
.....
В час озвіріння звірі просять крові...
Невже і справді найдешевша – кров?

Це теж Tristia – Скорботні елегії сучасного поета. Вони увіходять у ширший контекст соціальної лірики, де скорбота переплітається з гнівом, іронією, сарказмом, глибоким розтином негативних соціальних процесів у сучасному українському суспільстві. Один із зразків такого жанру – твір, вартий цілої поеми, «Карпатський сувенір» («Нема й не буде Довбуша…»). Зірке око поета розгледіло у вирізьбленому з дерева сувенірному орлі гротескний образ часу і народу – сувенірних гуцулів сувенірних епох. Жахлива деталь, що вказує на епоху сталінізму: ці дерев'яні орли «злітали не з кар-

патських гір, / А з тюрем Колими і Магадану… / …І був із ними дух тюремних стін… / Пішли опришки пішки до овець, – / Під зорями й тюремними орлами… / …Був час такий, доба була така…». І здається, що цій добі немає кінця.

Звісно, поет знає, що є не тільки сувенірні, а й справжні орли. Знає, як кажуть, з перших рук, оскільки народився на Закарпатті; поетичні образи батьківщини не раз зустрічаються у віршах збірки.

Болять йому болі всієї України, моторошна реальність її останніх років – розорені села, занепад освіти і культури, розкол у суспільстві. У вірші «Голос з-за кадру» («Я живий, і ви живі. На втому…») він звертається до Бога з молитвою пощадити Україну, не губити село, зупинити нищення сільських шкіл, не перетворювати вільних людей у рабів: «Голосами діток плаче школа – / восени її не закривай! / Не губи чарівні очі сині, / та село на нашій Україні, / де богують інші, а не ми. / Бути при хазяйському коліні, / ми, рожденні в іншім поколінні, / ми не згодні бути, чорт візьми. /

Господи, спаси, не забирай
український мирний, тихий рай.
Не вмирай!

Остання мольба «Не вмирай!» звернена до України, яка може бути раєм, але може стати й пеклом, якщо на її землі не буде миру – і в стосунках із сусідами, і в самому українському суспільстві. З цього погляду дуже цікавий в ідейному і художньо-естетичному відношенні вірш «Собор Петра і Павла» («Голодує Петро на Хрещатику»), поява якого підказана «злобою дня» політичного життя сучасної України. Надзвичайно вдалий задум – показати через біблійні образи апостолів Петра і Павла безглуздя і разом з тим велику небезпеку громадянського і міжконфесійного конфлікту, навмисне розпалюваного «друзями народу» – у нас, і поза нами. Такий розкол суспільства може спровокувати криваву громадянську війну по всій Україні. Для втілення задуму поет знаходить місткі поетичні образи, дошкульні афористичні визначення, лункі алітерації.

У апостолів одна матір – християнська церква. У народу України один вибір – духовна єдність, «Собор Петра і Павла». Вірші, подібні до наведеного, близькі до жанру сатири, і водночас вони позбавлені характерної для сатиричних творів однозначної викривальності, адже йдеться про трагедію, яку не можна скасувати ні сатирою, ні указом.

Це стосується і такої складної, болючої і вічної теми, як втрата взаєморозуміння між старим і молодшим поколіннями, між батьками і синами. На честь поета слід відзначити, що він знайшов дуже оригінальне, м'яке, майже гумористичне і водночас драматичне висвітлення цієї теми, помінявши місцями батьків і дітей – батьки перетворилися у дітей, а діти – в батьків. Сама назва твору, про який ідеться, – «Апокриф» («У тебе, синку, личенько сумне») – орієнтує на сприйняття неканонічності, парадоксальності ситуації, коли в умовах громадянського розколу родинні стосунки перевертаються з ніг на голову: у нормальному житті батько усиновлює сина; у ненормальному – навпаки: батько просить сина усиновити його!

Заговори! А я давно захрип.
Уже в тобі цей чортів генотип,
У час, коли глухонімий народ
Мовчить, немов набрав монет у рот.

Південні зорі. Срібло сивини...
Коли ж батьків усиновлять сини?
Коли ж батьки синів усиновлять?
Чому вони, батьки, ночей не сплять?..

Сам поет сповідує біблійну заповідь благоговійної шани й любові до батька. Світлій пам'яті свого рідного батька Дмитра Ілліча Кременя він присвятив кілька проникливих віршів – «Anno domini», «Батькова топоніміка» й особливо поезія «Остання дорога до раю». На цій дорозі він з глибоким душевним щемом згадує останні години життя свого тяжко хворого батька і ставить остаточний акцент на проблемі «батьки і сини»:

Не зречуся життя, що було.
Не забув ані батька, ні мами...

Цим душевним щемом (а не тільки «інтертекстуальністю», інтелектуалізмом, освіченістю), тобто суто християнським чуттям співстраждання, яке поширюється на всіх – правих і лівих, старих і молодих, вчорашніх і сьогоднішніх, західних і східних, – вирізняється Дмитро Кремінь серед інших письменників. І ця особливість, враховуючи й багатство мови, й майстерність віршової форми, дає підстави говорити про нього як про одного з кращих сучасних українських поетів.

Костенко Наталія Василівна. *Український літературознавець, віршознавець, доктор філологічних наук. Народилася в Києві 20 січня 1941 року. Закінчила Київський педінститут ім. Горького (1961) та Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка (1963). У 1969 році почала викладацьку роботу в Київському державному університеті ім. Т. Г. Шевченка на кафедрі теорії літератури і літератур народів СРСР (нинішня назва – кафедра теорії літератури, компаративістики та літературної творчості), де працює до цього часу. Основне наукове зацікавлення – віршознавство. Автор посібника «Українське віршування XX століття» (1993, 2006) та численних наукових статей з питань метрики, ритміки, римування та інших аспектів теорії вірша. Понад 20 років очолює університетську літературну студію ім. Максима Рильського. Керівник віршознавчого семінару Інституту філології Київського національного університету ім. Тараса Шевченка.*

К 200-летию художника-мариниста

Лариса ТВЕРИТИНОВА

ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ. ВИД г. НИКОЛАЕВА

К числу выдающихся живописцев XIX века, чьи работы пополнили сокровищницу мирового искусства, принадлежит художник-маринист Иван Константинович Айвазовский. В 2017 году мы отмечаем 200-летие со дня его рождения. В коллекции Николаевского областного художественного музея им. В. Верещагина находятся девять произведений мастера.

Будущий художник уже в детстве проявил незаурядные художественные способности. Позже была Петербургская Академия художеств, первая Большая золотая медаль за три морских вида, первое задание написать серию крымских городов. Работы, выполненные на юге, имели большой успех на выставке в Петербурге. Академия художеств командирует Айвазовского в Италию, куда он отправляется в 1840 году. По возвращении из-за границы художник удостаивается звания академика и «живописца Главного морского штаба».

В 1845–1846 годах маршруты путешествий И. К. Айвазовского проходят и через Николаев. 18 апреля 1845 года, выполняя предписание о разрешении поездки в Константинополь, художник ожидает в Николаеве приезда царя. Примерно через год в письме графу Зубову от 16 марта 1846 года Айвазовский сообщает, что, возвратившись на родину, «он имел счастье по воле Его Императорского Величества отправиться из Николаева в Севастополь на одном пароходе с Его Величеством».

Подтверждают пребывание художника в городе Николаеве и два карандашных рисунка, находящиеся в Центральном хранилище музейных фондов Санкт-Петербургских пригородных дворцов: «Спуск корабля (в Николаеве)» и «Вид бухты (Николаев)». Третий пейзаж с изображением города («Вид г. Николаева»), выполненный в технике сепии, принадлежит государственному Русскому музею (Санкт-Петербург, Россия). Датирован рисунок 1843 годом, что позволяет предположить пребывание И. К. Айвазовского в Николаеве ещё до поездки в Константинополь. Документальных подтверждений этому обстоятельству найти пока не удалось.

Творческая связь великого живописца с нашим краем заключалась не только в посещении Николаева и увековечивании города в произведениях изобразительного искусства. Маринист одним из первых среди художников начал устраивать выставки своих картин, помимо Санкт-Петербурга,

Кофейня в Крыму

Москвы, столиц европейских государств, ещё и во многих губернских городах. Впервые николаевская публика смогла познакомиться с его полотнами в 1877 году. Спустя девять лет, в 1886 году, в Николаеве экспонируется ещё одна персональная выставка Айвазовского, её маршрут, помимо нашего города, проходил через Харьков, Ригу и далее в города Германии, Франции, Румынии, Турции.

Информация о выставках И. К. Айвазовского в Николаеве приведена в монографии Н. С. Барсамова: «В 1886 и 1887 годах художник открыл в Академии художеств две выставки; на каждой из них было показано по тридцать картин. В эти же годы выставки его произведений были организованы в Одессе, Николаеве, Херсоне, Бухаресте, Риге, Берлине…»

Сегодня девять произведений Айвазовского хранятся в Николаевском областном художественном музее им. В. В. Верещагина и его отделе – Очаковском музее маринистической живописи им. Р. Г. Судковского.

Наиболее ранняя работа «В гавани» (1842), скорее всего, написана во время или же вскоре после путешествия по Италии. Она исполнена лёгкой прозрачной акварелью, сохраняя и передавая насыщенные влагой далёкие итальянские виды. Близка к ней по характеру и настроению живописная картина «Кофейня в Крыму» (1847). Это достаточно большое по размерам полотно пополнило музейное собрание в 1949 году, поступив из Одесской картинной галереи. Работа имеет в правом нижнем углу авторскую подпись – Айвазовский. Достаточно тщательно автор выписывает детали произведения – фигуры людей на берегу, строения. Мастерски передана морская стихия, раскалённый, напоенный горячим солнцем воздух. За время пребывания в музейной коллекции картина «Кофейня в Крыму» неоднократно выставлялась на периодических и тематических выставках, участвовала в презентациях. В 1967 году она побывала в Москве, где экспонировалась в Академии художеств СССР на монографической выставке И. К. Айвазовского.

Со временем состояние сохранности картины стало вызывать тревогу. На заседаниях фондово-закупочной комиссии неоднократно поднимался вопрос о необходимости реставрации полотна. Выполнить задуманное и провести реставрационные мероприятия удалось только в 2007 году благодаря включению работы в программу «Возрождение шедевров», которая осуществляется совместно с Николаевским глинозёмным заводом. Это был уже не первый пример творческого сотрудничества музея и крупнейшего промышленного предприятия. Одной из первых в проект по сохранению и реставрации шедевров включили произведение И. К. Айвазовского «Пушкин на берегу Чёрного моря». Реставрация «Кофейни в Крыму» дала музею возможность не только сохранить один из лучших пейзажей музейной коллекции, но и более досконально изучить его.

Сам же процесс реставрации состоял из нескольких этапов. Визуальное изучение памятника позволило реставраторам сделать некоторые выводы относительно подрамника, представлявшего собой нераздвижную конструкцию, изготовленную с использованием сосны. Выяснилось, что для написания произведения И. К. Айвазовский использовал среднезернистое полотно с прямым плетением. Ещё до поступления в музей картину реставрировали. Неизвестно, когда и кто сдублировал её на новый холст, закрепив на подрамнике проволочными гвоздями. Для дублирования использовали полотно, аналогичное авторскому. Документами об этой реставрации музей не располагает.

Создавая «Кофейню в Крыму», художник использовал фабричный холст с тонким равномерным гладким масляным грунтом. Во время предыдущей реставрации в местах утрат был подведён новый грунт. Претерпел позднейшие реставрационные записи и авторский красочный слой. С годами картина утратила экспозиционный вид.

При выполнении реставрационных работ в 2007 году также проводилось исследование компонентов живописи. Микрохимический анализ показал, что при создании картины художник использовал свинцовые белила (белые), охру (жёлтую), киноварь (красную), синий кобальт в разбеле со свинцовыми белилами (голубыми), берлинскую лазурь в смеси с охрой (зелёной).

Программой проведения реставрации предусматривался достаточно большой объём работ: удаление пылевого загрязнения, записей авторской живописи и мест тонировки утрат, снятие старого лакового покрытия. Попутно наносился промежуточный слой лака, тонировались места утрат в тон авторской живописи. Наносилось защитное лаковое покрытие.

К концу лета 2007 года процесс реставрации завершился, а осенью для сотрудников глинозёмного завода, средств массовой информации, общественности города состоялась презентация «возрождённых шедевров».

В нашей музейной коллекции ранним по времени создания является живописное полотно Айвазовского «Закат солнца в Малороссии». Оно исполнено в 1863 году и относится в творчестве мариниста к редким сухопутным пейзажам. Первые картины, связанные с изображением Украины, И. К. Айвазовский создаёт в 1840-е годы. Украина была любима и близка художнику. Он любовался безбрежными степными далями, широкими степными просторами, напоминавшими ему морскую стихию. Его любви к Украине, её ландшафтам способствовало близкое знакомство мариниста с Н. В. Гоголем, Т. Г. Шевченко, дружба с В. И. Штеренбергом. Сюжетом большинства полотен мастера было изображение украинской степи со спеющими пшеничными полями, небольшими опрятными украинскими селами. Добавляя разнообразные детали, автор создавал глубоко реалистичные по замыслу и выполнению картины. «Образ украинских степей был для Айвазовского непрерывно связан с морской стихией и вызывал у него такие же эмоции, как и морские просторы», – справедливо пишет Н. С. Барсамов.

Полотно «Закат солнца в Малороссии» передаёт состояние южной украинской природы в вечерний час, когда опустившееся за горизонт солнце придаёт небу огненно-оранжевый оттенок, окутывает всё вокруг знойной дымкой. Картина была приобретена в Москве в 1983 году, предназначаясь для экспонирования в Очаковском музее маринистической живописи им. Р. Г. Судковского. До поступления в музей работа находилась в частной коллекции Экизляра Д. Я. и Лобановой Н. Ф. В 1950 году «Закат солнца в Малороссии» экспонировался в Москве на выставке работ из частных собраний.

Исключительно по манере исполнения, тонкости письма, изысканности цветового решения полотно «Утро. Морской залив», созданное в 1878 году. Сюжет работы достаточно характерен для творчества И. К. Айвазовского. Можно предположить, что она отражает впечатления мариниста от многочисленных путешествий и странствий.

Пейзаж «Утро. Морской залив» последним из картин мастера пополнил музейную коллекцию в 1984 году. Пейзаж привезли из Ленинграда (Санкт-Петербург, Россия) от известного частного собирателя Н. А. Минкиной.

Наибольшую известность из всех произведений Айвазовского, находящихся в николаевской коллекции, имеет полотно «Пушкин на берегу Чёрного моря». Оно является и самым большим по размеру холстом художника в нашем собрании.

Пушкин на берегу Чёрного моря

Работа «Пушкин на берегу Чёрного моря», написанная в 1887 году, поступила в коллекцию музея в 1914 году из Академии художеств (Санкт-Петербург, Россия). Её создание автор приурочил к своему семидесятилетнему юбилею, пышно и торжественно отмеченному общественностью. В том же году состоялось несколько персональных выставок, одна из которых экспонировалась в залах Императорской Академии художеств. 26 сентября (по старому стилю) в

Академии было торжественно отмечено пятидесятилетие творческой деятельности мастера, президент Академии художеств вручил И. Айвазовскому орден святого Владимира второй степени и юбилейную медаль в его честь, а также диплом Почётного члена Академии. В ответ за почести и награды благодарный маринист дарит альма-матер только что написанное полотно. Это было – «Пушкин на берегу Чёрного моря». Первое время картина хранилась в академическом музее, но в 1914 году благодаря ходатайству князя Николая Антоновича Гедройца она передаётся в числе первых экспонатов в создаваемый в Николаеве художественный музей.

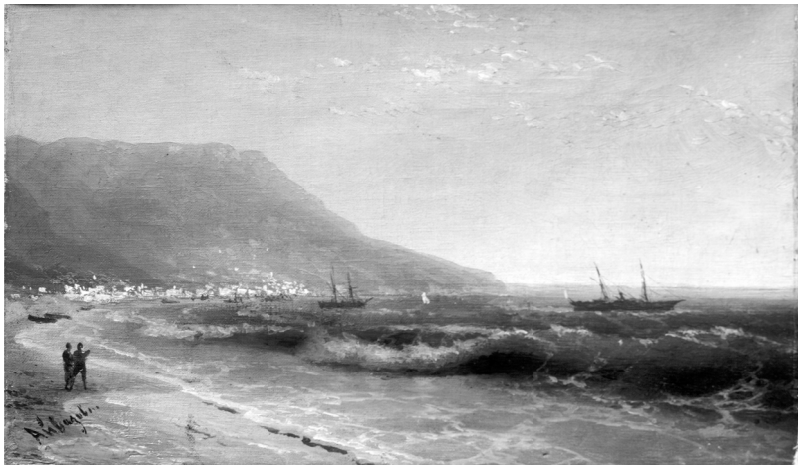
В 1887 году в России отмечали и пятидесятилетие со дня трагической гибели выдающегося русского поэта А. С. Пушкина. Хорошо известна глубокая любовь и уважение, которые художник испытывал к своему великому современнику. Память о встрече с А. С. Пушкиным никогда не покидала Айвазовского, неоднократно возвращавшегося к образу поэта. Портрет гения русской поэзии живописец считал этапной работой, подводящей итог своего пятидесятилетнего художнического труда. В картине «Пушкин на берегу Чёрного моря» поэт изображён вблизи Одессы, во время южной ссылки. Его образ написан мягко и лирически. Картина передаёт восторженное состояние души поэта, любующегося красотой морской стихии.

Как и всей музейной коллекции, этому произведению пришлось пережить нелёгкие испытания во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.). В период временной немецкой оккупации коллекция музея была варварски разграблена. После освобождения Николаева в марте 1944 года от довоенного музейного собрания, насчитывавшего более одной тысячи единиц хранения, остались считанные экспонаты. Картине И. К. Айвазовского посчастливилось уцелеть и пережить долгое военное лихолетье. Но в каком виде предстала она после военных испытаний…

Полотно было срезано с подрамника, причём левый верхний угол остался на нём. Холст, сложенный вчетверо, почти четыре года находился на складе трофейного оружия. Здесь его обнаружил местный художник-любитель Пётр Степаненко. Подрамник со штампом Академии художеств и рама, заказанная Айвазовским в Санкт-Петербургской багетной мастерской, уцелели. Возвращённый в музей холст требовал принятия безотлагательных мер по сохранению картины. Приглашённые специалисты из Киевских научно-исследовательских реставрационных мастерских (в настоящее время Национальный научно-исследовательский реставрационный центр Украины) выполнили необходимые работы. Однако с годами произведение начало утрачивать экспозиционный вид. Холст деформировался, тонировки и авторская живопись изменили цвет. Пожухлый лак сделал общий колорит произведения потемневшим. Снова понадобилась реставрация, для её проведения нужны были средства и условия.

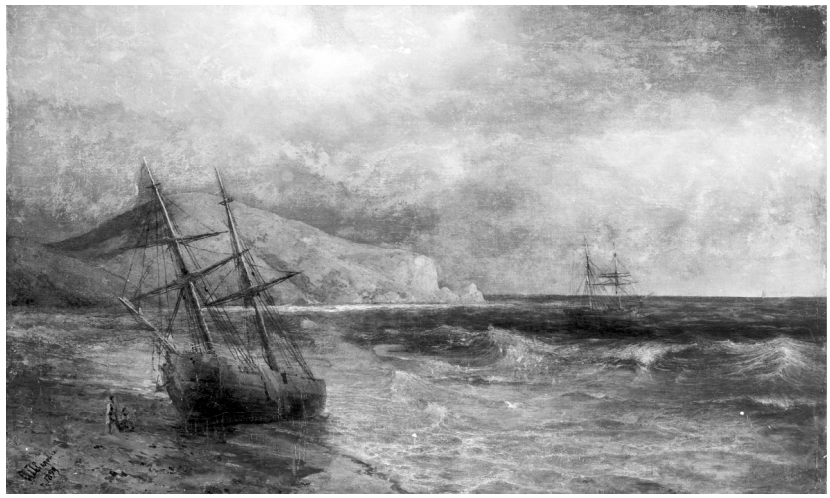
Реставрация 2003 года проходила в два этапа. Первый включал в себя снятие холста с подрамника и очистку оборотной стороны от пылевого загрязнения. Кроме того, удалялись наложенные по периметру полотна и через середины сторон полосы холста, использованные для укрепления произведения во время послевоенной реставрации.

После удаления наклеек выяснилось, что полотно не было разрезано на четыре части, как это считалось ранее. Его только срезали с подрамника и сложили вчетверо, из-за чего со временем произошла деформация холста. На лицевой стороне появилось сильное взбугривание. В 2003 году повреждённые места были восстановлены новым способом – встык и разглажены. Полотно снова натянули на авторский подрамник. После этого начался второй этап. Он заключался в реставрации живописного слоя. Предстояло удалить большое количество старых реставрационных записей, подвести грунт в места утрат. Лаковые плёнки, сильно изменившиеся в цвете, также подлежали удалению. Тонировки выполнялись масляными красками в границах утрат по установленной методике.



Берег моря. Этюд. 1896

Возрождение шедевра легло на плечи одного из опытнейших специалистов Украины в области реставрации – проректора Национальной Академии изобразительного искусства и архитектуры, заведующего кафедрой реставрации Николая Федоровича Титова. В тандеме с ним работал николаевский художник, реставратор Дмитрий Леонидович Боляков. На завершающем этапе живописной реставрации поверхность картины была покрыта слоем реставрационного даммарного лака.



Парусник

Ещё одну небольшую по размеру марину Айвазовского «Прибой» (43,3 х 34,5 см) в 1959 году передала николаевскому музею Одесская картинная галерея. Создан был пейзаж в 1888 году. На его переднем плане изображено зеленовато-голубое море с розовыми рефлексами, бьющееся о прибрежные высокие красновато-коричневые скалы. Справа, у их подножия, плоский, залитый водою камень со стекающими с него струями. Небо над морем – мрачное, тяжёлое тёмно-синее с красными густыми рефлексами. Пейзаж имеет в правом нижнем углу дату написания и подпись автора. В настоящее время произведение находится в экспозиции территориально выделенного отдела – Очаковского музея маринистической живописи им. Р. Г. Судковского.

Далее по времени написания следуют этюд «Берег моря» (1896) и «Парусник» (1899). Этюд «Берег моря» пополнил николаевскую коллекцию семьдесят лет назад, в 1947 году. На его небольшом по размеру холсте воспроизведено любимое художником охристо-зелёное море с высокими, покрытыми белой пеной волнами и вырисовывающимися вдали силуэтами стоящих на рейде двух кораблей. Слева – часть серого песчаного берега, на котором изображены двое мужчин, далее лодки, а в глубине – белые строения с возвышающейся за ними серо-синей горой, уходящей мысом в море. На оборотной стороне этюда надпись, подтверждающая авторство.

Знавший и любивший морскую стихию живописец увековечил на полотне неспокойное, штормовое, встревоженное море («Парусник»). Изображённая на картине зеленовато-синяя вспененная бурная вода уходит за горизонт. Высоко над нею вьются потревоженные чайки. Противостоит борьбе со стихией одинокое двухмачтовое судно со спущенными парусами. Возможно, более счастливая судьба у другого парусника, уже достигшего берега. И теперь сошедшие на землю люди с надеждой и нетерпением ждут итога поединка человека и моря. По изображённой слева сиренево-голубой горе Аю-Даг можно безошибочно определить место, где происходят события, – Южный берег Крыма.

Экспонировавшийся в постоянной николаевской экспозиции этюд «Берег моря» в 1982 году был передан в Очаковский музей маринистической живописи. Исполненная за год до окончания девятнадцатого века марина «Парусник» вместе с работой «Кофейня в Крыму» – участники персональной выставки И. К. Айвазовского, состоявшейся в 1967 году в залах Академии художеств в Москве.

И девятая работа И. К. Айвазовского николаевской коллекции – этюд «Море». Он был передан в музейное собрание сразу же после завершения Второй мировой войны, в 1945 году, Киевским музеем русского искусства. Согласно документации этюд не имеет указания года создания, тем не менее, подписан автором с лицевой стороны. Выполнен на холсте размером 19,5 х 22,5 см.

Художественная жизнь Северного Причерноморья чрезвычайно многообразна. Выдающиеся личности, оказавшие влияние на её развитие, всё более и более привлекают к себе внимание историков, краеведов, музеологов. Всемирно известный художник-маринист И. К. Айвазовский – одна из тех исторических персон, без которых картина возрождения духовности Украины и края была бы неполной.

Лариса Тверитинова, *заместитель директора по научной работе Николаевского областного художественного музея им. В. В. Верещагина.*

Наталья САПАК

ВИЗИТКА ГОРОДА – ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ

Для современников, живущих в стремительном ритме повседневной жизни, давно привычен в городской архитектуре – металлический узор. С момента основания г. Николаева художественный металл органично вошёл в экстерьеры и интерьеры зданий, организовал пространственную среду парков и скверов, связал фасады домов в единую «красную» линию улиц.

Меандр, лира, театральные маски

Традиция использования художественного металла в городской застройке насчитывает не одно столетие. Кованые ворота, ограды, балконы, фонари, решётки, навесы и козырьки успешно использовали зодчие, художники-мастера при создании архитектурного ансамбля. Металлопластика – неотъемлемая составляющая оформления фасада здания, его своеобразная визитная карточка. В эпоху господства классицизма – периода основания и застройки Николаева – логическая соразмерность и пропорциональность архитектурного стиля наилучшим образом объединились с возможностями металла. Исполнителями замысла архитекторов были искусные кузнецы и литейщики, работавшие на судостроительных заводах, на строительстве судов для Черноморского военного и торгового флота. Со временем в городе появились ремесленные объединения, цеха, где изготавливали металлические изделия бытового, хозяйственного назначения, художественный архитектурный декор. Последнему была присуща удивительная проработка деталей и разнообразие мотивов в духе классицизма: меандр, акантовый и лавровый лист, лира, театральные маски, геральдические знаки, прутья с пиками, щиты, мечи, шлемы.

Ограда собора Рождества Богородицы

До нашего времени сохранились ограды, оформляющие знаковые здания города. Так, на пересечении улиц Потёмкинской и Лягина стройная ограда оформляет территорию собора Рождества Богородицы. Ритмическое кружево из завитков, мелких цветов, столбов с листьями аканта на капителях, заострённых пик, искусно выполненных в разных техниках металлообработки, придаёт ей величавую красоту. Её рисунок перекликается с членением фасадной стены собора, подчёркивает вертикальную и горизонтальную оси здания. Почти два века украшает историческую часть города здание обсерватории и его величественная уникальная литая ограда. Она представляет мотив переплетённых чугунных колец, что было не редкостью в оформлении ограждений мостов и общественных зданий. Её мощный динамичный рисунок подчёркивает величие здания, расположенного на возвышенной территории. Не уступает ей и ограда на месте бывшей мечети. Выполненная в эпоху эклектики, она напоминает арку с окнами-розами готического храма. Прозрачный чёткий её силуэт хорошо согласуется с ландшафтом городского парка.

Главные ворота завода им. 61 Коммунара

Местные мастера по металлу во многом следовали европейской традиции. Создавали высокие и низкие ограды, парапетные, балконные и террасные решётки, лестницы,

фонари, навесы. Особое место в городской среде играли ворота. Заимствованные из античной архитектуры формы триумфальных арок и парадных въездов были своеобразными композиционными акцентами в фасадной линии кварталов. До сей поры в исторической части города можно увидеть ворота, характерной особенностью которых является глухое нижнее полотно и ажурная, кованая, прозрачная вязь в верхней его половине. Почти в первозданном виде сохранились главные ворота судостроительной верфи на Ингуле (завод им. 61 Коммунара). Мощный арочный проезд был построен в 1842 году по проекту архитектора К. Акройда. Заводские мастера с большим художественным вкусом и мастерством выполнили ворота. Их декор содержит морскую символику в сочетании с главными мотивами классицизма и демонстрирует высокое искусство литья и ковки. А верхнее сетчатое кружево, собранное с помощью клёпок, представляет распространённую технику изготовления бытовых и промышленных изделий.

Значительно расширилось производство художественного металла благодаря братьям А. и Д. Донским, основавшим в 1884 году кузницу, которая выросла в завод сельскохозяйственных машин (завод «Дормашина»). На проспекте Центральном сохранилось административное здание завода. Главное его украшение – металлические ограждения балконов (осталось два из пяти). Их выразительная объёмная выпуклая форма выполнена в технике ковки и чеканки, а в орнаменте присутствуют барочные элементы. Динамичные по форме и рисунку балконные ограждения контрастируют с более строгим фасадом здания и являются главным элементом его декора.

В эпоху модерна с активным строительством общественных зданий значительную роль приобретают кованые и литые лестницы. Они сохранились в зданиях бывшего военного ведомства, а также банков, бирж, гимназий. Так, вестибюль городского ЗАГСа, что по улице Лягина, украшает изящная вертикально-винтовая лестница. Здание строилось для библиотеки (архитектор Е. Штукенберг). Лестница интересна не только тонко выполненным растительным орнаментом ступеней и перил, но и оригинальным способом набора отдельных фрагментов на основной несущий стояк. Она тонирована в тёплую золотистую цветовую гамму, что в сочетании с рисунком создаёт впечатление утончённости и лёгкости металла.

Самую многочисленную группу архитектурного металла составляют оконные и дверные решётки, а также козырьки-навесы входа. Каркасы кованых решёток изготавливались из квадрата или круглого прута, а из листовой стали – цветы, листья и элементы геральдики. В дверных решётках чётко прослеживается использование растительных мотивов в духе модерна. Освободившись от старого принципа сурового единства формы, мастера работали с большей фантазией. Вместе со столярами и плотниками они создавали настоящие шедевры. Примером единства деревянного и металлического узорочья могут быть двери городской художественной школы (бывший купеческий особняк). Это здание примечательно также единственной в городе ротондой-фонариком на крыше с фигурой Меркурия (копия с работы художника итальянского Возрождения Дж. Болонья). Архитектурная надстройка со статуей античного божества была выполнена из цинка (заменена на медную) и представляет пример совершенного мастерства литья в скульптуре. Поражают разнообразием и

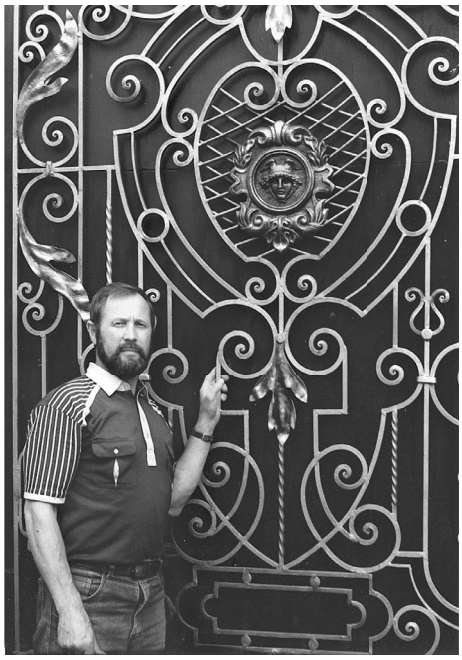
Ограда Николаевской обсерватории

Декоративный балкон на здании завода «Дормашина»

навесы-козырьки над входом в особняки: плоские, дугообразные, треугольные, односкатные, двухскатные. В них также преобладают растительные мотивы модерна. Вместе с дверными решётками они акцентируют внимание на входе в здание и являются почти единственным декоративным украшением одноэтажных частных домов. Эти изделия из металла конца XIX – начала XX столетия ещё сохранились в небольших особняках. Но новые владельцы, изменяя первоначальную функцию зданий, часто отказываются от рукотворных работ в угоду модным отделочным материалам.

Мастер по металлу Владимир Пахомов

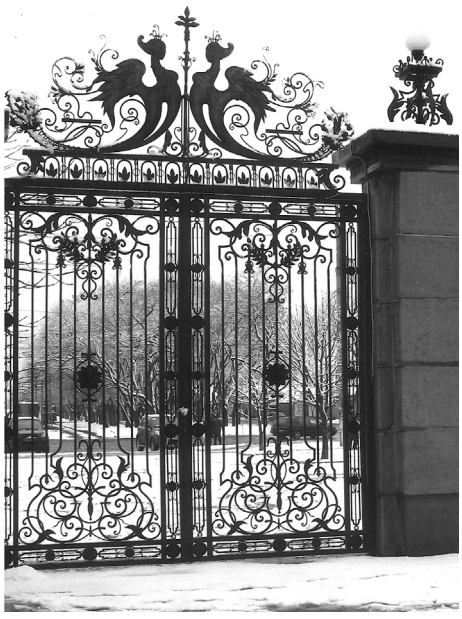
Современный Николаев шагнул за историческую часть города. Новые строительные материалы и технологии изрядно потеснили архитектурный металл. В микрорайонах доминируют типовые многоэтажные жилые дома и супермаркеты. Но искусство металлопластики не исчезло. Выждав время, художественный металл вновь заявил о себе. Причём он стал именным, т.е. авторским. В нём работают профессиональные художники, продолжая и творчески перерабатывая традиции николаевских умельцев прошлых столетий. Среди мастеров особое место принадлежит Владимиру Григорьевичу Пахомову. Он член Национального союза художников Украины, автор большого числа произведений в металле. Участник создания многих монументов в городе и области. Как говорит сам художник, его вдохновляет красота металла, преображённая творческой фантазией неизвестных мастеров, искусно оформлявших фасады и интерьеры городских зданий.



В. Пахомов на фоне ворот здания «Эксимбанка»

Начальные навыки мастера по металлу Пахомов приобрёл в Косовском училище прикладного искусства. Но как художник в этом виде творчества сформировался в Николаеве. Работая со скульпторами, формовщиками, чеканщиками, он освоил технологию создания монументальных форм. Параллельно изучал городской архитектурный металл. Накопленные знания и опыт обобщил в дипломной теоретической работе на кафедре Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств.

Исследование Пахомовым художественной традиции шло в нескольких направлениях. Во-первых, изучение технологии литья, ковки, чеканки. Во-вторых, осмысление взаимосвязи технологии, формы и функции. В-третьих, знакомство с изобразительными элементами, орнаментом, символикой больших стилей прошлого. Многолетняя творческая практика позволила художнику создать значительные произведения, среди которых центральные ворота городского зоопарка занимают особое место и без которых невозможно сейчас представить его фасад. Художник решил ворота в виде торжественного входа. Прямоугольная двухстворчатая форма ажурного полотна двойных ворот элегантно завершена стремительным встречным движением фигур крылатых мифологических птиц, напоминающих треугольную фронтонную группу. В рисунок ворот включены декоративные мотивы классицизма и модерна, образующие динамичную композицию, рассчитанную на сквозное восприятие.



Фрагмент ворот Николаевского зоопарка

Поиски выразительных возможностей металла, переосмысление его в современной архитектуре привели Пахомова к оформлению фасадов зданий из кирпича. Жилой дом в микрорайоне «Соляные» привлекает ансамблевым характером металлопластики. Самым выразительным элементом его декора является ограда полукруглого объёмного балко-

на. Рисунок её отчасти повторяет сетку кирпичной кладки, а орнаментальная проработка подчинена рельефу фасада. Кроме ограды балкона, дом оформлен козырьком-навесом, фонарями, решётками балконов-лоджий. Кованые изделия сочетаются с облицовочным гранитом цоколя и пилонами входа.

Искусство николаевских художников и дизайнеров ярко проявилось в ансамбле детского городка «Сказка». Здесь очевиден синтез всех природных материалов, в том числе металла. Пахомов активно участвовал в создании центра отдыха детей как художник и как исполнитель. Так, из меди он выполнил большую композицию – карусель по мотивам сказок А. Пушкина. Изготовил фигурные завершения на башнях крепости. Художественно оформил входную дверь амфитеатра. А фонарь над дверью стал его подарком детскому городку.

Декоративный фонарь. Детский городок «Сказка»

Пахомову подвластны все техники металлообработки и виды пластики. К сожалению, не сохранилась оригинальная скульптурная композиция на углу Богоявленского проспекта и улицы Парковой, выполненная в технике выколотки. Она украшала кафе «Сальвадор Дали». Переработка в объёме фрагмента картины «Слоны» известного сюрреалиста представляла животное на длинных ногах, стоящее на изящной капители классической колонны. Вытянутая по вертикали композиция вторила силуэту здания и хорошо смотрелась на светлом фоне срезанного угла здания.

Лестница в вестибюле Центрального ЗАГСа

В современной городской застройке о функции здания часто судят не по архитектуре фасада или его месторасположению, а по символике декора. Декор является также украшением широких плоскостей ровной кирпичной или панельной кладки. Подобная архитектурная практика привела к развитию рельефа как основного, если не единственного, украшения современных зданий. Металл в этом случае играет не последнюю роль. У Пахомова большой опыт в создании монументально-декоративных композиций. Его рельефы украшают здания школ, библиотеки им. М. Кропивницкого, зоопарка и железнодорожного вокзала. Тематика таких произведений символична и составляет набор характерных атрибутов. Высокий уровень мастерства художника подтверждает и кованый крест на куполе церкви в Корабельном районе. Металл в его руках превращается в независимое от среды художественное произведение, как, например, композиция «Волшебный куст», которая подтверждает совершенное мастерство Пахомова – художника-скульптора и мастера по металлу. Можно назвать множество бытовых предметов: подсвечники, канделябры, каминные решётки, где проявились его талант и мастерство. Он занимается реставрацией и многим экспонатам областного краеведческого музея вернул их первозданный вид.

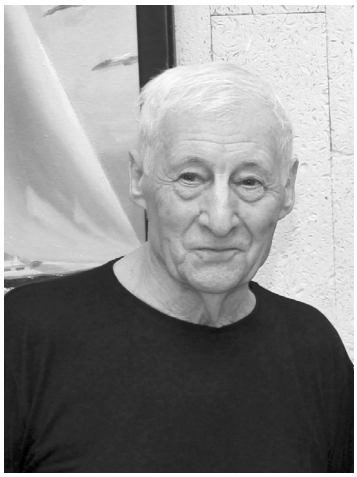
Художественная обработка металла – трудоёмкий технологический процесс, он требует специальных условий, оборудования, капиталовложений, а главное – большого желания и любви к своему делу. Не изготавливать, а создавать произведения искусства – таков принцип творчества Владимира Пахомова. Он и его коллеги выступают продолжателями славных традиций безымянных николаевских литейщиков и кузнецов, сохраняя и дополняя сложившийся образ города. Художественный металл для него всегда был знаковой составляющей.

Сапак Наталья Викторовна. *Кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна НФ КНУКиИ. Автор более 30 научных публикаций по истории и теории искусства. Преподаёт дисциплины: «История изобразительного искусства», «История декоративно-прикладного искусства», «Искусствознание».*

Илона РЕЗНИКОВА

ПОДОБНО МАЯКУ В ПУСТЫНЕ

Маленькая экскурсия по выставке в трёх частях с прологом и эпилогом



Валерий Купцов

Пролог

В сентябре в выставочном зале Николаевского отделения Национального союза художников Украины открылась персональная выставка Валерия Купцова. С большим количеством народа, с цветами, улыбками, тёплыми словами и поздравлениями – неофициальными и официальными.

Поклонники творчества Валерия Купцова ждали эту выставку семь лет. Семь лет назад открывалась выставка «Хроника самурая», и художника поздравляли не только с открытием, но и с выдвижением на звание заслуженного художника Украины. Ах, как давно это было! Изменилось многое с тех пор: страна, президент – всё другое. О присвоении звания Валерию Купцову заботиться было некому. Сам он не любит просить или раздвигать ситуацию локтями. Семь лет «оформляются» документы, которые так и остались лежать в столах…

И вот перед нами выставка… незаслуженного художника.

Часть первая

Никакой политики. Только эстетика. Любовь к городу, к степи и морю, к истории нашего края. Скажи мне, что это – не патриотизм?!

Пройдись по Сухому Фонтану, выйди к яхт-клубу, полюбуйся парусными регатами прямо здесь, не выходя из выставочного зала. А дальше… дальше то, что нам досталось из древности: свежее дыхание Эллады.

Древняя Греция жила и дышала совсем рядом, в нескольких километрах от нас. Как настоящий художник может пройти мимо? Вот и греческие мотивы перед нами. Лёгкие амазонки, танцующая эллинка, юные купальщицы, стоящие у мраморной балюстрады… А ведь эти девушки уже не совсем эллинки, они наши современницы, хотя только что были эллинками! А вот и современные амазонки в наших степных подсолнухах! Лошади, девы, солнце! И опять море. И городской дождь, обнажающий юную красавицу. И сами красавицы, «нарядно обнажённые», с рубиновыми вспышками гранатовых зёрен.

Маяки. Они задумчивы и многозначны, в них всё: покой, призыв, движение души к слезам, к улыбке сквозь слёзы, к памяти. Это свет, это надежда. И ещё одиночество. Как ни тривиально звучит – гордое одиночество. А особенно, если это маяк в пустыне. Всё неслучайно. Автор был в пустыне, в Каракумах, видел маяк, тонущий в песке. Вот где гордая красота, лишённая практического применения. Посмотрите на картину. Ничего не напоминает? Вы не такой? Не такая? Ваш маяк не гаснет? Восхищаюсь!

Не пройдите мимо: маяки – это сам автор, его творческое кредо. Мир его подобен маяку. Картины «Маяк в пустыне» и «Маяк» – программные. Такие пишут раз в десятилетие.

Часть вторая

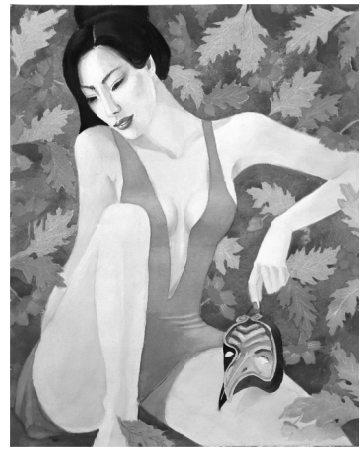
Сейчас идёт год Японии в Украине. И эта тема по-прежнему любима автором. Три персональные выставки Валерия Купцова были посвящены Японии. А в этой половина работ – снова Япония. Поэтизированная, немного выдуманная. Япония – мечта. Мечта – юные японки, которые, может быть, и не совсем японки. Роковые и нежные девушки, вышедшие из снов.

Две серии акварелей. Необычных. Кого-то удивят, кого-то введут в смущение или недоумение, а кто-нибудь их просто полюбит. Две серии: «Девушки из Осаки» и «Девушки из Киото».

«Девушки из Осаки» суперсовременные, свободные и раскованные. Модные донельзя! Они уже давно в XXI веке. Мы можем только понемногу догонять, смотреть и удивляться.

«Девушки из Киото» провинциальны и нежны, чтут традиции и покоряют своим обаянием.

Вам выбирать, что ближе.



Часть третья

Имя Валерия Купцова знакомо не только старшему поколению людей, но и молодёжи, интересующейся живописью. Прекрасный график, тонкий акварелист, оригинальный живописец, человек, пробующий себя во многих видах и техниках изобразительного искусства и всегда достигающий успеха. Его творчество известно в Украине и за её пределами, его работы выставлялись и находятся в коллекциях России, Польши, Азербайджана, Туркменистана, Австралии, Канады, США. Многолетнее творчество В. Е. Купцова в Николаеве способствовало приобретению неповторимого современного облика города. Его живописные, акварельные и графические работы всегда были новым словом.

Родился в Хабаровске в 1935 году. Мама, папа, младшая сестра, мороженое в городском саду, матросский костюмчик, всё благополучно. Но… 1941-й год. Начало войны. Тогда она называлась Великой Отечественной. Отец добровольцем уходит на фронт и погибает под Сталинградом. Маленький городской мальчик вместе с мамой оказывается в эвакуации в небольшом сибирском хуторе под Омском. И здесь начинается совсем другая жизнь, полная напряжения, голода и постоянного труда. Именно там мальчик-подросток, которого соученики всегда называют «городским», между учёбой, работой по дому и в колхозе начинает рисовать. Никаких учителей, никаких самоучителей, никаких родственников-художников. Сам! Первым был портрет… Сталина. Карандашом. Ещё бы, такое опоэтизированное имя во время войны! Спустя несколько лет на последние деньги были куплены масляные краски и написана копия с портрета Пушкина Кипренского. Но о том, чтобы стать художником, Валерий даже мыслей не имел.

Армия! Вот здесь художники всегда нужны. А он не только художник, а ещё и спортсмен, и поёт хорошо. Армия растянулась на четыре года. А потом – Омск и работа в учебном комбинате Омскстроя. И только потом – «худграф» Омского педагогического института. Валерий учился всему и сразу, посещая не только занятия своего курса. Вместе со студентами создал факультатив живописи, которой не было в программе института. В это же время студентами была организована графическая мастерская, давшая первую специальность Купцова – художник-график. Учась на третьем курсе, он работал в художественном фонде, на телевидении, преподавал черчение и рисунок в средних школах, принимал участие в зональных художественных выставках в Омске, Красноярске, Тюмени, во Всесоюзной выставке в Москве.

В 1971 году Валерий Купцов был приглашён в Николаев, в этом же году стал членом Союза художников. Работал главным художником города, был ответственным секретарём правления, принимал творческое участие в современном оформлении города, в котором живёт и работает по сей день.

Обычные жители Николаева, даже те, кто никогда не интересовался изобразительным искусством, были знакомы с творчеством В. Купцова. Правда, они не знали, кто автор этих работ. Я говорю об оформлении города. Им были созданы монументальное панно «Сказ-

ка», площадь которого 100 кв. м, и витражи «Древние города». Созданы роспись «Искусство» в музыкальной школе № 4, мозаичное панно «Рождение корабля» (завод «Океан»). Можно перечислять дальше (оформление кораблей, кинотеатров, бассейна… Были оформлены рестораны «Каравелла», «Украина», «Нептун» и кафе «Садко». Сейчас этих ресторанов нет в помине, но они были, и многие помнят их. А вот «визитная карточка города» до того, как В. Купцов предложил превратить его в кафе «Садко», была просто симпатичным неухоженным зданием в каком-то псевдостиле… Сейчас там банк «Аваль». Наступила эра банков. Интересно, кто смотрит на росписи и витражи, созданные Купцовым? Или их, как витраж в гостинице «Николаев», закрыли гипсокартонной стеной? Удивительно, что в нашем прекрасном городе так легко уничтожается искусство. Кому сейчас нужны витражи, работающие просто от солнечного света? Гипсокартон – наш бог!

Параллельно с монументальными работами художник пишет, активно выставляется. Он участник пяти всесоюзных и десяти украинских акварельных выставок, Всесоюзной и республиканской выставок эстампа, двух выставок рисунка в Киеве, трёх выставок «Художник и книга» в Киеве, участник Всеукраинской выставки книжной графики, участник Выставки украинских художников в Манеже в Москве. Всё перечислять можно очень долго. Работы В. Купцова на всех выставках пользовались неизменным успехом, в Киеве его называли лучшим акварелистом Украины. Как художник-график Валерий работал в различных техниках: линогравюры, офорта, акватинты, даже признан был «королём акватинты» коллегами. Его эстампы удивительно поэтичны и строги одновременно. В творческой группе в Седневе Черниговской области созданы замечательные линогравюры «Старая казачья церковь», «Казачий дуб», «Речка Снов». Очень интересны листы-эстампы по произведениям К. Паустовского, проникновенная серия офортов «Была война».

А вот серия графических работ «Приглашение на карате» стала новой точкой отсчёта в творчестве В. Купцова. На выставке в Киеве вошли в экспозицию все шесть листов, что являлось пределом. Восхитились новизне и необыкновенному подходу к композиции, поздравили Купцова с творческим успехом, а на следующий день сняли четыре работы, упрекнув автора в пропаганде буржуазного вида спорта. Работы-то сняли, а интерес к Японии не убили, а только усилили. С тех пор автор создал не одну серию теперь уже акварельных работ, посвящённых Японии, побывал в этой стране, был награждён Дипломом СХ УССР на «Книжной выставке – 82» за серию иллюстраций к книге Сайгё «Горная хижина». Японии он посвятил четыре персональные выставки: «Цвет ностальгии», «Любовники в кимоно», «Хроника самурая» и последнюю, посвящённую году Японии в Украине.

Эпилог

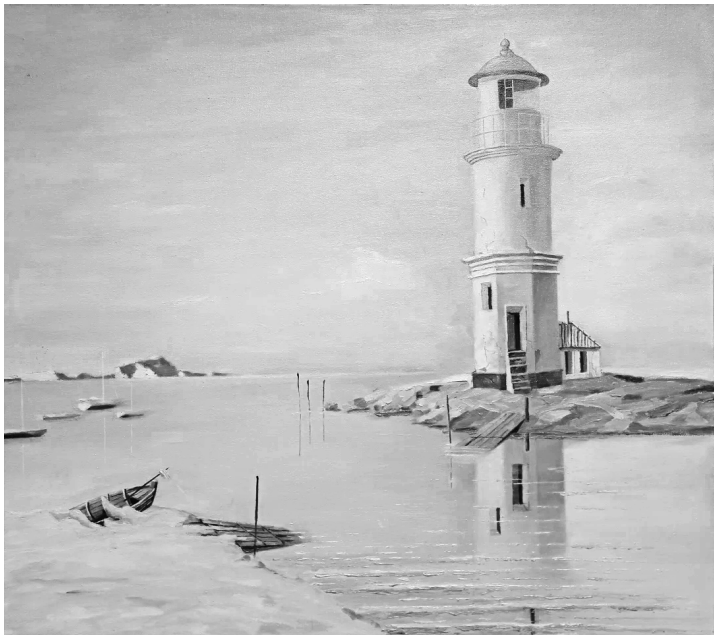
Ну что ещё сказать, Валерий Купцов – человек с ироничным, даже саркастичным настроем ума. Этого никогда не видно в его работах. В них только любовь, красота и чистые линии. Его обожают ученики. Он учит их не только рисунку и живописи, но и тонкому подходу к искусству и жизни. А ещё он теннисист. В теннис играл до 75 лет.

И поэтому вечером после открытия выставки случился такой разговор:

– Ты знаешь, я сейчас на пике формы.

– Как Федерер?

– Да. Только Федерер может взять любой мяч, а я могу взять любой тон, цвет, любое настроение!



Созерцание. Холст, масло. 2017 г.

Владимир ПУЧКОВ

ПРОФЕССИЯ – РЕПОРТЁР

Фотолетопись И. М. Кальницкого

Илья Моисеевич Кальницкий

На днях добрый знакомый привёз из Израиля русскоязычный еженедельник «Мост», выходящий в городе Кирьят-Гат. «Посмотрите, – с улыбкой сказал он, – там упоминается и ваша фамилия». Я посмотрел и обрадовался. Не потому, что узрел своё имя, а потому что целый газетный разворот этого номера посвящён бывшему николаевцу, нашему старшему коллеге-газетчику Илье Кальницкому, которому в ноябре 2017 г. исполнилось 95 лет.

Этого невысокого и немолодого человека, представителя уже почти реликтовой профессии газетного фоторепортёра, с буйной копной неседеющих волос, с вечным фотоаппаратом на шее и репортёрской сумкой через плечо, – хорошо помнят николаевцы.

Почему «почти реликтовой»? Да потому, что в эпоху цифрового фото, смартфонов и пластмассовых «мыльниц», создающих у многих иллюзию лёгкости и всеобщей доступности фотографического ремесла, нам, газетчикам, печально осознавать: фотожурналистика оказалась под угрозой исчезновения. Нет фотокружков при Домах пионеров, где увлечённые пацаны колдовали при свете красного фонаря над увеличителями, болтали в ванночках с проявителями свои первые снимки, поражаясь постепенному появлению на чистом листе «Униброма» или «Бромпортрета» чернеющего, узнаваемого, но всё же такого неожиданного отпечатка. Исчезли фотостудии, учившие азам композиции и световолшебства, искусству выдержки и диафрагмы. Тем ценнее помнить профессионалов, посвятивших свою жизнь трудной профессии фоторепортёра. Илья Кальницкий – один из них.

«...Фотоаппарат за спиной подпрыгивает от быстрой ходьбы. Это даже не ходьба, это бег на короткие и длинные дистанции, потому что везде ждут, и везде – срочно!» – это из воспоминаний о нём ветерана «Южной правды» Людмилы Костюк.

Прежде чем прийти на работу в редакцию «Южной правды», Илья Кальницкий прошёл самую серьёзную из жизненных школ – военную, фронтовую. Но никогда не кичился своими ратными заслугами.

Мне довелось работать с Ильёй Моисеевичем в «Южной правде» не один год, и у меня остались самые добрые воспоминания об этом труженике газеты. Если журналисту пишущему не всегда обязательно быть на месте события (что-то можно узнать понаслышке, из документов, по телефону, потом домыслить, довообразить), – то фоторепортёр обязан лично присутствовать, а порой и участвовать в событиях. Мало того, он должен обладать недюжинным журналистским и художественным чутьём, талантом, находиться в состоянии постоянной готовности, чтобы не пропустить тот единственный и неповторимый миг, которому суждено стать документом, отпечатком эпохи.

Боевое братство

Среди корабелов

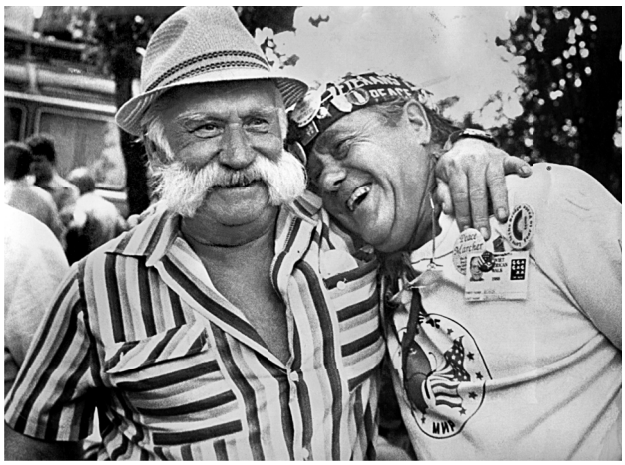
Семь футов под килем!

В газетной практике часто бывает так, что журналисты работают в паре: пишущий – пишет, фоторепортёр – снимает. Более надёжного и некапризного партнёра, чем Кальницкий, я не припоминаю.

Летом 1986 года мы выехали с ним в Киевскую область, под Чернобыль, – нужно было сделать репортаж о сдаче в эксплуатацию построенного николаевцами посёлка для переселенцев из Чернобыльской зоны. Надо ли говорить о том, что в то лето далеко не каждый соглашался на такую командировку. До сих пор вспоминаю, как Кальницкий, немолодой уже человек, вполне по-солдатски удовлетворялся спартанскими условиями, в которых мы ночевали и перекусывали на ходу. И – работал: снимал, снимал, снимал. В ситуации чрезвычайно трагической, закамуфлированной бодрыми фанфарами, он вглядывался в лица строителей и переселенцев, чувствуя на них отсвет атомной беды, сердцем ощущая глобальность этого бедствия.

Мы ехали микроавтобусом со сборной командой николаевских журналистов. На обратном пути, как водится, выпили-закусили – и вдруг немногословного, обычно молчаливого Кальницкого прорвало. Наклонившись ко мне, он стал рассказывать о своих юных годах, опалённых пламенем войны. Помню, рассказывал о войне просто и обыденно, с деталями, с бытовыми и даже порой смешными подробностями. И это было так непохоже на господствовавшие тогда, причёсанные и «правильные», наполненные идеологическими штампами и официозом мемуары многих заслуженных ветеранов, увешанных орденами, медалями и памятными значками.

Именно тогда я узнал, точнее, понял, почему у Кальницкого такая немного смешная, то шаркающая, то как бы подпрыгивающая походка. В 1942 году на Юго-Западном фронте он, мальчишка-связист, побежал под пулями ликвидировать порыв провода связи – и был тяжело ранен. «Пулевое ранение голеностопных суставов, были перебиты ноги, – вспоминает он. – Я сам перевязал себя портянками и пополз назад к своей роте. Силы стали меня покидать, напился воды из лужи. И тут меня заметил наш санинструктор, он подполз ко мне и сказал: «Лежи, я тебя скоро вытащу...»

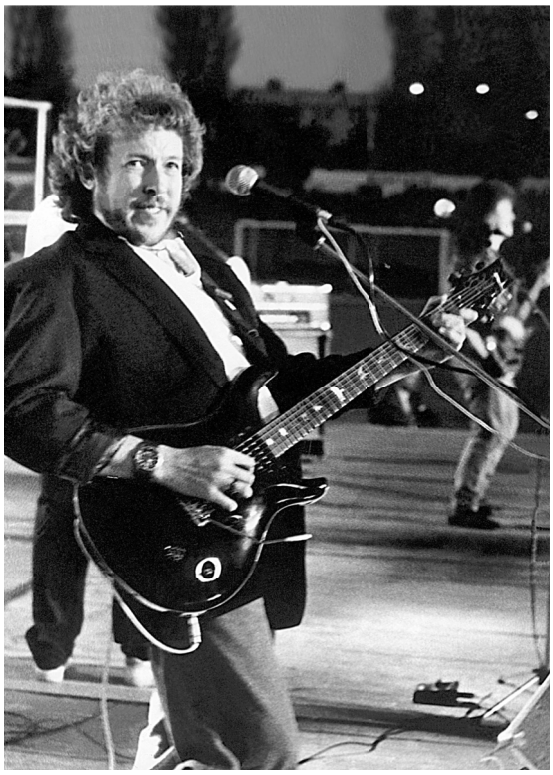


Ветераны-побратимы Второй мировой

Защитники Земли обетованной

Юный футболист

Первый снег



«Ты помнишь, как всё начиналось...»
Андрей Макаревич

«Лето, ах лето...»
Алла Пугачёва

Санинструктор сдержал обещание – вернулся с ещё одним солдатом, и они вдвоём на плащ-палатке потащили Илью в окоп. В траншее он попытался встать на ноги, но не смог. Когда стемнело, его и других раненых вынесли через наше минное поле. В медсанбате их перевязали и на подводах отправили дальше в тыл. Обоз бомбили, «мессеры» уже гонялись за одиночками в поле. Ездовой сбежал. Один из раненых схватил поводья, кони понеслись вскачь. Все чудом были спасены.

Их выгрузили в сельской церкви, где уже лежали сотни таких же, как он. Военврач, проходивший мимо, сказал Илье: «Ползи на улицу, там тебя вывезут».

Он собрался с силами и выполз. Увидел полуторку, которую уже загрузили ранеными. Там было только одно место, куда можно было приткнуться. Он сам до сих пор не понимает, откуда силы взялись: встал на колени, превозмогая боль, и попросил поднять его в машину. Его втащили в кузов. Так он спасся. А те, кто остался в церкви, наверняка погибли...

В госпитале медкомиссия признала его годным к нестроевой службе. Но он решил иначе: в декабре 1942 года вернулся в свою боевую часть. Его полк прошёл с боями через Кривой Рог, освобождал Новый Буг в Николаевской области, наступал на Одессу, форсировал Днестр, прошёл Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию. За форсирование Днестра получил медаль «За отвагу», а за жестокие бои в Венгрии – орден Красной Звезды. Этими солдатскими наградами он гордится больше всего...

Мы ехали по солнечной и зелёной киевской трассе, ошеломлённые чернобыльскими впечатлениями. Кальницкий рассказывал мне свою жизнь, как бы сам удивляясь, что всё это было с ним, – и никакого фронтового бахвальства не было в его рассказе.

После войны он освоил фотодело, подучился, стал предлагать свои фото в местные газеты. С 1968 года начал работать в «Южной правде» и был связан с ней до 1995-го, до отъезда в Израиль.

Многие его снимки уже стали местной классикой, истинными и выразительными документами той сложной и запутанной эпохи, в которую нам довелось жить.

Поселившись в г. Кирьят-Гат в весьма почтенном 72-летнем возрасте, Илья Моисеевич не смог сидеть сложа руки. Тем более что именно тогда в Кирьят-Гате возникла русскоязычная газета «Новости». Кальницкий стал в ней работать, первые два года – на общественных началах, как и другие сотрудники. Зоркий объектив настоящего профессионала и тут пригодился. Кроме многочисленных газетных публикаций, он выпустил фотоальбом о жителях и истории города, ставшего ему родным. В 2005 году за большую общественную работу ему присвоили звание «Почётный житель Кирьят-Гата». У него большая и дружная семья: жена Софья, дочери Оля и Дина, зять Володя, четверо внуков и правнук.

Иногда он звонит, поздравляет с праздниками, интересуется николаевской жизнью. Каждый год 9 мая празднует День Победы – вместе с другими ветеранами Второй мировой. Когда в Кирьят-Гате торжественно возлагают венки к памятнику Неизвестному солдату, он тоже приносит свои цветы в память о погибших – родном брате, 23-летнем Давиде Кальницком, двоюродном брате, 19-летнем Грише Файнштейне, однополчанах.

Илья Кальницкий – один из плеяды замечательных фотомастеров, работавших в наших редакциях. В своё время очень точно его охарактеризовал коллега, ветеран николаевской журналистики Борис Аров: «Илья работал с нами, проявляя себя как настоящий боец журналистского братства. Безотказный, оперативный, трудолюбивый, мыслящий, доброжелательный человек».

Борис ЖИТКОВ

ОЧАКОВСКИЕ МАСТЕРА

Борис Степанович Житков (1882–1938) – автор «Морских историй», сборников рассказов и повестей, научно-художественных книг «Что я видел», «Что бывало». Энциклопедии закрепили за ним репутацию детского писателя, хотя читателей сегодня больше интересует его единственный и лучший роман о революции 1905 года «Виктор Вавич», который оказался доступным лишь в 1999 году.

Юные годы жизни Житкова прошли в Одессе, учился он в Новороссийском университете и всей душой любил Большой Фонтан, избороздил на яхте причерноморские лиманы, обожал Кинбурнскую косу, куда приходил под парусом вместе с К. И. Чуковским.

В Одессе Б. Житков стал профессиональным моряком. Этому неуёмному человеку нужно было знать всё об устройстве судна, и он подал заявление на кораблестроительное отделение Политехнического института в Петрограде. Именно в эту пору он побывал на судостроительном заводе «Руссуд», в Николаевском морском порту, познакомился с местными инженерами-конструкторами.

Житков публикует серию статей об умении человека брать на себя ответственность, закалять мужество, строить и создавать вокруг надёжную среду. В цикле рассказов «Плотник» он с уважением пишет о людях труда, способных с помощью единственного топора поставить четырёхугольную избу с резным коньком на крыше, построить самое древнее судно – плот. Со строителями рыбацких шаланд писатель познакомился в Причерноморье, в Очакове.

Есть на Чёрном море город Очаков. Это как раз где впадают в море и Буг, и Днепр. Вот тут-то, вокруг Очакова, и разбросаны рыбачьи становища. Живёт тут исконное рыбачье население.

На всех морях рыбак тот же: главное ему – судно, что мужику конь. И пашет рыбак море, что мужик поле.

На плоскодонных шлюпках – шаландах – выходят далеко в море очаковские «рыбалки», и уж тут вся надежда – шаланда.

Легко должна ходить она на вёслах, стойко носить паруса. Круто вырезаться под парусом, когда прямо в лоб работает противный ветер. Как утка, должна шаланда выпрыгивать на волну, не зарываться носом в зыбь, «сухо ходить» в свежую погоду.

И чего-чего не спросит рыбак с шаланды! Жену себе подобрать легче, чем вот эту дощатую посудину. Да и верно: не только что счастье-удачу вверяет рыбак шаланде, а и жизнь свою. Поймает в море погода, заревёт, завоет и зальёт, опрокинет рыбака – и пропал со всем уловом и с сетками. А посмотришь на рыбачьи шаланды, как будто они все, как одна. Да и рыбак их на вид не распознает.

– Разве, – скажет, – в неё влезешь? Вот как она себя в море покажет!

Но были мастера на берегу под Очаковом, что без промаху, без ошибки делали надёжные и ходкие посудины. Рыбаки ценят таких мастеров и каждого работу знают.

– Вот Антонова работа! – скажет рыбак и ладошкой по борту стукнет. Понимай: первый сорт!

А этот Антон был запойный пьяница. Запьёт – не подходи. Как дым – так его ветром и сломит. Рыбаки за ним следом ходят, ждут. Всем обещал в очередь. Уж и доски готовы, сложены. Дело не ждёт. Плюнуть бы да к другому пойти... Да жаль! Уж возьмёт Антон инструмент и такую отстругнёт посудину, что летать по всему морю, по всем берегам – и никакая сила! На вёслах – толкни только – сама идёт. А парусами! Давай только ветру, что крепче, то лучше. Летит – из воды вырывается. Приляжет на бок и чешет по зыбям, только пена летит. Впереди всех прибежит Антонова шаланда к берегу, и, пока соседи с моря придут, тут уже и сетки развешаны, и рыба на базар поехала, а рыбак лежит на песке, покуривает.

Вот и ходят рыбалки за пьяным Антоном.

– Дяденька! Потом допьёшь, нас-то не томи!

А Антон мутный весь, будто и не на этом свете. Старуху уж заговаривать два раза нанимали – ничего не берёт. Пришёл солдат.

– Я, – говорит, – верную рюмку знаю. Налью эту рюмку ему – и как рукой.

Верно. Сняло. Чего он там наливал – его уж дело.

И вот уж по всему берегу говор идёт: «Взялся». Все наперебой:

– Дядя Антон, мне вперёд!

Антон брови насупит на подмастерьев зверем. Слова не скажет, только глазами ворочает, а те уж мечутся, как мыши.

Сразу семь шаланд заложил. И не понять, как он с перепою ошибки не даст: помнит, кому какую обещал.

Зло работает. Поглядеть – так зря дерево крошит. А он и разу-то одного зря не ударит, и всё без поправки. Отпилил, обрезал, ткнул на место – и как прилипло.

Гвоздь ли вбить – одним ударом. Приставил к месту, стукнул обухом топора – и утонул гвоздь в дерево по самую шляпку. Как в масло ушёл. И тут уж с ним не говори, с руки не сбивай.

Доску только в руку взял – он уж ей цену знает. Какую отшвырнул, эта уже, знай, не обогнётся по борту – лопнет. И пробовать нечего. А уж какую в дело взял, – значит, надёжная доска. Обогнул, обвёл по борту, и туго, пружинисто легла доска. Растёт шаланда, и вот стала вся белая, стройная. Как говорит. Как живая. Не терпится рыбаку – хорошо уж, ладно. Скорей бы в руки. Ходит около, как ребёнок возле игрушки:

– Да уж хватит, дядя, стараться!

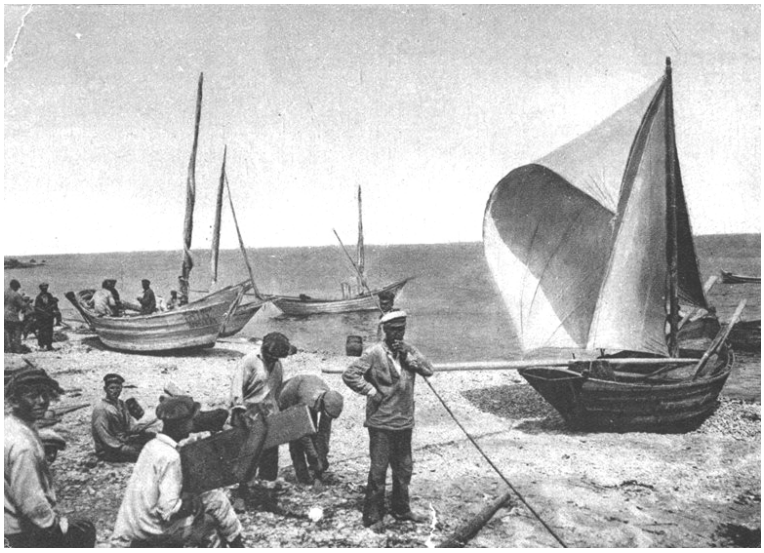
Антон и усом не поведёт. Пока во всех статьях шаланда не будет «справная», как он понимает, – не столкнёт её заказчику.

И на всём побережье его шаланды славились. Лёгкие: на берег вытащить – не надо рвать усталые руки. Погоду держать – сиди что дома. А уж про ход и не говори. Пробовали другие: мерили Антонову посуду и вдоль и поперёк. И аршинчиком, и шнурочком. Потом по этой мерке и делали. Всё, кажись, так. Пошёл в море – не то! Так и не знал никто, в чём секрет.

– Талант имеет в руке, – говорили рыбаки.

В руке ли талант, в глазу ли, а только Антон ни разу за всю свою пьяную жизнь не дал промашки: все шаланды на славу, и какая лучше – сказать трудно, – хозяева спорят.

1925

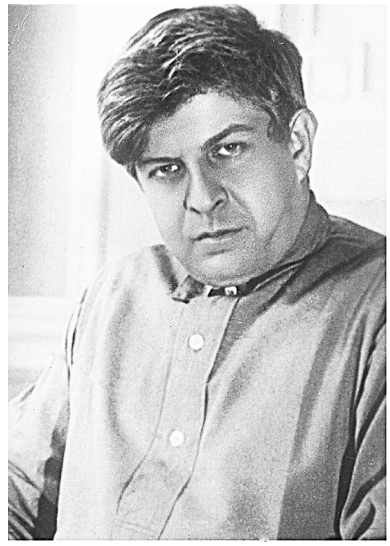


Очаковские шаланды

Яков БЕЛЬСКИЙ

ЭДУАРД В НИКОЛАЕВЕ

Автор этих воспоминаний Я. М. Бельский (1897–1937) – основательно забытая фигура литературной жизни 20–30-х годов советской поры. Он был другом Валентина Катаева и Юрия Олеши, служил в одесской ЧК, работал в харьковской окружной газете «Пролетарий», в «Красном Николаеве», в газете «Вечерняя Москва», был замредактора журнала «Крокодил». Судьба этого талантливого журналиста и художника сложилась драматично: в ноябре 1937 года он попал в список причастных к злодейскому убийству С. М. Кирова (147 фамилий) и был приговорён к расстрелу как террорист и шпион. Реабилитирован Я. Бельский в 1990 году.



Эдуард Багрицкий

В начале июля 1923 года я получил письмо от Эдуарда, в письме он сообщал, что сидит в Одессе без дела, что от Вальки и Юрки* из Харькова никаких известий нет и что он хочет приехать в Николаев работать. Джурбаев, голубей и морских свинок он передал на попечение моему брату Арчибальду, а жена и сын, писал он, прокормятся как-нибудь сами.

Обеспечив таким образом всё разнообразное население своего дома на Дальницкой, Эдуард должен был в ближайшие дни погрузиться на пароход «Буг» и пришвартоваться к новым берегам.

Даты в письме не было, и поэтому никак нельзя было установить, в какой день он приедет. Тем не менее, я решил приготовиться. Я вызвал мою квартирную хозяйку, Аллу Карповну Орешникову, и попросил купить на базаре брынзы, молока и нажарить картошки на постном масле. Меню Эдуарда мне было точно известно, и я хотел, чтобы он с первой же минуты чувствовал себя хорошо.

Было жаркое июльское утро. Несмотря на близость реки, каменный Николаев в такие дни накалялся, как печь. Пока я умывался, на улице возле дома, где я жил, произошли события. Ко мне прибежала взволнованная соседка и сказала, что какие-то два странных человека, в сопровождении целой толпы, спрашивают меня.

Зрелище, которое я увидел, выйдя за ворота, было действительно странное. Впереди толпы стоял высокий человек в бурке и огромной манжурской папахе. Рядом с ним седоусый старик в плаще и панаме, размахивая гитарой с голубым бантом, что-то кому-то объяснял. Пока я пытался достойным образом оценить происшествие, человек в бурке подбежал ко мне.

– Здорово, Янкель! – закричал он своим хлопающим басом. – Эти шляпы приняли меня за Махно и хотят вести в милицию...

– Ты с ума сошёл, Эдя, в июле месяце так одеваться!..

– Что я буду с собой постельные принадлежности брать! Бурка вполне заменяет матрас, одеяло и даже егерское бельё... Знакомься. Это – Гаврила Иванович Шульц. Бывший преподаватель арифметики, а теперь учёный зоолог. Он, может, четырёх Бремов за пояс заткнёт.

Старик с гитарой под плащом изящно расшаркался, подкрутил усы и протянул мне руку.

– Сыграйте что-нибудь весёленькое, Гаврила Иванович, – сказал Эдуард.

Старик тем временем куда-то исчез, и его музыкальные таланты мне пришлось узнать несколько позже.

– Чудесный двор, здесь будет жизнь! – Эдуард указал рукой на пустовавшую голубятню. – Где тут, в городе, птичий базар? Ты там бываешь?..

Старика Шульца мы нашли в моей комнате. Он мгновенно освоился с новой обстановкой. Его плащ, гитара и панама были небрежно брошены на мою постель. Ставни были почему-то закрыты.

* Валентин Катаев и Юрий Олеша.

Гаврила Иванович быстро откинул полу плаща и, став в позу подгулявшего гранда из Севильи, хотел было начать.

– Подождите, – сказал я. – Раньше подымем висячий мост, чтобы враг прекратил преследование. Осада нам не страшна. Пищей мы обеспечены на сутки.

Я пропустил обоих путников во двор, закрыл ворота на засов.

– Только имей в виду, – сказал Эдуард, – у старика исключительно легкомысленный репертуар. Классика ему не известна. Если у него сбрить усы, получится самая настоящая цыганка Маша...

Солнечный свет, пробившийся через щель, пересёк комнату пополам и лёг яркой полосой на стол, за которым сидел Гаврила Иванович. Он громко чавкал и сопел. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что в тарелках ничего не было.

– Хороша брынза, – сказал Гаврила Иванович, – нельзя ли ещё полкварты молочка? У нас в Одессе такого не бывает-с.

Он лукаво, как проворовавшийся кот, поглядывал из-под седых бровей на меня и Багрицкого.

У меня сжалось сердце. Все мои заботы пропали даром.

– Не дрейфь, Янкель, – сказал Эдуард, хлопая меня по плечу, – я забыл тебя предупредить, что у Шульца чудовищный аппетит. Он жрёт, как Гаргантюа. Ему надо с утра набить желудок десятью фунтами кондера с кониной – тогда он станет безопасен. Тонкой пищи он не поймёт, и она ему без пользы. Всё равно, что голодного льва кормить рябчиками в сметане. После такой еды лев самого повара съест.

Гаврила Иванович шуршал хлебной коркой по внутренней стенке глиняного кувшина, добывая оттуда остатки молока. Лицо его сделалось каменным, как будто наш разговор касался другого человека.

Через несколько дней жизнь начала входить в нормальную колею. В моей комнате были установлены две добавочные койки. С рассвета на плите весело журчал гигантский бак кондера для Гаврилы Ивановича, и проблемы его питания на некоторое время потеряли остроту.

Эдуард начал работать секретарём в газете «Красный Николаев», которую я тогда редактировал, заменив ушедшего в отпуск поэта Яшу Городского.

В результате нескольких экскурсий Эдуарда на заводы «Наваль» и «Руссуд» наша комната превратилась в клуб. По вечерам десятки молодых парней приходили читать свои стихи и рассказы.

Удивительное свойство было у Эдуарда. Знакомства он заводил на лету и с самыми разнообразными людьми. Через несколько дней без особого труда он сколачивал из всех дружную компанию. С одним он долго спорил о преимуществе египетских голубей над вертунами, с другим выяснял возможность разводить рыбок скалярий в мелких и прохладных водах.

Но главное начиналось, когда приходили поэты. Охотники, рыболовы и птицеводы отступали на второй план. Вечер заканчивал всегда Эдуард. Он терпеливо выслушивал чтение десятков стихов и рассказов и, почти всегда внезапно, начинал читать сам. Я никогда не забуду его замечательный голос, седеющий вихор на лбу и глаза, устремлённые далеко, через головы онемевших слушателей.

Он был необычайно скромен и очень неохотно читал свои стихи. Он ошеломлял своих слушателей лирикой Лермонтова, печалью Блока и потрясающими строфами Киплинга, которого необычайно ценил и любил.

– А ну-ка, Гаврила Иванович, ударьте что-нибудь повеселее, – говорил Эдуард, когда закрывалась дверь за последним посетителем.

Гаврила Иванович медленно опускал ноги с кровати, брал гитару, стоявшую у изголовья, и начинал петь:

Одна красотка из Гренады
Любила очень серенады...
Но муж её, седой старик,
Считал, что это наглый крик...

– Старик был не дурак, – говорил Эдуард, ворочаясь под своей тяжёлой буркой на постели и попыхивая своей кручёнкой из абиссинской травы, которую курил из-за астмы.

Скоро Шульц исчерпал весь свой репертуар, и мы с Эдуардом писали ему невероятные песенки про общих знакомых, которые он исполнял под аккомпанемент гитары.

Когда мы засыпали, Шульц подымался с постели, как сомнамбула. Спотыкаясь и цепляясь за мебель, он пробирался к этажерке, где стояли остатки ужина. Из мрака потом долго доносилось хрустение арбузных корок, которые он догрызал с хлебом.

Утром он заявлял с невинным видом, что в квартире, кажется, завелась крыса.

– Знаете, Гаврила Иванович, – Багрицкий сказал как-то вечером, – сегодня крысам не поздоровится. Мы с Бельским остатки ужина отравили цианистым калием...

Гаврила Иванович промолчал. В эту ночь он спал спокойно, а я думал о необходимых изменениях в рецепте кондера.

В начале сентября Гаврила Иванович уехал в Одессу. Этому предшествовали небезынтересные обстоятельства.

По просьбе Эдуарда я устроил его лектором по натуроведению в клубе металлистов.

– Если вам нужна литература, – сказал я Шульцу, – выпишите названия. Я вам всё достану.

– Пустяки, – возразил Гаврила Иванович, – я всё это отлично знаю. Необходимые натурпособия я раздобуду сам.

Утром, после завтрака, он, взвалив на плечи какое-то подобие рюкзака, взял палку и исчез, направляясь к реке.

В этот день мы с Эдуардом очень задержались в редакции. Дело в том, что нам удалось снять на один вечер помещение кинотеатра, не получившего почему-то фильма из Одессы.

Багрицкий решил устроить там вечер поэзии. Пришлось наскоро печатать афиши, торговаться с кассиршей, билетёрами, монтёром, рабочим сцены, завкино. Сам Эдуард сидел с ныне умершим журналистом Гришей Магри и спешно натаскивал его по вопросам поэзии.

– Скажи мне ещё раз, – говорил Гриша, – только точно, какая разница между акмеистами и реалистами, чтобы я не перепутал...

Магри должен был выступать докладчиком, а Эдуард иллюстрировать его доклад стихами.

– Как ты можешь перепутать? – волновался Эдуард. – Я ведь буду стоять сбоку, а Яша будет председательствовать. В случае чего он тебе подскажет. Если ты заговоришь об акмеистах, я прочту их стихи, или наоборот. Перепутать тут невозможно...

Вечер, несмотря на широкую рекламу, состоялся далеко не при переполненном зале. В первых рядах сидели друзья Багрицкого – птицеводы, рыбоводы, охотники и поэты. К сентябрю их число достигло потрясающей цифры. Все они, увы, были контрамарочники. Эдуард никому не мог отказать.

– Что ты делаешь? – сказал я, когда увидел этот «безумный поток» контрамарок. – Мы ж прогорим вдребезги!..

– Не учи меня, – сказал он, – я знаю, что значит работа в маленьких городах. Нужно, чтобы в двери начала валить толпа, тогда другие будут брать билеты за деньги.

Толпа, ввалившаяся по контрамаркам, оправдала его расчёты, но тех, других, было мало.

Вечер прошёл сравнительно удачно, но когда мы подошли к кассе, она уже была атакована всем персоналом театра. За покрытием расходов выручка составила девять рублей с копейками. Мечты Эдуарда о зимнем пальто для жены разлетелись в прах.

Когда мы шли домой, нас догнал какой-то человек.

– Молодые люди, – сказал он, – я костюмер театра, денег я у вас не прошу. Я знаю, что у вас осталось девять рублей... Я старый человек, и у меня большая семья. Я прошу одолжить три рубля.

Я вопросительно посмотрел на Эдуарда. Он вдруг рассмеялся своим гогочущим смехом и протянул костюмеру трёхрублёвку.

– Ну, так шуба у Лиды, – сказал Багрицкий, – будет без бобрового воротника.

Дома мы застали Гаврилу Ивановича. Он сидел на кровати на корточках, с головой, повязанной полотенцем.

– Что с вами? – спросил я.

– Лекция не понравилась, и меня прогнали. И всё из-за неё, – сказал Гаврила Иванович, указывая в угол. – Я не успел её выдрессировать.

В углу стояла живая цапля с подбитой ногой.

– На окне змеи, – продолжал Гаврила Иванович, – и два тарантула. Но они все в специальных мешочках, так что вы не беспокойтесь...

– Какие змеи? – грозно спросил Эдуард.

– Пустяки – шесть ужей, две медянки и одна гадючка, совсем молоденькая. Она ещё яда не вырабатывает...

Эта ночь была одной из самых страшных ночей в моей жизни. Часа в два ночи закричала цапля. Спросонья мне показалось, что я сплю под тропиками, где-то вблизи берегов реки Ориноко. Что-то холодное и скользкое обвилось вокруг моей шеи...

Чудовищным усилием воли я превозмог страх и повернул выключатель. На соседней кровати сидел Эдуард, держа дрожащими пальцами тарантула. Разбуженный старик до рассвета собирал свои «натурпособия». Он всё волновался, что нет гадючки. Наконец он радостно бросился к моей постели.

– Ах, подлая, куда залезла! – крикнул он и с торжеством вытащил из-под моей подушки змею солидного размера.

– Это та самая малютка, – сказал Эдуард. – Я думаю, Гаврила Иванович, что у неё уже прорезались молочные зубки. Поцелуйте её в ротик.

Делая невероятные телодвижения, Гаврила Иванович запихивал змею в мешок.

Утром Багрицкий был серьёзнее, чем обычно.

– Гаврила Иванович, – сказал он, – берите свой сад Гагенбека, и едем на пристань. Шесть сорок пять – как раз хватит на билет второго класса.

Так бесславно погибли последние остатки доходов от вечера поэзии.

– Понимаешь, – сказал Эдуард, вернувшись из гавани, – обо всём я тебя предупредил, когда мы приехали, я забыл только сказать, что он немного малахольный…

Круг знакомых Эдуарда увеличивался. В моей квартире его гости уже не умещались. Мы начали устраивать литературные вечера в редакции. На дом ходили только немногие избранные. Любимцем Эдуарда был молодой пекарь Ванька Гусев, писавший стихи и прозу. Гусев был девятнадцатилетний красавец с потрясающей льняной шевелюрой, составлявшей предмет его гордости.

– Продай её мне, Ванька, – сказал ему как-то Багрицкий, – шевелюра как раз подойдёт к моей фигуре.

– Ты бы мне лучше свою фигуру продал, – ответил Гусев, – она как раз подойдёт к моим волосам.

Гусев был необычайно способный и впечатлительный малый. Услышав, как Эдуард читал отрывок из «Уленшпигеля», он на другой же день принёс поэму в шестьсот строк под названием «Дидель на «Руссуде». Марта в его поэме была комсомолкой и работала токарем по металлу на «Навале». Отчим Марты, злой мастер цеха, изгонял Диделя навеки из своего дома...

Эдуард быстро отучил Гусева от безумства, и парень начал писать складные стихи и неплохую прозу.

Кроме Гусева, к нам на квартиру ходил токарь с «Наваля» Поливанов, проработавший на заводе около сорока лет. Поливанов написал несколько огромных тетрадей воспоминаний о революционной работе в Николаеве при царизме. Эдуард целые ночи читал и правил его рукописи и потом заплатил машинистке из своих скудных средств за перепечатку. Однажды утром они пошли вдвоём в Истпарт, и часть воспоминаний Поливанова вошла затем в сборник «Революционный Николаев».

Стихи Поливанова Эдуарду не нравились.

– Пиши прозой, Николай Софронович, – говорил Багрицкий. – В шестьдесят три года все поэты становятся прозаиками.

С Поливановым Эдуарда связывала ещё общая страсть к охоте. Иногда они, вскинув на плечи старинные одностволки, уходили далеко на Буг, в камыши. Возвращались всегда под вечер, злые и голодные, и долго ругались.

– Знаток, – говорил Эдуард, – знает места, где утка. Да ты, Николай Софронович, даже на базаре за деньги домашней утки не найдёшь, не то что дикой...

Николай Софронович угрюмо сопел, крутил усищи, но молчал, признавая свой грех. В таких случаях я ставил на стол графин водки. Разговор постепенно переходил на литературу, и о ружьях и патронташах, брошенных в угол, забывали на неделю.

В середине октября Эдуарда уже знали на всех предприятиях Николаева.

В этот город часто приезжали поэты, но ни один из них никогда не был так близок рабочей аудитории, как Багрицкий. Его считали своим и любили. Простая одежда, брезентовые обмотки, манера говорить и обращаться с людьми создавали необычайно интимную обстановку на его выступлениях

в рабочих клубах. Десятки людей всегда провожали его домой и потом долго по ночам гуторили под окнами квартиры.

На письменном столе нашей комнаты всегда лежала груда рукописей рабочих авторов. Эдуард внимательно читал их и накладывал короткие, исчерпывающие резолюции...

В середине сентября Эдуард начал чаще, чем обычно, писать домой. Когда пошли осенние дожди, он совсем затосковал по семье.

– Ты понимаешь, – говорил он по нескольку раз в день, – Лида ведь совсем беспомощный человек. Севку надо одеть, обуть. Я поеду домой. Кроме того, в сентябре можно наловить хорошую колюшку. Если её ловить в сентябре, она выживет и отнерестуется...

Однажды туманным утром в конце октября Эдуард надел свою бурку и папаху и мы поехали на пристань.

Провожать пришли Гусев и Поливанов. Было чертовски грустно. Поливанов долго вертел в руках какой-то свёрток, потом ткнул его Эдуарду.

– Что это, рассказ? – спросил Багрицкий.

– Пирожки, – сказал сконфуженный Поливанов. – Жена тебе напекла на дорогу. Может, кушать захочешь...

– Вот чудило, – сказал Багрицкий, но быстро отвернул голову в сторону, и мне показалось, что в его серых глазах блеснули слёзы...

Когда я вернулся домой, наша комната показалась мне нежилой. На столе лежали стихи, которые Багрицкий забыл вернуть автору. В верхнем левом краю на них была написана резолюция: «Семидольный паузник – трудно, гекзаметр – хуже. Пиши ямбом, босяк!»

Я долго потом не мог привыкнуть к одиночеству. Просыпаясь по ночам, я всматривался в темноту, и мне казалось, что я сейчас увижу огонёк его цигарки из абиссинской травы и услышу её лёгкое потрескивание...

И может быть, из-за Багрицкого я до сих пор горячо люблю Николаев, в котором протекли лучшие дни нашей дружбы, дни юности и весны.

Когда я думаю о Николаеве, я – ещё юноша и Эдуард Багрицкий жив.

1935

«ЗАБУДЬ-РІЧКА» БРАТІВ КАПРАНОВИХ

В Очаківській районній бібліотеці – поповнення фондів. Брати Капранови подарували читачам свій новий історичний роман «Забудь-річка» (Нора-друк: Зелений пес, К., 2016). Передача подарунка відбулася скромно, без помпи та недоречної театральності. Це восьмий твір наших земляків. Він відрізняється від попередніх місцем подій, частина яких розвивається в Очакові. Назва книги походить з української міфології: за уявленнями людей, між нашим світом і потойбіччям протікає ріка, пролітаючи яку, душа після смерті людини забуває все.

«Без України діла не буде», – каже один із персонажів роману. Цією тезою пронизаний весь твір.

У романі декілька сюжетних ліній, пов'язаних між собою, які, за законом жанру, добряче петляючи протягом усієї оповідки, збігаються в одну точку наприкінці.

Частина подій розгортається у Галицькій Україні. Тож і рефлексії героїв такі, що притаманні людям західних областей України: через їх бачення, їх культуру, виховання та освіту. Через їх сприйняття реальності. Галичани – вихідці із такої ж імперії, як Росія, але з іншими цінностями, укладом життя, освітою, з вірою у Бога, не тавровані «привидом, що блукав Європою». Цей Антихрист витравив з людей всі етично-моральні цінності, віру, чи не навіки вгамселивши у їхні просфірні мізки непримиримо-вороже ставлення до всього «непролетарського».

Так сталося, що його жертвами та адептами одночасно стали жителі колишньої Російської імперії. Але ж треба мати на увазі, що саме дотримання ідеології, нав'язування її слугувало підставою фізичного виживання її носіїв. Такий собі соціальний дарвінізм із шибеницею та безкрайнім Сибіром.

Прагнення героями книги власного дому без «москалів», комуністів, формує у читача негативне ставлення до Росії та росіян. У цьому проявляється стереотип мислення галичан. Це не повинно сприйматися читачами як прояв шовінізму. Але ж у них історично, тобто об'єктивно, не було ніяких підстав для симпатій до східного сусіди. Як, наприклад, у корейців чи китайців до Японії та японців. І російська мова для них така ж ненависна, як такою залишалась ще донедавна у Югославії німецька. З відомих причин та підстав.

Справедливості задля треба згадати, що саме собою являли ті самі «москалі» нового часу. Перший із них – Ульянов-Бланк з цілим кагалом. А серед них найбільш радикальні – Бронштейн, Володарський, Урицький – наші, з «межі осідлості».

А чи не найактивніший апостол «червоного терору» Євгенія Бош з Аджиголу – німка. Етнічним персонажам трохи не вистачало запалу, південного темпераменту, і, мабуть, тому вони були попервах на «підхваті», але й вони не уникали почесного права топити у крові власний народ. Хоча для всіх них народ був лише засобом для досягнення маячневих цілей. А звідкіля взялися Хрущов, Брежнєв? Та й Горбачов не менш «щирий», як виявляється. На чистісінькій українській нещодавно пронизливо виводив по ТВ «Рідна мати моя» під акомпанемент Макаревича…

Капранови деякою мірою ідеалізують національно-визвольний рух на заході України під час війни, але їм ніяк не дорікнеш в упередженості. Це навіть, точніше кажучи, не ідеалізація. Це відкрита оповідь без евфемізмів та цензурного мугикання. Треба визнати, що підвалини державної незалежності закладалися саме там. Але який може бути результат, коли вибір – між молотом та наковальнею?

Принципи боротьби повстанських загонів за незалежність України: не воювати проти Червоної армії, партизанів; але ж «у темноті хіба розберешся»? Цим не виправдовуються наслідки визвольного руху української повстанської армії, яка воювала проти всіх. І невідомо, проти кого активніше – проти Вермахту чи Червоної армії. Партизанська війна – це хто перший натисне на гачок. А після – зупинитися важко. І до чого це призвело, теж відомо…

Тема руху опору на заході під час війни – тема дуже тонка і замовчувана. Комісар Ковпака Руднєв, наприклад, у своєму щоденнику виказував сумніви щодо доцільності визвольної місії НКВС-партизанського з'єднання у Карпатах.

Цілком справедливі спостереження та зауваження авторів щодо принципів будівництва армій Німеччини та Радянського Союзу: виучка німців та покора солдатської маси жорстокості червоних комісарів-командирів. Через це – і замовчування у нас поширеної гітлерівської цитати «Для нас найголовнішим є збереження життя німецького солдата». Це, зрозуміло, Гітлера ніяк не виправдовує, але красномовно свідчить про цінність людського життя на війні кожної зі сторін.

Принципи розбудови сучасної української армії, на жаль, залишилися «совкові», хоч би що там не казали, – я це бачу кожен день «собственноручно». А що тоді казати про буремні 40-ві? Хоча в кадровій російській імператорській армії матюків чути не було. Вплив релігії на суспільство був дуже вагомим. Варто згадати внесок Гавриїла Судковського у виховання духовності вояків, але ж він був не один на всю імператорську армію. Це вже потім, після масової мобілізації 1914 року та перевороту 1917-го, таке почалося… До сих пір зупинитися не можемо…

У діалогах дійових осіб звучать болісні сумніви та роздуми наших сучасників, слушні докори правлячому істеблішменту, нищівна, але справедлива критика діючої влади, яка всі роки незалежності залишалась та й досі залишається ворожою до власного народу.

Просто й невимушено, як у розмовному середовищі, вплітається у канву оповіді галицький діалект. Скупа транслітерація російської мови, доречні вкраплення нецензурної лексики органічно слугують поставленій меті. Нічого зайвого. І кров до обличчя не приливає при вигляді слова із трьох букв.

Автори дохідливо і просто, але енциклопедично точно наводять багато інформації про структуру УПА, докладно й аргументовано розповідають про національно-визвольний рух українців західних областей, які потерпали від поляків, потім від «совєтів», а потім від німців, а потім знову від «совєтів», не вбачаючи особливої різниці між ними: «у них же прапор у всіх – червоний, тільки у поляків – ще й з білим».

Капранови нагадали, що скринька Пандори відкрита. Коли одні безпредметно репетують як навіжені, другі залякують нас черговим міфом про підступні плани ворога, і перші, і другі – ось справжні вороги України.

Ніколи найпідступніший ворог не зробить того, що творять «свої» через власну жадність та облудність.

Але виявляється, що головний наш ворог – це ми самі. Це читається поміж кожного рядка книги, у всякому випадку, це мені вдалося відчути.

…Капранови майстерно володіють українським словом, тонко відчувають його душу. У сучасній українській літературі це гідний виняток, зразок для наслідування. Близнюки – менестрелі ІТ-епохи.

Нема у їх творах і сліду надуманості, пихатості з претензією на «високу» літературу, манірності. Відчувається глибока повага до читача. Без прихованого «пікассизму» чи тіні поблажливої зверхності.

Доступність та образність, відверта пристрасть, помножені на самобутній талант творчого тандему, складають високий взірець музики смачної прози.

Звідки це? – спитаєте. Це – від сердець, які щиро вболівають за Україну.

Символіка, закладена у романі, дає надію. Ту саму, що залишилася на самому дні скриньки давньогрецького міфу.

Україні бути! Попри все! Хай поглине Забудь-річка все, що нас роз'єднує.

Вадим Шпильовий,
член НСЖУ

«МОЗАИКА» ИЗ ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

«Мозаика» – плод увлечённости нашего земляка,
писателя Адриана Топорова (1891–1984).

Он был выходцем из беднейшей крестьянской семьи на Белгородчине. Просветительская работа А. М. Топорова началась в 1908 г. в глубокой российской провинции – в Курской губернии, затем он учительствовал в Барнауле, в алтайском селе Верх-Жилино. Стал организатором коммуны «Майское утро». Именно из Верх-Жилино двадцать мужиков, прихватив с собой баб и детей, ушли на пустырь, чтобы начать новую жизнь. Бывшая воспитанница сельского учителя Э. Горюхина вспоминала, что это был «величайший социальный эксперимент, в основе которого лежала культурная составляющая выдающегося педагога А. М. Топорова. Подумать только, в 20-х годах на Алтае строились коровники по типу датских скотных дворов. Выписывались из-за границы экономические журналы».

Что ещё сделал Топоров? Попробуем ничего не забыть.

Высшее проявление его просветительской миссии, конечно же, – педагогическая деятельность, далеко выходящая за рамки любой школьной программы. Он стал одним из лучших педагогов страны. Избирался делегатом Первого всесоюзного учительского съезда. Его фамилию зачастую упоминают в одном ряду с именами Я. А. Коменского, К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Су-

хомлинского, а школу коммуны «Майское утро» иногда сравнивают с яснополянской школой Льва Толстого.

В течение 20 лет он учил детишек и обучал грамоте коммунаров, собрал в глухом краю богатейшую библиотеку, краеведческий музей и два народных театра, детский и взрослый. Коммунары ставили «На дне» М. Горького и «Дядю Ваню» А. П. Чехова, в репертуаре были Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Мольер и пр. Дело его рук также – хор и струнный оркестр, исполнявшие классические произведения. Невозможно в это поверить, но в коммунарской деревенской школе – в тяжелейшие годы после Гражданской войны – одних только циммермановских скрипок было пятьдесят!!!

А. М. Топоров организовал читки художественной литературы. Крестьяне и их дети прослушали в блестящем актёрском исполнении молодого учителя сотни книг классиков и советских писателей – от Гомера до Метерлинка, от Пушкина и Толстого до Пастернака и Зощенко. Но не только прослушали: «Белинские в лаптях» (по выражению знаменитого журналиста-известинца А. Аграновского) высказали о каждой из них свои оригинальные и глубокие замечания. «Проглоти перо – лучше не скажешь», – так охарактеризовал эти критические замечания писатель и пушкинист В. В. Вересаев. Накопленный материал вылился в легендарную книгу «Крестьяне о писателях» (1930). Она сделала имя автора известным не только в СССР, но и далеко за его пределами – в США, Австралии, Польше, Швейцарии, была высоко оценена А. М. Горьким, К. Г. Паустовским, К. И. Чуковским, А. В. Луначарским, Н. А. Рубакиным, А. Т. Твардовским, М. В. Исаковским, В. А. Сухомлинским, С. П. Залыгиным.

Как публицист, он упомянут в серьёзных научных исследованиях, признавался лучшим селькором Алтая, его статьи печатались более чем в 100 изданиях нашей страны и за рубежом. А. М. Топоров известен также как библиовед, эсперантист, музыковед, языковед. Во всех этих отраслях культуры и знаний он имел печатные работы, научные труды. Ему посвятил фильм «Майское утро» знаменитый кинодокументалист Р. П. Сергиенко, ученик великого А. П. Довженко (ЦСДФ, г. Москва, 1988). О нём написаны биографические и художественные книги, стихотворения. За определённую схожесть судеб, ГУЛАГовское прошлое, несгибаемое мужество и литературный дар его называли «николаевским Солженицыным».

Лебединой песней знаменитого земляка стала книга «Мозаика». Это логическое завершение его просветительской миссии на земле, поскольку в литературном творчестве и в других сферах его многосторонней деятельности ясно прослеживалось стремление использовать все возможности для широкого распространения в обществе научных знаний и реализации на практике заботы о сохранении и изучении культурного наследия. Он говорил так: «Многие коллекционеры собирают картины, редкие книги, открытки, почтовые марки, металлические и бумажные деньги, трубки, портсигары, птичьи яйца, спичечные коробки, конфетные и мыльные обёртки и другие предметы, а я попытался собрать любопытные факты и эпизоды из жизни учёных, писателей, художников, композиторов, артистов театра, кино, цирка, словом, замечательных людей, создававших общечеловеческую культуру...» И добавлял: «Я пытался представить героев эпизодов как живых людей в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими… Все они извлечены из литературных источников и лишь сжато изложены мною».

Около десяти лет Адриан Митрофанович безвылазно провёл в библиотеках, разыскивая в старинной и современной ему литературе эти эпизоды. Сведённые вместе и преподанные в занимательной форме, эти энциклопедические, на первый взгляд, материалы заиграли новыми красками. Топоров отчётливо понимал, что собранное им неизвестно большинству читателей, особенно молодёжи, и страстно хотел увидеть эту книгу изданной. Но было не суждено: «Мозаика» появилась на свет в киевском издательстве «Дніпро» лишь год спустя после смерти автора сравнительно небольшим для советского времени тиражом и в сильно усечённом варианте (примерно седьмая часть рукописи). Она почти сразу обрела популярность среди участников чемпионатов по интеллектуальным играм («Что? Где? Когда?», «Брейн-ринг») в Израиле, Германии, России, Украине. Отдельные миниатюры из неё охотно печатают в различных альманахах, журналах и газетах.

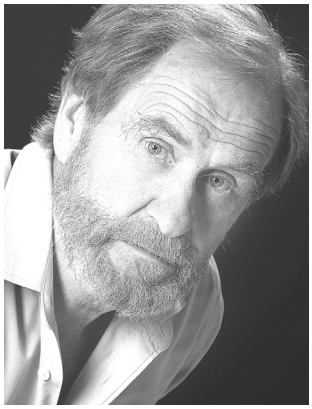
У любителей чтения теперь есть возможность подержать в руках второе, значительно дополненное, издание «Мозаики». Надеюсь, что новая публикация поможет лучше представить образ Адриана Топорова, одного из последних рыцарей культуры.

Выражаю искреннее признание за участие в подготовке издания сотрудникам Государственного архива Николаевской области.

Игорь Топоров

Издательский перекрёсток

МОЙ ПОРОГ БОЛИ



А. В. Вербец (1943–2016) был заслуженным артистом Украины, членом труппы Николаевского русского драматического театра, любимцем публики, играл в пьесах Шекспира, Чехова, Шиллера, Лопе де Вега, Квитки-Основьяненко, Чапека. Такому может позавидовать каждый, кто мечтает об актёрской судьбе. Однако Альберт Васильевич был ещё талантливым драматургом. В последние годы он готовил к изданию два тома своих пьес, первый вышел под названием «Из ночи в ночь» (Николаев, 2014). Мы печатаем авторское предисловие А. Вербеца, которое не вошло в опубликованную книгу.

Драматургия считается самым сложным литературным жанром.

Наверное, это так. Ведь даже придумав фабулу и разработав сюжет на бумаге, нельзя потом дать себе расслабиться. Нужно держать (не в голове даже, а внутри себя) всю систему образов, все взаимоотношения, мотивации, стремления героев. Их боль, любовь, ненависть, презрение и прочее, и прочее. У меня, во всяком случае, по-другому не получалось. Если обстоятельства отвлекали, хотя бы на месяц, приходилось начинать заново. А заново – это как ещё раз влюбляться в одну и ту же, мягко говоря, музу.

И ещё. Я начинал работать над созданием пьесы, только когда меня что-то очень серьёзно зацепит. Мне (да, наверно, и всем) нужен трамплин, повод, толчок, чтобы захотеть что-то сказать людям. Чтобы попытаться достучаться. Большие режиссёры говорят: «болевой порог» нужен, чтобы иметь право о чём-то говорить со зрителем. Мне даже в сказках хотелось сказать о чём-то своём.

Так получилось и с созданием фарса «Посвящение». Я ещё в молодости написал сказку для театра. Очень смешную. С аллюзиями. На потеху вольнодумствующей тогдашней молодёжи. До поры до времени её никто не хотел ставить. Но вдруг в Николаеве режиссёр Пименов Геннадий Петрович обратил на неё внимание.

Процесс разрешения к постановке любой новой пьесы в то время был достаточно сложным, но, в конце концов, пьеса была принята к рассмотрению в репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры Украины. Там её отдали на рецензию (так полагалось) одному из штатных рецензентов министерства. Моя сказка попала к Владимиру Николаевичу Оглоблину. Это один из немногих авторитетов украинского театра.

Его имя хорошо известно каждому мало-мальски заинтересованному зрителю.

Одно время он работал и в Николаеве. То, что сказка попала на рецензию к нему, особых восторгов в нашем театре не вызвало. Оглоблин считался очень жёстким критиком и практически положительных рецензий не давал. Я как-то приуныл... Но спустя некоторое время он позвонил мне. Сам. Пожелал со мной встретиться. Перед обсуждением на коллегии. Я приехал в Киев. Принёс ему по его просьбе ещё пьесу – «Экипаж».

Он посмотрел её. Мы потом весь вечер проговорили. Чуть-чуть даже ночь захватили.

А утром я пошёл от него на заседание коллегии в министерство.

И там, в министерстве, после всех лестных слов Владимира Николаевича в мой адрес – вдруг как ушат холодной воды. Камня на камне не оставили. Громом среди ясного неба это было и для Оглоблина. Потом он в Киеве на каждой коллегии, на каждом мало-мальском совещании, на творческих конференциях поднимался на трибуну и говорил обо мне и о ретроградстве чиновничества. Так обо мне узнали в Киеве. И, может быть, где-то ещё.

Нетрудно представить моё состояние после этой коллегии. Я вернулся домой в Николаев и за одну ночь написал пьесу. Про них. Вы её можете прочитать. Кажется, мне удалось передать в ней первозданность моего отношения к случившемуся. Пусть это было давно. Ещё в 1978 году. Но мне до сих пор досадно. Представляете, что было тогда?! Впрочем, попробуйте прямо сейчас и представить. Мой порог боли…

Альберт Вербец

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

Филалеев А. Дети войны. История одной семьи: сборник рассказов. – Николаев: Илион, 2017. – 68 с.

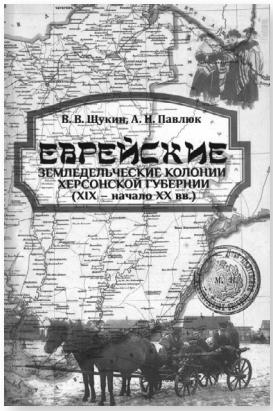
В рейтинге местных изданий, адресованных младшим и средним школьникам, эта книга может занять место лидера. В ней есть всё, что ценят наши читающие, любознательные дети: взаимоотношения с родителями, старшими братьями и сёстрами, любимые домашние животные, рыбалка и вечные игры в войну. Всё дело в том, что автор рассказывает историю своего детства, семьи, которой пришлось пережить Вторую мировую войну, эвакуацию в Среднюю Азию и возвращение в послевоенный Сталинград, где погиб отец автора-повествователя, ныне николаевца, почетного строителя А. А. Филалеева. Его рассказы о своём взрослении – «Шарик», «Старший брат», «Студебеккер», «Хлеб для немца», «Игрушки от Гитлера» лишены вымысла, но не художественности, они подкупают детской непосредственностью и поражают чутким слогом выражения того, что составляет народную память. Особо хочется выделить рассказ «Эшелон», который передаёт эпическую драму целого поколения людей, тех, кого сегодня называют детьми войны. А ещё, на мой взгляд, он очень кинематографичен.

«В своих воспоминаниях, – пишет автор, – я хочу поведать историю маленького мальчика, рассказать о том, как жили дети послевоенной поры, когда страна лежала в руинах, не хватало еды, одежды, человеческого жилья, но радовались долгожданной Победе. Все тяготы того времени, заботы о детях легли на плечи наших мам, так как отцы погибли на фронтах в боях против фашизма. Я низко кланяюсь нашим матерям».

Сборник рассказов прекрасно иллюстрирован, оформление книги принадлежит опытнейшему дизайнеру издательства «Илион» Вадиму Кобзарю.

Е. Евгеньев

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ



Щукин В. В., Павлюк А. Н. Еврейские земледельческие колонии Херсонской губернии (XIX – начало XX вв.) / В. В. Щукин, А. Н. Павлюк; под ред. М. Д. Гольденберга. – Николаев: Изд. П. Н. Шамрай, 2016. – 408 с.

Книга, изданная в рамках проекта Николаевского общества еврейской культуры в Николаеве, помогает прояснить события прошлого, раскрывает малоизвестные страницы заселения южного региона Украины. К изданию книга рекомендована научно-методическим советом Государственного областного архива. Поддержку и содействие в её публикации оказали областное управление культуры, совет национальностей и религий Николаевской облгосадминистрации, общество еврейской культуры и фонда «Natan» N.Y.

Как утверждают авторы, «исследование представляет попытку выйти за пределы устоявшихся стереотипов оценки еврейской земледельческой колонизации», в нём рассказывается о деятельности еврейских колоний на юге с момента их создания (начало XIX века) до 1917 года. Проанализировав и изучив большой массив документов и архивных материалов Николаева, Одессы и Херсона, значительная часть из которых ранее не использовалась, авторы обосновывают и доказывают высокий уровень еврейского земледелия, оказавшего значительное влияние на дальнейшее развитие региона. Книга сохранила имена многих жителей поселений многочисленной еврейской диаспоры Восточно-европейского региона.

Книга рассчитана на краеведов-исследователей, историков, а также всех, кто интересуется традициями и историей юга Украины. Презентация книги прошла в областной универсальной научной библиотеке им. А. Гмырева. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте history.mk.ua.

Марина Тасинкевич

О ВЫДАЮЩЕМСЯ ЗЕМЛЯКЕ

Михаил Кондратьев. Сердце, отданное людям. – Николаев: Изд-во Шамрай П.Н., 2017. – 364 с.

Он участвовал в восстановлении и благоукрашении свыше 20 храмов в Николаеве и области, установил в разных уголках края более 30 поклонных крестов и 20 памятных знаков, посвящённых историческим лицам и событиям прошлого, содействовал изданию 15 краеведческих книг, в течение десяти лет опекал старый городской некрополь…

Близкие, друзья, единомышленники постарались максимально собрать воспоминания о Михаиле Кондратьеве. Его общественные проекты и активную работу по их воплощению освещала пресса, поэтому в настоящий сборник включены 54 публикации газеты «Вечерний Николаев» (с 2007 по 2016 гг.), 14 – из газеты «Южная правда». Сегодня фактически это документальное подтверждение масштабов его деятельности. Он был награждён орденами «Знак почёта» и Святого Равноапостольного Князя Владимира, получил областную награду «За заслуги перед Николаевщиной».

Михаил Иванович обладал писательским даром. На сайте «Никпортал» у него был свой блог, где автор успел поместить 146 статей. 30 из них публикуются в книге.

Сборник содержит ещё целый ряд материалов, в которых М. И. Кондратьев рассказывает о себе – своей родословной, о работе в сфере кооперативной торговли. Уникальными являются его электронные письма, написанные в 2011–2012 годах журналисту Татьяне Бакоцкой. Это своеобразный дневник, где описаны житейские будни, встречи с людьми, изложены планы, размышления о текущих событиях. Текст книги иллюстрирован 200 фотографиями из семейного архива Кондратьевых и архивов жителей Николаева.

11 ноября 2012 года Михаил Иванович отмечал свой 60-летний юбилей. От имени благодарных горожан его поздравила «Вечёрка». И это была первая попытка региональных СМИ создать «объёмный» портрет выдающегося земляка. Михаил Иванович умер 4 октября 2016 года. В составлении и редактировании книги о нём приняла участие и автор этой заметки.

Наталья Христова

О ЧЁМ РАССКАЗАЛ КНИЖНЫЙ ЗНАК М. В. ЭРДЕЛИ

К владельческим знакам издания относят экслибрисы (от лат. ex libris – из книг) – наклеенные на книгу ярлыки с надписями или гербами; суперэкслибрисы – тиснения гербов, фамилий, инициалов на переплётах и корешках книг, а также печати, тиснения и записи на страницах книг.

Николаевская областная универсальная научная библиотека им. А. Гмырёва располагает коллекцией книжных раритетов, насчитывающих более 40 тыс. книг и периодических изданий. Это собрание разнообразно по содержанию, включает первые и прижизненные экземпляры произведений знаменитых писателей и учёных, книги выдающихся типографов прошлых столетий. Эта литература представлена на украинском, русском и иностранных языках.

В библиотеке хранятся уникальные издания, интересные своим содержанием или полиграфическим исполнением, а также экземпляры книг, имеющие какие-либо индивидуальные особенности. На их страницах и переплётах встречаются знаки, свидетельствующие о принадлежности экземпляра её владельцу. Книги с пометами владельцев часто ценятся гораздо больше, чем без них. Они позволяют судить об эпохе, развитии науки, культуры, получить сведения о личностях собирателей-книголюбов, об их занятиях и интересах, читательской моде, приоритетах издателей и книготорговцев. Иногда владельческие, торговые и прочие знаки помогают датировать книгу или установить её место рождения, если она не имеет выходных данных.

В нашем фонде выделен перечень книг с дарственными надписями авторов, подписями, пометами, сделанными читателями, а также книжными знаками частных и общественных библиотек, переплётных мастерских и книжных магазинов. Среди книжных знаков, сохранившихся на книгах, обращает на себя внимание бумажный ярлык землевладельца, видного земского деятеля Херсонской губернии, коллекционера Н. В. Эрдели (1846–1902).

Николай Владимирович Эрдели родился в селе Мостовое Ананьевского уезда Херсонской губернии (сейчас Доманёвский район Николаевской области). Получил хорошее образование – сначала в Ришельевском лицее, а затем в Московском университете. После завершения обучения Николай Владимирович изредка проживал в Одессе, чаще в родовом имении, в селе Мостовое. Во время службы уездным и губернским гласным много внимания уделял проблемам народного образования и медицинского обслуживания. Благодаря его стараниям в Мостовом были открыты школа и больница. Также Н. В. Эрдели был председателем Ананьевского съезда мировых судей, почётным мировым судьёй Одессы, активным членом Одесского общества истории и древностей, Общества сельского хозяйства южной России, Общества изящных искусств и других научных и благотворительных обществ. Как высокообразованный человек своего времени Н. В. Эрдели способствовал также культурному развитию края, постоянно заботился о пополнении фонда Херсонской земской библиотеки, что не раз отмечали гласные земских уездных собраний.

Н. В. Эрдели слыл страстным книголюбом, который собрал уникальную частную библиотеку редких печатных изданий. В государственном архиве Одесской области хранятся отдельным именным фондом остатки когда-то, видимо, огромного семейного архива Эрдели. В его бумагах попадаются отдельные документы, письма, связанные с библиофильскими интересами. Среди них – счёт от товарищества книжных магазинов М. О. Вольфа в Петербурге за присланные тома «Живописной России», билет на получение ежемесячного издания «Художественные сокровища России», почтовая открытка от «Русской книжной торговли и типографии А. Г. Сыркина» в Вильне.

Известный коллекционер старинных и редких книг, библиограф С. Р. Минцлов так писал о фамильной библиотеке Эрдели: «Она заключала в себе до 40 000 томов, собранных несколькими поколениями. Главными отделами были – история искусств, раскола и мемуары. Среди огромного количества писем и рукописей имелись ещё неизданные записки Пушкина; большинство документов относилось к истории Новороссии. Кроме библиотеки, в доме хранились коллекции гравюр, автографов и картинная галерея». Судьба этой огромной книжной коллекции после 1917 г. неизвестна. В вихре исторических событий начала XX в. она практически была утеряна, а до наших дней дошли только отдельные издания, на которых сохранились владельческие знаки семьи Эрдели.

В настоящее время в фонде ОУНБ им. А. Гмырёва удалось найти только одно издание с экслибрисом Н. В. Эрдели. На форзаце книги А. Галахова «Историческая хрестоматия нового периода русской словесности», т. 2 (Санкт-Петербург, 1864), наклеен ярлык восьмиугольной формы, размером 58х46 мм, с изображением в двойной линейной рамке родового герба, под которым надпись – «Н. В. Эрдели». В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» дано следующее описание его герба: «В верхней половине щита в голубом и красном полях изображено два серебряных крыла; в нижней золотой части находится пеший воин в венгерском одеянии, имеющий в правой руке саблю, подъятую на поражение. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною со страусовыми перьями, на коих означена согнутая в латах рука со шпагой. Намёт красный и голубой, подложен серебром».

Экслибрис отпечатан на белой бумаге чёрным цветом, техника выполнения – предположительно литография, время выполнения – вторая половина XIX в. Книга в полукожаном переплёте, крышки переплёта оклеены мраморной бумагой коричневого цвета, форзац цвета «гребневого мрамора», обрез тёмно-красный, на кожаном корешке – тиснённые золотом фамилия автора, название книги и номер тома. Точная дата поступления книги в фонд областной библиотеки неизвестна, но на титульном листе есть печать «Першотравенська окружна центральна бібліотека імені Жовтневої революції», а также штамп «1938». Он может указывать как на год, в котором книга поступила в фонд, так и на дату проверки фонда. Данные пометы свидетельствуют о том, что в 30-х гг. XX в. книга хранилась в библиотеке г. Первомайска, а в фонд нашей библиотеки была передана во второй половине XX в., о чём свидетельствует печать образца 1970-х гг. «Миколаївська державна обласна наукова бібліотека ім. Олексія Гмирьова». Таким образом, удалось проследить судьбу редкой книги и судьбу ее владельца.

Изучение редких изданий и выявление книжных знаков продолжается, накапливаются материалы о других библиофилах нашего края. Дело это не одного года и не одного поколения исследователей, поскольку отрывочные сведения о коллекциях и их владельцах разбросаны по архивам, справочным и периодическим изданиям прошлого. О некоторых хранителях редких собраний почти ничего неизвестно. Между тем очень важно хотя бы по крупицам собрать информацию о них, поскольку их жизнь и деятельность – это наша история, а собранные ими книжные коллекции – неотъемлемая часть культурного наследия.

Татьяна Серебрякова,
заведующая отделом научно-исследовательской работы
с редкими и ценными изданиями Николаевской ОУНБ им. А. Гмырёва

«СЧАСТЬЕ» С АЛЫМИ ПАРУСАМИ

19 мая 2017 года николаевскому детскому городку «Сказка» исполнилось 35 лет. Уже второе земное поколение плывёт среди шумных волн николаевской детворы большой корабль с парусами – фрегат. Не раз по прихоти людей менял он свои названия: «Святой Николай», «Алые паруса», «Грин», «Буян», а с недавних пор просто – «Счастье». Корабль, как деревья листвой в тёплую пору, обрастающий алыми парусами. Символично, что это происходит, как правило, в самом начале лета – в Международный день защиты детей…

35 лет назад главный архитектор «Сказки» Вадим Павлович Попов решил сделать центральной композицией объекта парусный корабль, как символ кораблестроения Николаева. За основу был взят знаменитый парусник «Святой Николай», 44-пушечный парусный фрегат Черноморского флота. Первый корабль, построенный на николаевской верфи 25 августа 1790 года. Его строительством руководили корабельный подмастерье Александр Петрович Соколов и И. Должников. Детский парусник «Святой Николай» также сооружали самые настоящие корабелы – специалисты Черноморского судостроительного завода. А ведь этого объекта в детском городке могло и не быть – представители художественного фонда, которые включились в работу после создания рабочих чертежей, заявили, что с проектом детского городка не согласны. Высказались, в числе прочего, против парусного корабля, предложив заменить его космическим кораблём. Аргументировали тем, что парусники остались далеко в прошлом, а молодое поколение нужно нацеливать на будущее, то есть – в Космос. Не понравилось им и многое другое. Тогда было предложено изготовить второй макет – по проекту художественного фонда. Оба макета были представлены на бюро обкома партии, и партийное руководство во главе с Васляевым высказалось за проект Попова.

Это покажется невероятным, но «Сказку» проектировали за средства, выделенные на... проектирование кладбища! Поскольку ни один нормативный акт, ни одна статья расходов в бюджете не предусматривали такого объекта, как детский городок. Сооружение «Сказки» называли народной стройкой: ещё на этапе подготовки эскизов, чертежей и проектов закончились запланированные средства. Дальнейшая работа основывалась сугубо на добровольных началах. Каждый «сказочный» объект был закреплён за отдельным предприятием, которое его и сооружало. Естественно, что строили по выходным, после основной работы… А 19 мая 1982 года, в день 60-летия Всесоюзной пионерской организации, первый в СССР детский городок «Сказка» распахнул свои двери и вмиг наполнился маленькими жителями. Сегодня это любимое место отдыха уже нескольких поколений николаевской детворы. «Сказку» можно смело называть визитной карточкой нашего города, наряду с зоопарком или яхт-клубом. Дети, когда-то бегавшие по палубе сказочного фрегата, выросли и вершат судьбу этого города. Не может не радовать тот факт, что кораблю детства обещано будущее – уже к 1 сентября 2018 года планируется, в числе прочего, реконструировать корабль и водоём, в котором он находится. Об этом заявил начальник управления культуры Юрий Любаров. По его словам, общая стоимость ремонтных работ в городке «Сказка» составит 3,85 млн грн. Корабль «Счастье» хотят обшить деревом с открытыми трюмами, а резервуар вокруг него должен быть заполнен водой. Планируется реставрация и запуск фонтана в каскадном бассейне.

Хочется верить, что это не разовая акция и детский городок ожидает благосклонное отношение со стороны местной власти, полное воплощение всех замыслов коллектива авторов. Ведь в каждом сказочном объекте были предусмотрены помещения для работы детских кружков. А внутри корабля должен был разместиться кружок, где бы учили школьников моделировать корабли. Да и главная идея создателей объекта заключалась не в том, чтобы соорудить в Николаеве место с качелями-каруселями, а в создании центра досуга и творчества.

Оксана Евзикова
Фото Александра Сайковского

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.
Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.
Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.
Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.
Все права защищены.

Владимир Пахомов. «Слон Сальвадора Дали».

ЧИТАЙТЕ В НАСТУПНИХ НОМЕРАХ:

- Поезія: **Марк ЛИСЯНСЬКИЙ** (105 років з дня народження), **Сергій ЦУШКО, Олег ДОРОШ**
- Проза: **Леонід КУЛІЧЕНКО** (100 років з дня народження), **Анатолій ФІЛАЛЄЄВ**
- Публіцистика: **В'ячеслав КУЛАКОВ.** ДВОЄ В КРИМУ
  Вадим ШПИЛЬОВИЙ. ЩО ДОВЕЛОСЯ ПЕРЕЖИТИ ОЧАКІВЦЯМ
  Любов ВАРЮХІНА. ЛІТЕРАТУРНИЙ СКВЕР
- Майстерня: **Олексій ТОРХОВ.** ОСТАННЯ КАРТИНА МАРКИТАНА
- Архів: **Марина ТАСИНКЕВИЧ.** ЗАБУТИЙ ЖАНР

Илья Кальницкий. «Спуск судна»